Васіль Быкаў

Парадоксы жыцця

Василь Быков

Парадоксы жизни

Прэмія Міжнароднага Літаратурнага Фонда "За гонар і годнасьць таленту" заснавана ў 1997 годзе.

Яе першымі лаўрэатамі сталі Алесь Адамовіч (пасьмяротна), Дзьмітрый Ліхачоў, Віктар Астаф'еў, Васіль Быкаў і Булат Акуджава (пасьмяротна).

ПРАРОК З ДЗЯРЖАВЫ ПАРАДОКСАЎ

Яго лёс – няскорная барацьба з жыцьцёвымі парадоксамі.

Барацьба з галодным дзяцінствам на ўрадлівай вушацкай зямлі, лепшых працаўнікоў якой беспадстаўна зьнішчалі: ці ў сутарэньнях НКВД, ці ў сібірскай высылцы.

Барацьба з гітлераўскім нацызмам. Барацьба нядаўняга мастака-шкаляра на крывавай перадавой, а не ў штабе ці ў тыле. І пасьля таго, як на радзіму пойдзе "пахаронка", як на абеліску пад Кіраваградам выб'юць Ягонае імя, Ён яшчэ дойдзе па франтавых дарогах да Перамогі. І вернецца жывым. І яшчэ некалькі гадоў да мабілізацыі праслужыць Айчыне на Далёкім Усходзе.

Пасьля чаго пачнецца барацьба мірная, мастацкая. Барацьба словам – праўдзівым, мужным, быкаўскім... Супрацьстаяць яму будуць магутныя і жорсткія сілы: савецкая ідэалогія, цэнзура, шпіёнства, здрада. І чалавечая слабасьць, якую паспрабуюць падпарадкаваць прэміямі і званьнямі. І ня змогуць.

Калі распадзецца Савецкая імперыя, Ён адзін з першых будзе вітаць Незалежную Беларусь ды – як інтэлектуал з сусьветнай славай – адстойваць свабоду сваёй Бацькаўшчыны. І зноў зьведае наступ хлусьні, шальмаваньня – з вышэйшых адміністрацыйных трыбун. Зноў (як і напрыканцы застойных 60-х – пасьля апублікаваньня Ягонай аповесьці "Мёртвым не баліць") у дзяржаўным друку пачнуць зьяўляцца паклёпніцкія артыкулы, а Беларускае тэлебачананьне Яго – Народнага пісьменьніка Беларусі! – назаве «литературным полицаем» ды «Василием, не помнящим родства»...

У той час Васіль Быкаў ужо некалькі гадоў – з красавіка 1998-га па травень 2003-га – будзе жыць на чужыне: спачатку ў Швецыі, Фінлягідыі, затым – у Нямеччыне, Чэхіі. І зноў хадзіць кругамі жыцьцёвых парадоксаў. Змагара з нямецкім нацызмам прытулілі нямецкія Берлін, Віпэрсдорф, Фрайкфурт-на-Майне, – а там, на Радзіме, Ён, ветэран-франтавік, ня мог свабодна ўскласьці кветкі да сталічнага помніка Перамогі. «...перад вялізнай шматтысячнай калонай БНФ, якая ішла ўскладаць кветкі да абеліску Перамогі, паўстала сьцяна міліцыянтаў. Тую сьцяну калона прорвала, амаль не спыняючыся. Тады вырасла шарэнга АМАПу. І тую мы прарвалі.

Спыніліся толькі перад узмоцненай, шматраднай шарэнгай АМАПу ля самай плошчы. Стаялі доўга. Надо мной, каб засьцерагчы ад сонца, увесь час хлопцы трымалі бел-чырвона-белы сьцяг, і ў тым мне ўбачыўся вялізны Боскі сімвал. З такім сімвалам дай Бог і загінуць». Прыведзеная цытата – з Ягоных запісаў "Парадоксы жыцьця", якія і далі назву гэтай кнізе.

Зьняможаны хваробамі і адзінотай, Ён мужна працягваў барацьбу з лёсавымі парадоксамі – новымі аповесьцямі, апаняданьнямі, іірыпавссыіямі, публіцыстычнымі артыкуламі. Урэшце – сваёй лрысутнасьцю ў ГЗТЫМ супярэчііым сьвеце. Як наш сімвал, гонар, годнасьць. Як эталон нраўдалюбства і нескаронасьці.

І пакінуў жыцьце па-салдацку мужна. Але дзяржаўны Парадокс баяўся Яго і мёртвага, і з мёртвым не слыніў змаганьне. Такога яшчэ не было ў новай гісторыі: перад начаткам грамадзянскай паніхіды з Дому літаратара, у якім стаяла труна Народнага пісьменьніка, сьпешна сыходзіць Дзяржаўная камісія па пахаваньні на чале з міністрам культуры. Сыходзяць, не разьвітаўшыся з целам сусьветнавядомага беларуса, усе "дзяржаўныя мужы". З афіцыйных асобаў у жалобным доме – толькі Паслы еўрапейскіх краін. І тысячы кветак, якія нясуць да народнага прарока сотні Ягоных сяброў-літаратараў, тысячы Ягоных чытачоў. І зноў на белым – як на старадаўняй плашчаніцы – новым болем ірдзее Хрыстова кроў: у жалобе нацыянальная бел-чырвона-белая сімволіка, над якой Ён, Быкаў, прасіў Бога адысьці ў вечнасьць...

І Ён стаў нашай Вечнасьцю. Разам з сотнямі іншых дзеячоў Беларушчыны, няскораных, мужных, праўдзівых. І ирацягвае барацьбу – сваім словам, якое ня мае сьмерці.

Ягонае слова дзейснае і сёньня. На працягу года з новым! творамі Васіля Быкава, якія пісаліся ім дома і на чужыне, знаёміў беларускага чытача незалежны літаратурны часопіс "Дзеяслоў". З тых публікацый і склалася гэтая кніга, у надзеі, што хоць на некалькі жыцьцёвых парадоксаў у нас стане менш. І з верай у праўду, якую ўсё сваё жыцьцё і адстойваў Вялікі Беларус Васіль Быкаў.

Алесь ПАШКЕВІЧ,
старшыня Саюза беларускіх пісьменнікаў
16 траўня 2004 г.

АФГАНЕЦ

Повесть

Последние три или четыре ночи, вконец рассорившись с женой, Ступак ночевал в гараже. Впрочем, и дневал тоже, потому что твердо решил не возвращаться на пятый этаж в свою силикатную хрущевку. Раз уж он там не мил, ненавистен, раз уж появился кое-кто получше, так пусть жена подавится квартирой и забавляется с новым женихом; законному мужу пути туда нет. Все же и у него гордость есть. Тем более, что его жизнь, похоже, катится в тартарары, чего уж по квартире убиваться?

Проблемы свалились неожиданно, на исходе зимы, когда начала явно загибаться его «фирма», еще недавно процветающий «почтовый ящик». Заказы министерства обороны иссякли, рабочим перестали платить, и Ступак, плюнув на новые порядки, уволился «по собственному». Думал, передохнет немного и присмотрит что-нибудь получше. Правда, большие надежды он тогда возлагал на жену Людмилу Петровну, которая работала бухгалтером в банке. Но, видно, так уж заведено в жизни – где тонко, там и рвется, разорвалось и с Людкой. Неожиданно для себя он узнал, что у той появился ухажер, и не лишь бы кто, а генеральный директор того же банка. Естественно, не обошлось без ругани, жена поначалу оправдывалась, клялась-божилась, но как только получила хорошую затрещину, злобно призналась: да, есть человек. Мужчина, не тебе, тле, чета. Себя прокормить не можешь, что уж о жене с ребенком говорить. Тогда Ступак все понял и, правильно оценив ситуацию, схватил пиджак и громко хлопнул дверью. Всё же он – не тля, он человек с характером, к тому же – афганец. А если иногда лишнего выпьет, так кто сейчас не пьет? Разве что больные или те, кому не дают. Кому не за что пить.

Правда, и у него в последнее время выпить было не за что.

Этот его металлический, сваренный из железных листов гараж приютился на краю городского двора, около рядка молодых липок, вместе с шестью такими же временными сооружениями. Гаражи простояли лет десять, но недавно оказалось, что незаконно – пришло

постановление на их снос. Куда? – спросили владельцы и, не получив внятного ответа, решили: вот вам, выкусите! Сносить не станем. Как ни странно, их на время оставили в покое, перестали наклеивать грозные предупреждения на ржавых дверях. Они подумали было, что победили, но вдруг в начале лета всех вызвали в налоговую инспекцию, где выписали налог и штраф. Штраф оказался немаленьким, но гаражники-пенсионеры, дождавшись пенсий, заплатили-таки. Ступак же и в этот раз сказал: «Выкусите!» – у него уже давно не было денег не только на штраф, но и на кружку пива, чтобы поутру захмелеть.

Чуть в сторонке от гаражей, за липками, разместились детская песочница и беседка с проломанным полом, которые пустовали весь день, потому что дети из окрестных домов уже, кажется, повырастали, а новые не рождались. Только ближе к вечеру или ночью появлялась какая-нибудь шайка подростков из близлежащего ПТУ либо из соседней школы; эти и выпивали, и курили, а может, и кололись, девчонки наравне с ребятами хохотали и матерились, не обращая внимания на взрослых около гаражей. Однажды, не выдержав воплей, Ступак попытался их утихомирить, пригрозил позвать милицию. В беседке стало тише, и из темноты долетел молодой басок: «Думаешь, железо не горит?» Ступак потерял дар речи: намек был слишком откровенным, а он уже знал, как горит железо. Сам под Кандагаром едва успел унести ноги из БТРа, занявшегося таким чудовищным пламенем, что расплавился асфальт на дороге. Разозлившись, он хорошенько пуганул молодую шайку, хотя и подумал, что это соседство может для него плохо закончиться. В Афгане не сгорел – не хватало здесь сгореть.

Впрочем, это, наверное, была всего лишь болтовня, пожалуй, никто его и не поджег бы. Кое-как перекантовался бы и в гараже – не такой уж он и барин, чтобы каждую ночь спать на мягком диване, на белых простынях. Были бы деньги. Незаметно и быстро разошлись те восемьсот баксов, которые выручил весной за свой 412-ый «Москвич». Поначалу казалось, что их хватит надолго, все же деньги немалые; так же считали и приятели-соседи, которые вечерком подсаживались в его опустевшем гараже к застланной газеткой табуретке, насквозь пропитанной мазутом. Соседи вообще

были неплохими людьми, они и подбили его расстаться с надоевшим «Москвичем», советовали примериться к иномарке, которые в то время уже не были во дворе диковинкой. Естественно, он был не прочь пересесть на «Опель» или «Мерседес» и уже присматривался к ним на улицах, но как-то так вышло, что баксы закончились раньше, чем он выбрал нужную модель.

К тому, что еще оставалось, пришлось бы изрядно добавить, но добавить было не с чего, а к жене он не хотел соваться. Тогда он плюнул на все иномарки вместе взятые – и на последние десять долларов купил две поллитровки, какую-то закуску и справил поминки по своим наивным планам. В конце концов, можно было прожить и без машины -меньше хлопот, да и в гараже стало свободнее.

Однако это только так казалось: без денег прожить было невозможно, и он в этом очень скоро убедился.

Время от времени, по вечерам или в праздничные дни собирались у гаражей их владельцы, и, открыв двери настежь, начинали ковыряться в двигателях или перебирать барахло в багажниках. А то, устроив перекур, разводили неспешные разговоры о досадных неисправностях своих «Запорожцев», о бензине. После довольно длительного периода бензинового дефицита топливо наконец-то появилось на автозаправках, но цены на него так подпрыгнули, что в глазах зарябило. Правда, Ступака это уже мало интересовало. Волновало его другое: когда закончится этот беспорядок, безденежье и безработица, когда он, здоровый мужик, найдет работу, чтобы заработать на жизнь? Моложавый доцент Минкевич, ездивший на неплохой «семерке», глубокомысленно доказывал, что причина всего – в энергетическом кризисе, что необходимо искать альтернативные источники обеспечения нефтью, но все упирается в реакционное руководство, ориентированное исключительно на восток. Сазон Иванович, седой ветеран, хозяин дальнего гаража, на это темпераментно возражал, что все дело в развале великой мощной державы под названием Советский Союз. Его сосед, тоже пенсионер, которого они звали немного пренебрежительно Плешкой – за его лысеющий затылок – обычно говорил мало, но всегда так, будто гвоздь вбивал: за кого

голосовали, на того и напоролись. Лучшего не заслужили. Коренастый Плешка знал, за кого голосовали соседи, они в том давно уж признались друг другу, сидя у Ступака вокруг табуретки, знал об этом и Ступак, так как и сам голосовал за того же. Кого теперь упрекнешь? Сначала он сомневался в собственном выборе, все думал: дела в государстве как-нибудь поправятся, но время шло, а дела катастрофически ухудшались. Те, кто воровал, стали воровать еще больше, а главное – на законных основаниях. За городом, словно на дрожжах, росли дачи-дворцы, рабочих увольняли, потому что заводы-«почтовые ящики» закрывались один за другим, а на тех, которые еще работали, перестали платить – не было денег. Зато денег хватало для огромной своры милиции, ОМОНа, всех этих спецслужб, которых кишмя кишело на улицах столицы. Доведенный голодухой до отчаяния, Ступак пошел за помощью к руководителю общества афганцев, но тот только развел руками – что я могу? Денег у меня нет. Но ведь он по телевизору говорит, что воинам-афганцам надо помогать. Вот пусть он и поможет, если говорит, ответил руководитель. Ступак прикрутил к пиджаку свой орден и пошел в резиденцию-дворец, но там его на входе остановила охрана. Как ни доказывал, что и орденоносец, и ранен был, пройти внутрь не позволили. Он обругал их, а заодно и их хозяина, и поплелся домой. В свой опустевший гараж. Все как-нибудь перетерпел бы, если бы каждый день не хотелось есть.

В своем дворе среди знакомых и незнакомых он, однако же, молчал. Он не привык высказываться вслух, особенно насчет власти, знал, что лучше держать язык за зубами. Так учил его когда-то отец, учили в комсомоле, потом в армии и в партии, из которой он, почитай, выбыл памятной осенью девяносто первого. Партбилет, правда, тогда не сжег – сунул под белье жены в шкаф, пусть лежит. Наверное, и сейчас лежит.

Однажды он изрядно набрался с хлопцами на сорочинах по инвалиду, тоже афганцу, которого до времени спалила водка, и ночью едва дотащился до своего жилища. Проснувшись утром, почувствовал себя невыразимо мерзко, болели голова и сердце, жить вовсе не хотелось. Кое-как дождавшись рассвета, поднялся, приладил под потолком петлю из капронового буксира, выдвинул на

середину гаража табуретку. Только хотел взобраться на нее, как в дверь тихо постучали, он понял: кто-то из своих. Оттолкнув табуретку в сторону, открыл дверь – то был сосед, молодой парень Алексей, просил струбцину, шарнир зажать. Ступак вынужден был по темным углам искать струбцину. Стоя посреди гаража, Алексей спросил: «А что это – веревка у вас?». – «Да так, привязывал что-то», – соврал хозяин замогильным голосом, словно с того света возвратившись. После того, как парень ушел, прежняя его решимость испарилась, осталась только неизбывная горечь. С открытыми глазами он провалялся полдня на раскладушке, а потом побрел к пивному ларьку, где долго дожидался кого-нибудь знакомого. Едва дожил в тот день до вечера.

Сам Ступак был человеком молчаливым, но слушать, как беседуют другие, любил, особенно когда речь шла о политике, от которой теперь зависело все, которая была основана не столько на разуме и рассудке, сколько на циничном насилии. Насиловала власть, насиловал криминалитет, который множился, роскошествовал, отчего простому человеку было не продохнуть. На днях в соседнем дворе из-под самого окна украли, правда, не новый уже «БМВ», только что пригнанный из Германии. Несмотря на шикарный «алярм», который хозяин демонстрировал целый вечер, давая понять, что угонять не стоит – загудит-заголосит. А вот не заголосил, и никто не услышал, как машину угнали со двора. Люди говорили – милиция, кто же еще так умеет? Может, и милиция, думал Ступак. Именно милиция обнаружила украденный зимою у пенсионера из соседнего дома «Жигуль», но оказалось, что номера перебиты, кузов перекрашен, и машину хозяину не вернули: у милиции, видите ли, появились сомнения. После того, как машина полгода простояла во дворе милиции, сомнения исчезли, но и от машины мало что осталось – раскулачили вчистую. Голый кузов. Может, и хорошо, что Ступак сбагрил к чертовой матери свой «Москвич», меньше хлопот и безопаснее.

Из-за безденежья он почти не читал газет, разве что изредка – по случаю, по каждый раз нервничал и расстраивался, даже хотелось выругаться Газеты лгали так нагло, как не врали никогда прежде, при советах. Кроме того, в каждом номере -указы, декреты,

законы и бесчисленное множество поправок к предыдущим законам и предыдущим поправкам, бесконечные выступления самого, от которых к горлу подступала тошнота. Всё указывал, требовал, грозил и обманывал – как когда-то политруки в армии, как в Афгане. Что значит -начинающий милиционер, дорвался до власти, не успев накомандоваться во время полицейской службы, – так теперь жадно утоляет свой командирский зуд. Как ни странно, это многим нравилось, пенсионеры, отставные военные, словно зачарованные, читали все его выступления в газетах, все его декреты и, вряд ли что-нибудь понимая в этом пустозвонном словоблудии, одобряли. «Может, порядок наведет», – таков был их неизменный аргумент. Хоть какой им нужен был порядок в бесправной стране – неизвестно. Вряд ли они сами это понимали.

Несколько раз Ступак пытался слушать его выступления по телевизору, но не мог выдержать и пяти минут, всеми фибрами души чувствуя фальшивость его высокомерных слов, и только удивлялся, как этого не замечают другие. Например, его жена. Стоило только Ступаку во время его выступления переключиться на другой канал, как она бросалась к телевизору и возвращала все на прежнее место. И жена, и ее младшая сестра готовы были с умилением слушать его хоть да утра. А на упреки Ступака обычно отвечали: как можно пренебрегать выступлением такого интеллигентного, видного, сексуального мужчины? Они таяли от одного только вида всегда тщательно выбритого, напомаженного лица с загадочным, почти соколиным взглядом, тугими скулами и почти квадратной челюстью, казалось, выдвигающейся на зрителя прямо с экрана. В такие минуты Ступак готов был возненавидеть весь женский род, не только собственную жену. Его же он давно ненавидел, нутром чувствуя его фальшивую суть, дешевое актерство, рассчитанное на дураков или подлецов. А как он ездил по городу? Движение на улицах замирало, гаишники переключали светофоры и с палками выскакивали на перекрестки – отгонять тех, кто не успел сойти с дороги. Всё каменело, словно в ожидании конца света, когда издалека свирепо приближались три-четыре черных автомобиля (выступом вправо или влево) и вслед за милицейской «мигалкой» на огромной скорости мчались дальше. Повсюду на их

пути жались к тротуарам машины частников или, как их привыкли называть, «автолюбителей». Однажды Ступак на своем «Москвиче» замешкался в такой момент – не было возможности подрулить к тротуару, где стояли автобусы, – и гаишник коршуном набросился на него, обругал, отобрал документы, за которыми пришлось потом походить в их контору.

Осмотревшись и поняв наконец, кого выбрали, мужики стали упрекать друг друга в неудачном выборе. С таким же правом мог упрекнуть себя и Ступак. Он тоже голосовал за него. Но как было не голосовать – или голосовать за его соперника, как говорили некоторые – националиста? Тот, может, и неплохой был парень, ученый, но что бы он сделал с этим затюканным народом, который умел только пить, бездельничать и воровать? Который наполовину состоял из коммунистов и комсомольцев, а другой половиной обслуживал КГБ? А еще тот, другой, объявил, что узаконит частную собственность и сделает обязательным национальный язык, о котором почти все забыли – и в городе, и в деревне. Ступак стал от него отвыкать еще в армии, хотя для него, деревенского парня, говорить как следует по-русски было нелегко. У него долго не получалось правильно произносить многие слова (тряпка, например, за что его дразнили в роте «Трапкай»). Только-только отучился от деревенского, заговорил-таки, как и все в городе, по-русски, как этот ученый-националист собирается переучить всех обратно. Нет, на это Ступак был не согласен. Пускай уж родители в деревне договаривают свой век как умеют, он же останется при городском языке. Как начальство. Как все вокруг. Опять же, на митингах звучат угрозы коммунистам, номенклатурщикам и кэгэбистам. Аккурат перед выборами Ступака приняли в партию, появились кое-какие возможности, и он сознательно проголосовал за милиционера, тоже коммуниста. Правда, втайне надеялся, что, может, его еще и не выберут. Так вот выбрали – на свою голову.

Кажется, посреди лета, когда его особенно допекла тоска, надумал он съездить к отцу в деревню. Именно в ту сторону ехал на своем «Запорожце» сосед Плешка, взялся подвезти и его. Выехали очень рано, по холодку, машин на улицах еще было мало, двигатель Плешкиного «Запорожца» стрекотал так, что, казалось, еще немного

– и машина развалится. Но она продолжала резво катить по шоссе. За городской чертой на распутье уперлись в шлагбаум ГАИ – проверка документов, как когда-то в Афгане. Но там шла война, а здесь... Хмурые, невыспавшиеся парни в камуфляже с автомагами на груди придирчиво осмотрели Плешкины права, заглянули в салон и в багажник. Плешка неожиданно для своего возраста и, вероятно, вопреки характеру начал льстиво лепетать что-то, будто подлизываясь, словно был виноват в чем-то. Ступак же чувствовал только злость, когда эти молокососы придирчиво, исподлобья осматривали его, запасника-афганца, награжденного боевым орденом. Да кто они такие? Пришлось ли им выстрелить хоть раз из автомата по живому человеку, раздраженно думал он.

Позже, уже на дороге, Плешка стал жаловаться на тяжелую жизнь. На свою трудовую пенсию приходится содержать еще и дочку, которая два года нигде не работает, и внуков. На старости лет, вместо того чтобы резаться в домино или сидеть с удочкой на берегу реки, он вынужден ремонтировать чужие машины, отбивать пальцы на кузовном ремонте. И все-таки приработок, лишняя копейка для дочери и внуков. Впрочем, в этом смысле Плешка не был исключением, много кто из молодежи жил на нищенские пенсии родителей. Отправляясь в деревню, Ступак тоже надеялся чем-нибудь разжиться у отца. Он расслабленно сидел рядом с Плешкой, который сосредоточился на дороге, и, едва тот умолк, начал говорить сам. Хотелось выплеснуть наболевшее. Там, у гаражей, Плешке некогда было слушать, а здесь ему деться некуда - выслушает, – думая Ступак.

– Говорю им там, в военкомате, что я не сам туда напросился, меня послали выполнять интернациональный долг, а мне что за это выполнение?

– Лучше бы ты его не выполнял, – не слишком ласково заметил Плешка.

– Как это – не выполнял?

– А так. Больше пользы было бы.

– Кому пользы? – не мог понять Ступак. – Если б не мы, душманы захватили бы Афган.

– А зачем его захватывать? Он и так их.

– А американцы? Они бы живо на наших границах оказались.

– И пускай бы сидели. Нам-то что?

– Ну, знаешь! – стал горячиться Ступак, который все никак не мог понять, к чему клонит Плешка.

– Вот теперь эта Чечня, – спокойно продолжал тот. – В Афгане интернационалисты, в Чечне – федералы. А все наша молодежь гибнет. Зачем ее гробить? – рассуждал Плешка, разъезжаясь с трактором, который тащил за собой вихляющий прицеп.

– В Чечню наших не посылают. А то бы я, наверное, поехал, – сказал Ступак. – От жизни такой.

– Ну и дурак! – просто отозвался Плешка. – В Афгане не научился?

Поговорили, называется, – подумал Ступак. Этот пенсионер Плешка судил чересчур приземленно, молодые все-таки думали иначе – разные поколения. Хотя, что Плешке – он пенсию получает, а что и где получит Ступак?

Он изрядно выпил тогда у отца, который жил бобылем в крайней от леса хате. В деревне всего-то и осталось их всего четыре, где доживали свой век одинокие старики. Коровы у отца давно не было, не было даже курицы. Да и зачем? Во дворе за забором – немного картошки, хлеб привозили в соседнюю деревню, давали по две буханки на неделю, старику хватало. И он не жаловался. Приехал сын – отец сходил к соседу Петроку, принес бутылку самогона, потом приплелся и сам седой, сгорбленный Петрок. Старые, немощные деды, однако, недурно выпили с молодым, ни на минуту не прерывая своей стариковской болтовни, когда каждый гнул свое, не слушая другого. Отец, видимо, захотел похвастаться перед соседом и спросил у сына, за что ему дали орден, такой же, какой он получил в партизанах – «Красной Звезды». Ступак стал рассказывать без особого воодушевления.

– Да под Кандагаром дело было. Ехали на марше с батальоном Кравцова, только колонна втянулась в «зеленку» – тут духи и давай лупить. Передний БТР сразу полыхнул, загорелся, ребята, как горох, – в канавы. А я, знаете, сначала помедлил, не успел выскочить, в третьем ехал, а как в себя пришел, понял: поздно. Духи жарят, а у нас установка «град» стоит брошенная, потом выяснилось, что

первый номер был убит, а второй сбежал. Ну, я за установку. Антипенко тоже подскочил, помогать стал, как врезали мы по «зеленке» – духи врассыпную. Выкурили их из зарослей в один момент, они – в кишлак, конечно, а мы и туда перенесли огонь, да из пулеметов еще, из зениток – только пыль до неба столбом. Потом неделю невозможно было через кишлак проехать, воняло так, хоть противогаз надевай. Трупы людей и скотины…

– Вот и мы, это самое, – подхватывая рассказ сына, заговорил захмелевший отец. – В партизанку. Лежим в Грязком болоте в засаде, лежим и лежим, никого на дороге нет, только комары гудят, Вдруг смотрим: едут немецко-фашистские захватчики на повозках. На первой немец гармошку в руках держит, играет, что ли? Но, наверное, не играл, так просто ехал. Ну тут мы и врезали. У меня, знаешь, ручной пулемет был, так я как лупа ну! Те – в канавы, а в канаве тоже пулемет наладили и – по нам! А мы – по ним! Тем временем к ним на подмогу еще одна колонна подошла. Наши и драпанули. А я не знал, что драпанули, поливаю по их канаве из своего «дегтяря», ну и выбил. Тогда и наши вернулись по одному, командир Денисенко вернул. И за это мне через полгода – орден «Красной Звезды», как полагается.

– Вот герои! В одной семье – отец и сын! - пьяненько удивлялся Петрок.

– А что ж, твою мать! Будет война – снова пойдем. Против немецко-фашистских, чеченских, американских захватчиков. НАТО это прет на восток…

Отец совсем опьянел, сын уложил его на скомканную, без простыней постель, сам вышел во двор подышать свежим деревенским воздухом. Запутанное это дело, война, думал он, пользы от нее – с гулькин нос. За пролитую кровь – дурацкие льготы. Как у этих стариков – бесплатный проезд по территории района. Куда им ехать, кроме как на кладбище.

Из деревни Ступак привез десяток одолженных у соседки яиц, кусок прогорклого прошлогоднего сала и ломал голову, у кого бы раздобыть денег на хлеб? Снова придется у Плешки просить, хотя ему и так он тысяч сто должен. А может, и еще одолжит. Все время торчать в открытых дверях гаража было жарко и тоскливо, особенно

в полдень, когда над двором зависало палящее солнце. Ступак тогда пробовал закрываться, но становилось еще хуже, и приходилось запирать гараж и куда-нибудь уходить.

Как-то в воскресенье добрел по проспекту до центра города – и увидел там нечто небывалое для выходного дня.

Уже издалека слышны были шум, гомон, движение множества людей, которые сплошным потоком двигались в направлении центральной площади, держа в руках какие-то лозунги. Ветер трепал бело-красно-белые флаги – множество флагов по всей колонне, которая скрывалась за изгибом улицы. Начало этого шествия уже миновало переулок, где появился Ступак, и кто всех вел – видно не было. Рядом же с ним шествие с обеих сторон окружали милиционеры. Одни стояли в неровных рядах, другие (наверное, начальство) бегали-суетились. Ступак поначалу удивленно приостановился, впечатлённый зрелищем, а потом неожиданная волна возбуждения подхватила его с тротуара и понесла к людям. Молодой милиционер на краю тротуара попытался было стать у него на пути, но Ступак плечом решительно оттолкнул его и вышел на асфальт – ко всем. Рука об руку на всю ширину улицы шли молодые, и старики, и среднего возраста мужчины и женщины; лица у всех были радостно-праздничными, без тени привычной мрачности или даже жестокости. Впечатляло множество национальных флагов, которые над людскими головами полоскал довольно свежий утренний ветерок. Поменьше было плакатов с надписями, сделанными иногда профессионально, иногда – не очень умело. Ступак, оглядываясь, прочел те, что поближе: «Беларусь – в Европу!», «Нет – большевикам!», «Милицейское пугало – в Минское море!». Как раз над его головой раскачивался лозунг-плакат, который нес молодой парень в джинсовой безрукавке с множеством карманов: «Мы хотим есть!». Это совпадало с настроением Ступака – он тоже с утра был голоден, а в кармане не было ни одного «зайца». И он пошел вместе со всеми, – не слишком быстро вышагивая в толпе, стараясь не наткнуться на тех, кто шел впереди. Грандиозная слаженность людского потока укрепляла ощущение порядка и уверенности, казалось, такою силой они могут добиться чего угодно. А чего добивались, было видно из плакатов над головами. Кто мог

усомниться в законности тех требований? Кто мог остановить этот многотысячный поток горожан?

Но вскоре поток почему-то замедлил ход, люди все чаше стали останавливаться. Некоторые пытались пробираться вперед, движение постепенно стало замирать. Послышались недовольные голоса, выкрики протеста, и тогда Ступак догадался, в чем дело. Стараясь не толкать других, он двинулся вперед, проходя мимо сбившихся в группы людей. В одном месте пробежал под носом у озабоченных, вспотевших милиционеров, которые тоже напряженно всматривались вперед. И тогда он увидел преграду. Шествие уперлось в плотные, словно спрессованные три ряда ОМОНа, которые перегородили проспект.

Он еще протиснулся вперед, чтобы получше рассмотреть происходящее. Но увидеть удалось немногое, слышны были разговоры, наверное, это руководители шествия спорили с толстым милицейским полковником, который что-то нечленораздельное хрипел в рупор мегафона. За ним замерла стена омоновцев – блестящие щиты у ног, шлемы-скафандры на головах, бронежилеты, казалось, готовы были лопнуть на груди, у каждого черная дубинка в правой руке. Но что эти щенки могли сделать против единой силы тысяч, окрыленных общей своей правдой? Омоновцев можно было смести в одно мгновение. Кто-то из толпы даже выкрикнул что-то вроде «вперед». И тогда вдруг люди на обочине улицы как-то непонятно вздрогнули, страшно закричала женщина. Ступак оглянулся – из переулка, от почты, выскочил и клином врезался в толпу отряд омоновцев в касках и со щитами. Эти сразу взялись работать длиннющими черными палками – дубасить всех без разбору, кто под руки попадется.

Толпа качнулась в одну сторону, в другую, некоторые бросились назад – к стене почтамта, но и там неизвестно откуда появились омоновцы, видимо, из самого почтамта. Казалось, их было уже не меньше, чем демонстрантов, они рассекали толпу на части и били, колотили, валили на асфальт людей – мужчин и женщин, хватали, комкали флаги и плакаты, которыми кое-кто из демонстрантов пытался защищаться. Над улицей взметнулся дикий крик, женский

плач перемешался с отчаянной мужской руганью, и непонятно было кто ругался. Похоже, и те и эти.

После минутной растерянности Ступак понял, что надо «рвать когти». Но дошло это до него, вероятно, слишком поздно. Первый удар резиновой дубинкой по спине заставил его пошатнуться, он споткнулся о кого-то, кто уже лежал на асфальте, но удержался, не упал и успел оглянуться на того, кто его ударил. Из-за выгнутого плаксиглазового козырька на него смотрел покрасневший от пота молодой омоновец.

В этот момент новый удар по плечу заставил его присесть от боли. Спасаясь, он головой вперед бросился сквозь поредевшую толпу – прочь от этих убийц. Но, видно, замешкался, упустил момент, и на него набросились трое или больше в касках. Чтобы спастись, он изо всех сил толкнул ближайшего, чей щит с металлическим лязгом полетел на землю. Ступак что было силы рванул по улице дальше – сквозь растрепанную в драке цепь омоновцев, на соседнюю улицу.

Сначала он бежал, слыша, как там, сзади, орет, воет и ругается недавно еще такое благозвучное шествие, и где-то за сквером ревут двигатели милицейских «Камазов», которые, скорее всего, подвозят подкрепление ОМОНу. Или увозят схваченных и побитых. Его обогнал молодой длинноногий парень в белой окровавленной рубашке, который озирался и возбужденно приговаривал: «Шакалы!.. Шакалы!..». «Шакалы!» – мысленно повторил Ступак, шагая по тротуару. За ними почему-то не гнались, и он пошел медленнее. Рядом бежали люди, вырвавшиеся из западни, кое-кто из редких встречных испуганно спрашивал, стоя у ободранной стены: «Что там? Что?» – «Иди, посмотри!» – зло бросил Ступак пенсионеру с рядами разноцветных планок на лацкане потертого пиджака. Очень болело плечо, он едва мог пошевелить рукой, подумал даже, не перебили ли ему кость? Понемногу успокаиваясь, переулками и пустырями наконец-то добрался до своего двора.

К счастью, у гаражей никого не было, наверное, все еще с утра разъехались по своим дачам-огородам. Ступак одной рукой с трудом открыл врезанный замок и, закрывшись изнутри на щеколду, осунулся на свою раскладушку. Самое время было облегченно

вздохнуть и застонать – так болело плечо. Но он сдержался, подумав, что его могут услышать, поэтому только мысленно выругался. Наверное, его там всё же увидел кто-нибудь из знакомых, и хотя он убежал, отыскать его было несложно. Он знал, что у них все учтено: приметы, свидетели, стукачи, сексоты. Разве от них спрячешься?

Ворочаясь от боли на скрипучей раскладушке, за закрытыми дверями, он вслушивался в каждый звук-шорох, доносящийся снаружи. Слышал, как приехал на старой «Волге» и открывал свой гараж Сазон. Ступак предпочел бы услышать стрекочущий звук, издаваемый двигателем Плешкиного «Запорожца», но Плешка, наверное, останется ночевать на даче. Что дальше делать – неизвестно, в гараже долго не усидишь, с тоской думал Ступак. Уехать в деревню, что ли? Но чтобы уехать, нужны деньги, хотя бы на билет. И потом: если будут искать, найдут и в деревне – эти все могут. Насчет сыска они мастера, каких свет не видывал. Ступак вспомнил, как когда-то в армии на двери их туалета кто-то гвоздем нацарапал «Брежнев – мудак». Появились следователи по особо важным делам, полгода велось следствие, перетрясли казарму, перетаскали всех в домик контрразведки – и нашли. Приперли к стенке, так сам признался – первогодок из Мордовии обиделся на старшину и нацарапал те слова – на свою голову.

Кое-как Ступак перемучился ту ночь, спал тревожным сном подбитой птицы – то засыпал, то просыпался, пытаясь поудобнее устроить больную руку Душу обжигали обида и злость: что же это делается? Кому он причинил вред? Почему его хотели искалечить? Ударили по тому самому плечу, на котором еще виднелся шрам от душманской пули. Но эти же – свои. Кто их натравил на мирных людей, почему они стали карателями?

Впрочем, кто натравил, было известно. В этой стране все хорошее и плохое делалось по команде одного человека. Все зависело от него. Проснувшись как-то под утро, изголодавшийся, измученный болью в плече, Ступак вдруг понял, что его надо убить.

Как это сделать, он еще не знал, даже не мог себе представить. В первую очередь, необходимо оружие или какая-нибудь взрывчатка. Но где их взять? От оружия зависел и способ теракта, значит, прежде всего нужно оружие. Хотя бы пистолет. Или лучше

автомат, автомат Калашникова, с которым он воевал в Афгане. Ступак впервые пожалел, что семь лет назад приехал из Афгана с пустыми руками. Хотя с этим делом там было строго: требовали подписку, что не везешь ничего. Но ребята везли – кто пистолет, кто гранату. Ступак не отважился, думал – зачем? Он не собирался становиться киллером – возвращался на свой родной «почтовый ящик», где делал какие-то штуковины для ракет. Или для космоса. Но «почтовый ящик» накрылся одним местом, и он стал безработным афганцем. Вот судьба собачья...

«Ну и пусть! – лежа на своей раскладушке, неопределенно размышлял Ступак. – Киллер, по крайней мере, звучит. А то – тля! Я тебе не тля, ты еще узнаешь, кто я. Не то что эти демократы. Вышли, словно на крестный ход. Не хватало только музыки. А он на них – двуногих шакалов в броне. Отлупили, разогнали, похватали... Теперь будут ходить к прокурору, оправдываться. Будто прокурор не заодно с ними. Прокурор, может, сам лупил – со щитом, в жилете. А что? Под колпаком не видно, не узнаешь, кто тебя калечит. Все они – одна кодла. Нет, так ничего не добьешься. Надо его застрелить. А там будь что будет. Чем так гнить в вонючем гараже... Сдохнешь, и не скоро догадаются, что помер. Как бабуся из первого подъезда, которая три недели пролежала в закрытой квартире. Пока соседи запах не почуяли...»

Да, ему позарез нужно оружие.

Но сначала надо было раздобыть денег. Без денег ни черта не сделаешь, самодеятельный киллер-одиночка, невесело думалось Ступаку в утреннем гаражном полумраке. Решение, однако, принято, а он не любил менять своих даже самых рискованных решений. Такой уж был характер. С той утренней минуты у него появилась цель, ставшая его неотвязной заботой.

Он еще дремал, когда снаружи послышался негромкий металлический лязг, и Ступак, чуть помедлив, приоткрыл дверь. Сбоку стояла «семерка» доцента Минкевича, которую тот собирался загнать в гараж. С этим интеллигентом Ступак дружбы не водил, тот держался особняком, ни с кем не сближался, редко вступал в разговор. И постоянно куда-то спешил. «Семерка» его, хотя уже и не новая, всегда была чистенькой, словно ее только что вымыли, да и

сам Минкевич выглядел в соответствии с современной модой – коротко подстриженная бородка, очки в тонкой оправе. Доцент взглянул на Ступака и поздоровался. Ступак, чтобы начать разговор, попросил закурить, и тот вынужден был задержаться у открытых дверей гаража.

– Вы не могли бы мне одолжить денег?

– Сколько? – спросил Минкевич, с готовностью доставая кошелек. – На бутылку?

– Больше надо. Баксов пятьсот, – храбро произнес Ступак, сам удивившись своей отваге.

– Ого! – искренне удивился доцент. – У меня зарплата тридцать баксов в месяц.

– Плохо живете, – уныло заметил Ступак. – А может, знаете, кому гараж можно загнать?

Минкевич пожал плечами.

– Дайте объявление в газету. Или у Волынца спросите. Он же занимается автобизнесом...

Волынца Ступак немного знал, тот жил в соседнем доме, недавно закончил евроремонт квартиры, под которую скупил едва ли не целый этаж замызганной хрущевки. Теперь любоваться на его зеркальные, с медовым отливом окна в дюралевых рамах собирался весь двор. Внизу у подъезда часто стояли «Вольво», «БМВ» и «Мерседесы», нередко с заграничными номерами. Это был типичный «новый белорус», ему и впрямь стоило предложить гараж.

Но поймать этого бизнесмена было непросто. Его «БМВ» у подъезда не наблюдалось, в квартиру же Ступак не пошел, говорили, там была своя охрана. Тогда он присел на скамейку напротив окон богача. Рука все еще болела, хотя и меньше, чем вчера. Двигать ею Ступак остерегался, осторожно держал согнутой под пиджаком. Когда по двору стали курсировать утренние прохожие, неохотно поднялся и потрусил к гаражам. Там уже появился Плешка, взялся за ремонт капризного «Запорожца».

– Что это у тебя? – кивнул на руку, поздоровавшись.

– Да так. Упал.

– Пьяный был?

На это Ступак ничего не ответил – остерегался рассказывать о вчерашнем, как бы сегодня не случилось продолжения того вчера. Время от времени он окидывал взглядом двор, чтобы сразу заметить, если там появиться милицейский «Уаз». Но милиции пока не было, а Плешка, согнувшись над «Запорожцем», ковырялся в двигателе.

– Что – помпа? – посочувствовал Ступак.

– Помпа, чтоб она сгорела. В который уж раз, – сказал Плешка и, оглянувшись, уже тише заметил: – Слышал, что вчера на проспекте было?

– А что? – простодушно спросил Ступак.

– Говорят, ледовое побоище. Минчуков с псами-рыцарями.

– Вот как?

– Что ты думаешь: полторы тысячи омоновцев. А еще милиция. Да внутренние войска. Сила!

– Сила! – согласился Ступак.

Плешка всегда так начинал – словно был на стороне власти, мог даже обругать демократов, но настоящее свое отношение излагал в конце. Прислонившись к крылу машины, оглянулся и негромко сообщил:

– Говорят, сам лупил. Дубинкой. В каске омоновца. Вот хищник!

– Хищник, – невольно согласился Ступак, который собственных комментариев давать не хотел.

Слова Плешки взбудоражили Ступака, сначала он и не поверил услышанному. Но потом, рассудив, подумал: может, и правда. От этого всего можно было ожидать, и очень даже может быть, что наибольшее наслаждение для него – участие в эффективной полицейской акции. Почувствовать азарт расправы – как хищник над своей жертвой. Ступаку даже показалось, что тот, кто лупил его по раненому плечу, мог быть именно сам. Краем глаза он даже увидел похожего – озверевшего, усатого. Хотя усатых там был много.

Оставив Плешку у его «Запорожца», Ступак направился по двору к соседнему дому и еще издали увидел у второго подъезда черный «БМВ». Он ускорил шаг, это в самом деле была машина Волынца, а возле нее и сам хозяин, молодой еще человек в дорогом двубортном костюме, при длинном галстуке; он положил на заднее сидение кейс

и открыл переднюю дверцу. За рулем сидел молодой водитель с бычьей шеей и стриженым затылком.

– Можно вас на минутку, – позвал Ступак.

Волынец с недовольной гримасой на лице придержал дверцу, Ступак подошел ближе и сдержанно поздоровался.

– Продаю гараж. Тот, металлический. Купите?

Напряжение на холеном лице Волынца ослабло, кажется, тот все сразу понял и деловито бросил:

– Сколько?

– Ну, это… Тысяча.

– Даю пятьсот. С вывозом.

Пятьсот, конечно, не тысяча, но здесь не торг, здесь продажа, подумал Ступак, чувствуя, что его покупатель очень спешит и вот-вот сядет в машину. В другой раз когда еще его поймаешь.

– Ладно, что ж…

Волынец из внутреннего кармана пиджака достал кошелек и быстро вытащил из него три стодолларовые купюры. В качестве задатка.

– Только освобожу в конце месяца, – виновато сообщил Ступак.

– Тогда и получишь остальные. Всего хорошего.

Волынец юркнул в свой черный «БМВ», машина стремительно рванула с места, а Ступак постоял еще, не зная, радоваться ему или нет. В руке он держал триста баксов, для него это было целое состояние. Но ведь он терял последнее пристанище. Где приткнуться, если его курятник перейдет к этому бизнесмену?

А впрочем, скоро, может, и пристанище ему не понадобится. О пристанище другие позаботятся.

В то же утро он разменял первые сто долларов, накупил в гастрономе продуктов: два батона, кусок колбасы и даже гроздь желтых бананов. Сначала основательно поел в одиночестве – Плешка уже куда-то уехал, около гаражей никого не было. После завтрака всухомятку почувствовал жажду, но решил, что выпьет пива потом, по дороге на рынок. Напряженно размышляя об оружии, он решил побывать на рынке, где не был с самой весны: нужды не было, да и денег тоже. Теперь же появилось и то, и другое.

Оберегая больную руку, почти час он бродил между шумных торговых рядов, заваленных товаром – продуктами, овощами, одеждой, разной мелочевкой. Все это было разложено на прилавках, на столиках, у самых ног на асфальте – на газетах или просто выглядывало из открытых хозяйственных сумок. Товара было много, казалось, здесь можно найти все. Но того, что ему нужно, на прилавках не найдешь. Он больше присматривался к лицам – продавцам и покупателям, суетившимся в сутолоке и тесноте, выискивал среди них определенный тип – молодого, сосредоточенного человека, возможно, «афганца» или «чеченца».

У этих как раз и можно было что-нибудь раздобыть. Однажды зимой он приходил сюда с женой за картошкой и у одного чернявого, с виду кавказца, хотел купить желтых гранатов. Когда тот назвал цену, пошутил: «Ого, стоят, как лимонки». «Это фрукты, а не лимонки», – обиделся хозяин. -Лимонки дешевле будут». – «А что, есть и лимонки?» – с улыбкой поинтересовался Ступак. – «Найдем, если надо», – хитро подмигнул кавказец…

Но, как известно, именно того, что позарез необходимо, днем с огнем не сыщешь.

Напрасно он долго бродил в говорливой рыночной толпе, так и не высмотрев ничего подходящего. Расспрашивать же никого не решился, чувствовал, что немало и здесь отиралось шпиков, переодетых милиционеров и кэгэбэшников, людей из службы безопасности. Вот они порадовались бы, если б узнали, что рядом киллер шляется, оружие ищет. Хотя можно было легко и здорово влипнуть, если бы его опознали как участника недавней демонстрации. Он недолго постоял в очереди у пивного ларька, выпил теплого пива, едва удерживая тяжелый бокал в больной руке, которая все еще ныла, особенно в плече. Народу здесь было немало, но все обычные пивохлебы. Тех же, у кого можно было что-то достать, кажется, не попадалось. И он думал, что не так это просто, добыть оружие.

Весь мир завален «Калашниковыми», целые армии ими вооружены, правительственные перевороты устраивают… А здесь вот, на его родине, даже за баксы не найдешь. До чего отсталая страна, желчно думал доморощенный киллер.

Страна, возможно, и была отсталой, но не были отсталыми ее спецслужбы, и Ступак об этом отлично знал. Во всяком случае, он так и не решился даже поинтересоваться у кого-нибудь о своей нужде и в сумерках побрел домой. Двери трех гаражей были распахнуты, но машин перед ними не было -значит, автомобилисты никуда не торопились. Двое – Сазон Иванович и Алексей – стояли у гаража Плешки. Ступак настороженно подошел к ним, кажется, прервав их разговор, и подумал: уж не о нем ли шла речь? Но, пожалуй, не о нем.

– Ну, Минкевич в бэнээфе, мужики говорили, – доносился из гаража Плешкин голос. Двое других молчали. Промолчал и Ступак.

– То-то, гляжу, по-белорусски разговаривает, -непонятно было, осуждая или восхищаясь, заметил седовласый Сазон Иванович. – Нацдем!

– Как хочет, так и разговаривает, – отозвался Плешка.

– Э, нет, не как хочет. Это у них установка такая, в бэнээфе, чтобы другие не поняли.

– Ты же вот понимаешь, – Плешка выглянул из-за «Запорожца».

– Не понимаю и понимать не хочу! – отрезал Сазон. – Я русский человек и русским умру.

– Ну а он, может, белорусом умереть хочет, – упрямо возражал Плешка.

Минкевич никому здесь другом не был, сосед -не более того, Ступак относился к нему почти безразлично. Но и Сазон у него особой симпатии иг вызывал, потому что почти всегда был зол и упрям. Хотя теперь многие злились и раздражались, но все же пытались сдерживаться. Сазон же открыто и громогласно жаловался на жизнь, на развал СССР, последними словами поливал «агента ЦРУ» Горбачева и частенько бегал в восстановленный райком партии, где вовсю суетились коммунисты. Главной пропагандистской силой там были ветераны войны, пенсионеры и отставные чекисты.

– Придумали еще нацию – белорусы! – чуть потише бурчал себе под нос Сазон. – Чтоб русским кислород перекрыть.

– Но ведь Минкевич демократ, он не против других, – тихо отозвался Алексей, который все это время молча стоял рядом.

– Демократы! Дерьмократы проклятые, – сказал и смачно выругался Сазон. – Все за доллары работают. Под американский заказ!

– Не все, – стоял на своем сдержанный Алексей.

Ступак повернулся и пошел во двор. Он нарочно не принимал участия в этой перепалке. Прежде, может, и сказал бы что-нибудь, но не сейчас. Сейчас у него были дела поважнее, чем драть горло, споря с этим замшелым большевиком, и он не хотел раскрываться раньше времени. А может, наоборот, надо было маскироваться, сказать что-нибудь в поддержку Сазона. Но такое лицемерие было Ступаку омерзительно, к тому же он не хотел обижать Алексея, который нравился ему своей не характерной для сегодняшней молодежи скромностью. Скромен был и его дед, после смерти которого перешел к внуку этот проржавевший гараж. Славным старик, бывший партизан-подрывник, имевшим много наград, которых никогда, однако, не видели у него на груди.

Однажды в День Победы у него спросили, почему, мол, не носит орденов, на что старик ответил: «На подушках перед гробом понесут». А вышло иначе. Пока дед болел, его награды успел продать скупщику старший внук-наркоман. Так и похоронили партизана без единой награды.

Ступак знал, что в таких деликатных ситуациях лучше молчать. В многомиллионных рядах сексотов немало и разговорчивых, и молчаливых, наглых и скромных, глупых и слишком умных, – самый широкий выбор. Навербовали за семьдесят лет. В их полку перед отправкой в Афган едва ли не всех по очереди перетаскали в хитрый домик, размещавшийся между казармой и туалетом, – немного, правда, в стороне, ради комфорта, чтобы не слишком воняло. Хотя там стояла вонь иного рода.

Днем в гараже было очень жарко, зато ночью и утром – в самый раз. Лежа в тишине на раскладушке, Ступак иногда сожалел, что влез в эту авантюру – продал гараж. Но что-то изменить, наверное, уже не получится. Первую сотню баксов он быстро растратил, в основном на еду, и все время одиноко думал: где раздобыть оружие?

На городской окраине за железной дорогой находился некогда большой гарнизон – военное училище, казармы и полигон; там

когда-то новобранец Ступак начинал армейскую службу. У проходной и на шоссе всегда отирались военные, офицеры и прапорщики, среди которых было немало знакомых. Особенно среди прапорщиков. Но это когда было! Сейчас же, после сокращения армии, развала СССР и мало ли чего еще, вряд ли он встретит кого-то из своих знакомых. И все же, не придумав больше ничего, Ступак решил наведаться на городскую окраину. Не слишком погожим утром, когда после ночного дождика еще не высох асфальт, он сел в троллейбус, доехал до кольцевой дороги. Потом пересел в автобус, который и довез его до знакомой остановки. Странно, но и через десять лет здесь мало что изменилось – так же на километр тянулась вдоль шоссе бетонная стена, из-за которой несмело выглядывали верхние этажи казарм, краснели пятиконечные звезды на широких воротах КПП, у которых стоял часовой с автоматом Калашникова на груди. (Вот бы ему такой автомат, хотя бы с одни магазином.) Иногда через проходную торопливо пробегали офицеры, солдат не было видно, не заметил он и ни одного прапорщика – перевелись они в белорусской армии, что ли? Спрашивать о чем-нибудь у офицеров не решился, а у прапора, верно, отважился бы. С этими можно было бы поладить. А так почти час топтался вдоль ограды, пытаясь высмотреть какую-нибудь дырку или самовольщика, но напрасно. Потом на остановке, дожидаясь автобуса, обошел ряд киосков со всякой всячиной. Нигде ничего нужного ему не заметил и вернулся назад в город.

Оружия у него все еще не было, а в голове уже вертелся тот самый решительный и важный момент. Знал, что это будет непросто, даже сложно и очень опасно. Но если сделать все, хорошенько обдумав, решительно и быстро, может получиться. Главное – выбрать момент: на дороге, на улице или, еще лучше, на выходе из машины. Выходит же он у своего дворца или где-нибудь на предприятиях, на строительстве, куда он шастает время от времени. Или еще – в спортивных комплексах он привычный и частый гость, потому что очень уважает спорт и заботиться о своем здоровье. Если бы там подловить…

Рука стала болеть меньше, правда, все еще ощущалась боль в плече, особенно, если резко поднимал локоть вверх. Плохо, что время

утекало, а с ним таяли и деньги. По ночам дневные грезы врывались в его сны, только противник был похож на медведя – толстый и косматый. Ступак целился в него из пистолета, но пальцы словно немели, он не мог нажать на спуск, а чудовище приближалось. Тогда он бросался наутек, но ноги становились ватными, он не мог бежать, а чудище было уже рядом. У самого края гибели что-то все-таки менялось, начинался другой сюжет, тоже малоприятный, но без прежнего ужаса. Ночью он часто просыпался в своем металлическом убежище, особенно когда во двор въезжала машина и свет фар проникал сквозь щели в дверях, тогда взвивалась тревожная мысль: уж не за ним ли? Не пронюхали ли чего? Может, что-нибудь узнали о том памятном шествии – и приехали брать. Тогда его захлестывало сожаление и презрение к себе – что не успел, медлил, прошляпил. Однако время шло, а к нему никто не наведывался, и это обнадеживало. Наверное, его они все же проворонили.

Зато других не упустили, трудились в поте лица. Однажды утром, когда он еще лежал под куском брезента на раскладушке, в дверь тихонько постучали – раз, другой. Он вскочил, подумал: уж не дочка ли, она еще ни разу к нему в гараж не приходила. Но у двери стоял Алексей, который сдержанно спросил:

– Ну, слышали новость?

– Какую?

– Минкевич гараж продает. Вместе с машиной.

– Почему?

Алексей оглянулся, но порог гаража не переступил.

– Оштрафовали. За демонстрацию. На шестьдесят миллионов.

– За ту?

– Ну. Был организатором от БНФ. Так задержали, судили и вот – штраф.

– Ничего себе! Шестьдесят миллионов...

Ступак, конечно, удивился и мысленно порадовался, что тогда удалось незаметно вывернуться, ускользнуть от омоновцев. Все-таки афганец, какой-никакой опыт имеется, не то что у этих, любителей «прогуляться» по проспекту. Хорошо еще, что с БНФ не был связан, это давало ему шанс вывернуться. А этот Алексей, наверное, был связан, иначе его так не встревожила бы новость о

Минкевиче. Что ему этот Минкевич – брат или сват? И все же Алексей симпатичный парень, не болтун, может, стоит с ним поговорить о главной своей заботе? Но нет, рассудил Ступак. Секрет остается секретом, пока о нем известно одному человеку…

А, может, стоило наладить контакты с Минкевичем? Все же бэнээфовец – значит, не сексот, не побежит вечером к «куму» докладываться. А вдруг побежит? Что, в бэнээфе нет сексотов? Поленились, не навербовали? Нет, эти не поленятся…

В тот день с утра шел дождь, было прохладно, и Ступак, прикрыв железные двери, плавал в ленивой полудреме. Самое время было выпить, хотя бы для сугреву, но водки не было, а идти под дождем в гастроном он без зонта не решился. И со злостью вспомнил о жене-стерве: выгнала его из дому – и никакой одежонки не бросила. Он-то ей оставил квартиру, добытую по льготам, положенным воину-интернационалисту, а она чем отблагодарила? Хоть бы дочку прислала навестить отца, так нет – вцепилась когтями в покорную девочку, запугала отцом-зверем, который и в самом деле живет будто зверь, в этой железной берлоге. И хорошо было бы, если б он стал зверем. Он хотел озвереть. Зверю сейчас лучше, чем человеку. Такое время.

Он сразу услышал скрежет замков в гараже Минкевича, подхватился с раскладушки и медленно вышел из гаража.

– Говорят, и вы продаете? – спросил, поздоровавшись. Одетый в ловкую джинсовую куртку, Минкевич из-за очков в тонкой оправе взглянул на соседа.

– Приходится.

– Отчего же?

– Чтобы штраф заплатить.

– И большой штраф?

– По максимуму. Двести минимальных зарплат.

– Ё-моё! И будете платить?

– А что делать? Опишут имущество… Минкевич говорил об этом почти спокойно, рассудительно, как о чем-то обыденном, повседневном, словно и не расстраиваясь. Может, он уже отпереживал свое. Открыл настежь обе половинки гаражной двери, прикрепил крючками к полу.

– И думаете откупиться штрафом?

Минкевич выпрямился, повернулся к нему и вздохнул:

– Штрафом, конечно, не откупишься. От этого режима вообще откупиться невозможно. Надо народ поднимать, развивать его самосознание.

– Самосознание! Вы – самосознание, а он -сто тысяч ОМОНа. Чья возьмет? – спросил Ступак и замолчал, ожидая, что ему на это возразит умный доцент.

– Что поделаешь! – отозвался тот после паузы. – Вообще демократия в борьбе с тоталитаризмом лишена адекватных средств.

– Дерьмо вы тогда, а не демократы, – тихо, без злобы сказал Ступак и пошел к своему гаражу.

Как поднимают народ, он уже видел, сам едва не оказался в роли поднятого, поначалу это было даже приятно, празднично как-то. Но как только их лупанули резиновыми «демократизаторами» - народ, словно стайка воробьев, упорхнул с улицы. Аж пыль столбом. На той стороне – сила, армия, милиция, КГБ, сотни тысяч сексотов, железные когти «вертикали». Кроме того, суд, прокуратура и даже адвокатура, новый декрет о которой только что напечатали, – все в его руках.

Тот короткий разговор с Минкевичем еще больше укрепил Ступака в его намерении – только так, как он задумал, и можно что-то изменить. На силу нужна сила. На насилие – отвечать еще большим насилием. Иначе кранты будут всем – и бэнээфов-цам, и афганцам, и коммунистам. Чтобы получить царскую власть, этот не остановится ни перед чем. А после царской власти ему захочется императорской – и так далее, до мирового господства. Наглости у него хватит. Особенно если его поддержат. А таких всегда поддерживают, потому что они – сила. Нет, надо от него спасаться. И он, афганец Ступак, спаситель, который сам себя таковым избрал. Но оружия у него все еще не было, а деньги из кармана улетучивались – через день пришлось разменять и вторую сотню. Как он ни экономил, стараясь есть пореже, в основном хлеб с салом, но цены в гастрономе каждый день прыгали вверх. Люди даже стонали утром, увидев новую цену на хлеб, кефир, молоко; продуктов, кажется, стали в магазин привозить меньше, чем

прежде, к вечеру уже невозможно было купить даже хлеба. Зато в сумерках из открытых окон и форточек разносился по двору знакомый, с хрипотцой голос: полный бахвальства, обещаний, угроз в сторону оппозиции, проклятых бэнээфовцев, которые сводили на нет все его усилия осчастливить народ. Народ же у него всегда был славным, уважаемым и героическим, всегда делал правильный выбор и не ошибался, – не ошибся и в тот раз, когда единодушно выбрал самого мудрого руководителя. Но это переставало действовать уже на большинство слушателей, и если еще что-то вдохновляло их, так это сообщения об очередных разоблачениях в органах власти, отстранение от должностей и даже аресты высоких чинов. Но ненадолго, потому что жить не становилось легче, и тогда снова требовалось разоблачать врагов, шпионов, известных эмигрантов и некоторых дипломатов – агентов ЦРУ. Соседи у гаражей уже не обсуждали политику самого, а только ругались. Даже твердокаменный коммунист Сазон Иванович и тот стал поносить самого, хотя связано это было, наверное, с тем, что компартия раскололась на две части. Труженик Плешка просто молчал, только уныло курил, и когда однажды Ступак попытался с ним поговорить, махнул рукой – это ваша забота. Мне уже не много осталось…

Все время думая об оружии и присматриваясь к людям, знакомым и случайно встреченным, Ступак дни напролет блуждал по городу и время от времени забредал в центр к резиденции самого. Долго простаивать там или прогуливаться на глазах у шпионов в гражданском и милиционеров было невозможно, и он деловым шагом, с озабоченным видом топал по одной улице, потом по другой, искоса наблюдая за тем, что происходило у здания. Подъездов там было несколько, и повсюду торчала охрана – в милицейской форме и в камуфляже; внутри тоже, видимо, была охрана, не пробраться. Но идти по прилегающей улице пока не запрещалось, и Ступак все рассуждал-думал: как бы это подловить подходящий момент…

Однажды он, кажется, дождался такого момента. Хотя и был с голыми руками, но кое-что увидел, поднимаясь от метро вверх по улице. Только миновал светофорный переход, как услышал резкое движение сзади – неизвестно откуда выскочили один за другим три одинаковых черных автомобиля-иномарки, быстро подкатили к

ступеням главного подъезда – одна стала поближе к двери, другие – подальше, наверное, чтобы прикрыть первую от улицы. Из первой двери высыпали человек десять в камуфляже, с автоматами – и тут же рассредоточились по обе стороны ступеней. Одновременно из последней машины торопливо выскочил рослый человек в сером костюме и, держась между охранниками, быстрым шагом направился к дверям, которые открылись словно сами собой – и тут же за ним захлопнулись. Все это заняло несколько секунд – пешеход Ступак сделал всего десять шагов.

Увидел он немногое, но это было очень полезное наблюдение, наверное, любой киллер многое бы вынес из него. Прежде всего то, что действовать надо очень быстро и нагло, не струсив в последний момент, даже если самому невозможно будет спастись. Как не сдрейфил он под Кандагаром, когда другие под душманскими пулями струсили. Зато он получил орден. Жаль, не удалось тогда свернуть с дороги, чтобы посмотреть на результаты своей работы – их быстро погнали вперед. На трофеи, как всегда, попали тыловики, которые, как говорили, немало чем там поживились.

Отойдя на пару кварталов от резиденции, он зашел в овощной магазин. Тот был завален экзотикой – от бананов до авокадо. Он же хотел купить огурцов, но здесь огурцов не продавали, и он повернул назад. Не успел протиснуться в узкую дверь магазина, как столкнулся с грузным молодым мужчиной в модной теперь униформе цвета травяной гнили, с командирской пряжкой на округлом животе. Ступак взглянул ему в лицо и вздрогнул: это был Шпак, его знакомый по Афгану, с которым он не виделся, наверное, лет восемь. – Ступак, привет! Привет…

Они отошли немного в сторону, чтобы не мешать прохожим, и Шпак придержал его руку в своей, давая понять, что он рад этой встрече. Занятый собственными мыслями, Ступак отнесся к ней равнодушно – что ему прежний сослуживец, мало ли их прошло мимо него и забылось. Но Шпак, судя по всему был другого мнения и прощаться не спешил.

– Смотрю, сразу и не узнал. Похудел как-то…

– А ты, смотрю, поправился, – сказал Ступак, глядя на твердое, свежевыбритое лицо Шпака. Сам он не брился, наверное, с неделю.

– Так как живешь? Чем занимаешься? Может, предпринимателем заделался, деньгу зашибаешь?

– Нет, не заделался. А ты? Уже, наверное, не служишь? – поинтересовался Ступак, проведя взглядом по его новой добротной униформе, грубым ботинкам на толстой подошве.

– Знаешь, служу, – вдруг сказал Шпак.

– Вот как! – искренне удивился Ступак. – В КГБ?

– Нет, не в КГБ, бери выше.

– Куда уж выше?

– А есть куда. Послушай, а ты это… Какой у тебя номер телефона? Надо бы встретиться, поговорить.

– Телефон? – проговорил Ступак, почувствовав неловкость при мысли о телефоне, до которого давно не дотрагивался. Но Шпак уже открыл свой кейс и собрался записывать в блокноте, и Ступак назвал свой прежний номер телефона, которым теперь пользовалась жена.

– Я тебе позвоню.

– Звони, если хочешь.

Они попрощались, и Ступак пошел себе дальше, рассуждая о том, что все-таки не то дьявол, не то судьба раздают свои дары далеко не поровну. Даже им, афганцам, которые выжили в той десятилетней войне, но оказались в слишком разном положении. Он, орденоносец Ступак, вернулся на свой «почтовый ящик» вкалывать станочником, а этот прапорщик Шпак, который два года просидел в Кабульской комендатуре, смотри куда сиганул! Выше КГБ. В понимании Ступака выше, чем всемогущий КГБ, не могло быть ничего, ни в армии, ни на гражданке, везде безраздельно и тайно верховодил КГБ. Все армейское и гражданское начальство назначалось только им или с его согласия, обойти в этой жизни «органы» не дано было никому. Значит, прапорщик комендантской роты Шпак пригодился им больше, чем прапорщик десантного батальона Ступак, и каждый получил по заслугам. Такая вот их афганская судьба. Ну и пусть! Скоро станет известно, кто чего на самом деле стоит, невесело утешил себя Ступак.

Неизбывная забота, однако, упрямо не отпускала его. Он еще два раза ходил на рынок, однажды проболтался там до закрытия, а

потом еще походил по задворкам, среди грузовиков и легковых машин; долго стоял у пивного ларька, для виду потягивая пиво. А сам слушал, приглядывался. У одного кавказца даже поинтересовался шутя, нет ли у него пушки? Но тот испуганно отшатнулся от него – боком, боком и деру. Может, этот торговал наркотой и принял его за переодетого милиционера. Еще была опасность – кавказцы могли и пришить.

Возвращался с рынка поздно, когда летнее солнце сползло за невысокие крыши хрущевок и двор утонул в глубоких сумерках. Он тихо брел к своему гаражу, поглядывая на свои прежние окна на пятом этаже, где теперь наслаждалась жизнью его жена-банкирша. Зла на нее не держал, хотя шевелилась старая обида – она там с генеральным директором, на мягкой тахте, с ванной и холодильником, а он ютится в тесном гараже, питается как придется, за все лето ни разу не помылся даже под душем. Он собственной кровью заслужил ту квартиру, а она запросто ею пользуется. Где справедливость?

Он еще издали разглядел у своего гаража девочку, дочку Ленку, которая часто постукивала маленьким кулачком в железную дверь, будто там кто-то прятался. Когда он подошел, она даже не обрадовалась встрече и, наверное, чтобы поскорее распрощаться, сунула ему в руки скомканную бумажку.

– Дядя сказал, чтобы ты позвонил.

На бумажке были записаны шесть цифр телефонного номера и все. Лена побежала к матери, а он стоял и думал: кто бы это мог быть? Но тут же вспомнил о недавней встрече со Шпаком – не иначе, это он.

Чтобы позвонить из телефона-автомата, нужна была магнитная карточка, которой у Ступака не было – принципиально не покупал, потому что никому не собирался звонить. А в квартиру дочка не пригласила, наверное, так распорядилась жена. Уже на закате у гаражей появился на своем «Запорожце» Алексей, у него Ступак и одолжил на десять минут карточку.

Звонил ему и в самом деле Шпак, который тут же со свойственным подобным людям напором выплеснул на него целый поток слов.

– Слушай, где ты пропадаешь, дело есть, надо встретиться, я к тебе подскочу, скажи только, где живешь, в каком районе?

– А что такое?

– Не телефонный разговор, надо с глазу на глаз, куда подъехать? Я быстро, через десять минут на машине.

Ступак не слишком охотно назвал адрес, сказал, что будет ждать во дворе.

И в самом деле, минут через двадцать с улицы двор стремительно, даже лихо влетел вишневого цвета «Пежо-605». С места водителя выглядывала улыбчивая физиономия Шпака.

– Привет! Иди, присядь.

Ступак обошел машину и, легко открыв дверцу, опустился на мягкое сидение рядом с водителем. Сзади еще кто-то сидел, молча, не проронив ни единого слова. Шпак был все в том же камуфляже, только с короткими милицейскими погончиками (где слабо угадывались четыре звезды – три вместе и одна повыше) на покатых плечах. Ступак удивился – когда успел? Демобилизовались вместе прапорщиками, а этот, глянь, уже капитан. Капитан милиции. Почему же он тогда круче, чем КГБ?

Заметив недоумение на лице Ступака, Шпак, однако, не стал ничего объяснять, только дружелюбно заулыбался.

– Ну, как живешь, дружище? Говорят, без работы, а?

– Кто говорит?

– Люди говорят.

Значит, уже знает, подумал Ступак, который то же начал кое о чем догадываться. В первую очередь – с кем имеет дело.

Начался длинный напористый разговор – и что, и где, и чем до сих пор занимался, о зарплате и о деньгах, и о делах семейных. Шпак расспрашивал обо всем на свете, а другой, на заднем сиденье, все молчал и внимательно, как-то даже отстраненно, слушал. Ступак отвечал скупо, ему вовсе не хотелось раскрываться перед бывшим приятелем и этим незнакомцем, и все думал: к чему Шпак клонит? Уж не пронюхали ли они о его намерениях? Наверное, не из чистого любопытства приставал к нему приятель.

Наконец, когда они выкурили уже по три или четыре «Мальборо», которыми сам Шпак охотно и угощал, капитан приступил к главному.

– Послушай, есть предложение послужить. Ты этого достоин. А что – афганец, ветеран и так далее. Награжден боевым орденом за выполнение интернационального долга...

Дальше Ступак слушал вполуха, он был ошеломлен – послужить? Кому? Но кому – можно было догадаться. И тут ему в голову пришла рискованная мысль: а что, если это именно то, что ему нужно?

– Так это... Ладно.

– Вот и хорошо! Считай, предварительно договорились. А теперь жди, мы позовем.

Давайте, зовите, желчно подумал Ступак, направляясь к своему гаражу. Наверное, оружие дадите, этого мне и надо. Зачисляйте в ОМОН.

Череда дней потянулась в напряженном, томительном ожидании. Обычно Ступак сидел или лежал в гараже за приоткрытой дверью, сквозь щель поглядывая во двор – не появится ли там снова Шпак. О каком-то специальном способе связи они не договаривались, и Ступак думал, что будет использован прежний. Но время шло, дни сменялись ночами, а Шпак не появлялся, и никого от себя не присылал тоже. Может, они там передумали, засомневался Ступак.

Он уже не хотел, чтобы они передумали. Ему здорово повезло, только бы все получилось. Только бы не пронюхали о его участии в шествии, в той летней демократической акции – или как она там у них называется. Плохо было то, что заканчивались деньги, которые Ступак как-то незаметно перестал экономить и начал тратить тем больше, чем меньше их оставалось. Он купил увесистый батон колбасы, помидоров, даже пластиковую бутылку растительного масла и ел потихоньку, сидя в гараже за столом-табуреткой. Думал, что автомат покупать, верно, и не понадобится – дадут казенный, и это будет для него экономия, можно не жалеть денег на продукты. Поесть как следует сегодня и завтра. А дальше видно будет.

В один из дождливых выходных дней его соседи по гаражам не поехали на дачи, а сошлись к своим «коням», как говорил Плешка. У

Сазона Ивановича был маленький автомобильный телевизор, подключавшийся к аккумулятору, и тот с самого утра трещал и хрипел разными роками и рэпами. Сазон их ругал, но слушал – возможно, потому что ничего другого не передавали. Но вот зазвучал до боли знакомый голос, и Ступак вышел из своего гаража.

На багажнике Сазоновой «Волги» моргал блеклый экранчик, где топорщились усы самого, который то бросал ястребиные взоры, говоря о «вшивых блохах» – предпринимателях, то одаривал улыбчивым благодушием, вспоминая о «труженицах-жэншчынах» или о патриотической молодежи, что якобы валом валила в недавно созданный лукомол. Потом голос его и вовсе скатился в из винительные интонации. Ступак прислушался: это уже было интересно. Оказывается, два журналиста из России перешли границу – туда и обратно, и теперь сидят в тюрьме. Сам разводил руками: и хотел бы их выпустить, но не уполномочен, все должен решить суд; он же не имеет права вмешиваться в дела правосудия. Такой бесправный начальник...

– Берии, Ежова на них нет! – возмущался Сазон, перебиравший на низком табурете подшипник. Плешка тоже подошел и добродушно заметил:

– Но и на Берию с Ежовым нашлась управа. Это был явный намек, Сазон резко оглянулся на соседа – его переполняло негодование.

– Управа! А порядок был. Через границу, как зайцы, не бегали. Граница была на замке. А этим дали волю...

Все здесь знали, что Сазон был из чекистов, лет тридцать прослужил на границе, и гаражники, особенно покойный дед Алексея, звали его Карацу-пой. Потом перестали, узнав, что он вместе с другими был приравнен к участникам Великой Отечественной войны. Прежде и Ступак ему что-то ответил бы, но не сейчас: игра уже началась.

– Но это же русские журналисты, – гнул свое Плешка. – Так как же ты против русских-то?

– Я против националистов!

– Белорусских? Или и русских тоже?

Сазон на это ничего не ответил, лишь буркнул что-то. Наверное, вопрос был слишком сложен для прямолинейного и категоричного пограничника, донельзя русского по национальности.

Наконец, деньги у Ступака закончились, он доел и гараже засохшую краюшку хлеба и с утра сидел голодный. Одолжить было уже не у кого, Плешке он и без того должен был двадцать пять тысяч, Сазону, правда, меньше, но теперь к Сазону он не хотел обращаться. Оставалось попросить у молодого Алексея, и Ступак с утра его караулил. Но Алексей что-то не появлялся, может, уехал куда-нибудь. Отлучиться в город Ступак не отважился, надеялся, что появится Шпак. Так и сидел до самого вечера, голодный и очень злой – на себя, на жизнь, на весь белый свет.

На следующий день, однако, вместо Алексея у гаража появилась жена Алексея, худенькая маленькая брюнетка, с маленьким сыном на руках. Она выглядела заплаканной и скупо сообщила плохую новость:

– Алешу арестовали.

– За что?

– Прислали повестку из прокуратуры, что вызывают в качестве свидетеля. Насчет того митинга. Он ушел и пропал. Оказывается, в прокуратуре и арестовали. Что теперь делать? – печально спрашивала женщина.

Малыш задумчиво теребил подол ее коротенького, по моде, платья.

– Пусть не путается с бэнээфовцами, – сурово заметил Сазон.

– Ничего, не плачь, – утешал ее Плешка. – В Хельсинский комитет надо. Там хорошая женщина-адвокат есть.

Ступак не сказал ничего и, чтобы не бередить душу, отошел в темный угол своего гаража. Он чувствовал, что никто ей не поможет – ни Хельсинский комитет, ни адвокат, ни даже сто адвокатов: и суд, и закон были в его руках, и он свою политику вел, как ему вздумается, – напролом, через закон и право, по судьбам людей, топтал конституцию и все международные соглашения. Наверное, остановит его только сила. Но где она, та сила? Темный, забитый народ только и знает, что смотреть в его хитро-приблатненные глаза и поддерживать все, что он скажет. Стоит кому-нибудь из-за

границы вступиться за невинные жертвы, помочь деньгами, как тут же – разъяренные хоровые вопли в газетах и телевидении – заговор, происки ЦРУ, продвижение НАТО на восток. Где-то шевелится горстка оппозиции, самые отважные идут на верную гибель, калечат жизнь себе и родным. На что надеяться?

Примерно спустя месяц после визита Шпака все вокруг Ступака вдруг изменилось – забурлило, завертелось, словно на пожаре. Утром, едва он успел побриться перед осколком зеркала, громко застучала дверным засовом жена, которую подняли с постели. Ступак открыл дверь, увидел ее в потрясающем домашнем халате, рядом стояли двое в камуфляже, а позади них чернела правительственная «Волга». Его посадили на заднее сиденье и молча повезли сначала по городу, затем дальше – за город. Медленно лавируя между каких-то дачных застроек, подъехали к особняку с колоннами. У Ступака даже неприятно заныло в груди – куда это его? Уж не пронюхали ли чего? Но, наверное, еще не пронюхали, хотя по хмурым лицам его спутников и редких встречных ничего нельзя было понять. Зато сытое, как у Шпака, лицо нестарого еще полковника, к которому его наконец-то привели, светилось благожелательностью и добродушием.

– Садитесь, товарищ прапорщик, Ступак, кажется? – спросил полковник и для верности заглянул в лист бумаги на столе. – Так как живете? Как здоровье?

– Ничего, – сдержанно ответил Ступак.

Разговор получился долгим – о жизни и о политике, внутренней и внешней, о коммунистах и демократах. Судя по всему, полковник был человеком разговорчивым и имел бездну времени. Ступак все больше слушал, и если полковник о чем-нибудь спрашивал, односложно отвечал: да или нет. Наверное, его собеседника это устраивало. Насколько можно было понять, его больше всего волновало отношение Ступака к оппозиции, которая «остервенело рвется к власти». А также оценка того факта, что «НАТО одержимо продвигается на восток». Ступак что-то бормотал в ответ, мысленно повторяя: «В гробу я хотел видеть это НАТО с тобою вместе». Он немного побаивался, как бы полковник не разгадал его крамольных мыслей. Тот, однако, продолжал вдохновенно вещать о важности

противостояния агрессии западного капитала и о спасении отечества. Что он имел в виду под отечеством – Беларусь, СНГ или прежний СССР -так и осталось непонятным.

Потом Ступак полдня просидел в отдельном кабинете – заполнял анкеты. Их было три или четыре, на нескольких страницах каждая, он даже вспотел, подробно отвечая на десятки вопросов, от первого – об имени, фамилии, отчестве – до сведений о родителях, о месте их рождения и смерти (где и когда умерли, места захоронения и номера могил). Живого отца Ступак подробно аттестовал как партизана и орденоносца, а мать... Она умерла, когда он был в Афганистане. Сестра Елена жила под Москвой, но он не знал где, в каком городе (то ли в Жуковске, то ли в Черняховске?). Может, лучше не писать ничего? Но тогда могут придраться, что утаил сведения. И он написал первое, что пришло в голову: город Зеленогорск, улица Космонавтов, 10, квартира 20.

Потом в другом кабинете оформлял подписку о строгой секретности – это уже было, как он догадался, по линии безопасности. Хотя и принимал ее лысеющий человек в модном двубортном пиджаке, при чересчур аккуратно завязанном галстуке, важности здесь было даже больше, чем в кабинете полковника. Как-то очень сдержанно, словно испытывая его, человек произнес ему в лицо только одно слово «Музыкант», и Ступак понял все. Эту кличку ему приклеили в очень секретном отделе перед отправкой в Афган. С тех пор, правда, никто ему об этом не напоминал, и он уже думал: забыли. Ан нет, не забыли. Впрочем, теперь от него ничего не требовалось, а играть в секретные игры вообще было несложно, пусть позабавляются. И он все подписал.

Наконец, примерно к полудню бумаги были оформлены, их забрала у него красивая девушка в милицейской форме с очень суровым взглядом и двумя звездочками на погонах. В последний момент он даже подмигнул ей, но она и бровью не повела, сложила документы в шикарную зеленую папку и спрятала ее в серый сейф, стоявший в углу. Значит, будут храниться вечно, подумал Ступак. Потом белобрысый сержант-милиционер повез его в город. Постепенно Ступак начал узнавать улицы, кажется, их «уазик» направлялся в госпиталь МВД. «Это еще зачем?» – спросил Ступак. –

«А медкомиссия! – просто и дружелюбно ответил шофер и хихикнул: – Проверка на СПИД».

Это Ступаку понравилось меньше – точнее, не понравилось совсем. Какого черта! – думал он, теряя терпение в ходе этого детального исследования его личности. Разве он им служить будет? У него другая цель, ему бы только оружие заполучить. Видимо, дадут какого-нибудь «Стечкина» или «Калашникова», и он подловит момент. Его собственное здоровье мало беспокоит, пусть не интересует оно и этих.

Но этих его здоровье как раз очень интересовало. До вечера его водили из кабинета в кабинет, с этажа на этаж – прослушивали, измеряли на аппаратуре, просвечивали внутренности на моргающих мониторах. Но все было в норме, давление, сказали, словно у юноши. «Алкоголь употребляете?» -спросил строгий доктор, на плечах которого под халатом угадывались твердые погоны. Ступак по-простецки покачал головой: «Ну что вы!». Немного задержал на нем свой проницательный взгляд хирург, заметивший синеватую отметину на плече. «Что, огнестрельная?» – «Афган», – коротко ответил Ступак. – «А это – ушиб?» – довольно грубо пощупал хирург след от недавнего удара омоновской дубинкой. – «Упал». – «По пьянке?» – ухмыльнулся доктор. Ступак вопрос оставил без ответа – кажется, они и так поняли друг друга. Дальше была кардиограмма, когда его руки-ноги опутали проводами, окулист со своей таблицей на стене и в самом конце довольно странный разговор с психиатром: единственное, что запомнил из него Ступак, были назойливые вопросы о выпивке и наркоте. Ступак решительно все отрицал, вспоминая однако, как в том же Афгане они здорово кайфовали под анашой. Жаль, завязал. Если бы не завязал, может, было бы лучше, неожиданно подумал он, сидя перед хитрюгой-психиатором. Кажется, состояние его здоровья их удовлетворило. Его – тем более.

К своему гаражу он приплелся, когда уже стемнело, во дворе горел фонарь, светились окна и хрущевках. Там теперь все уставились в свои светящиеся ящики – кто не может глаз оторвать от музыкальных шоу, кривляк-танцулек, а большинство, наверное, – от очередного номера самого. Почти каждый вечер тот выступал

со своим гип нозом – то угрожающе-строго, когда говорил об оппозиции, которая получила от ЦРУ задание его уничтожить, то щедро одаривая всех белозубой улыбкой из-под шикарных усов, когда обращался к рядовым зрителям. Особенно к зрительницам – их он часто христом-богом просил поддержать его в святой борьбе за благосостояние народа. Слушая его лесть, женщины были готовы на все – с такими просьбами к ним прежде никто не обращался: ни большие начальники, ни собственные мужья, уже давно в жизни ничего не признававшие, кроме бутылки. Мужчин политика интересовала тем меньше, чем хуже становилась жизнь. Зато она все больше захватывала женщин, в первую очередь потому, что в ней верховодил он – выдающийся, привлекательный, почти холостой, воплощавший недосягаемые женские мечты о мужчине-кавалере, мужчине-лидере.

Ну, недолго осталось.

Так думал Ступак, злобно дожидаясь, когда его позовут снова. Должны же в конце концов позвать, он уже жаждал этого. Хотя бы потому, что еды не было вовсе, два дня назад одолжил пару тысяч у бывшего соседа по подъезду, которого подкараулил во дворе.

Прежде чем протянуть ему бумажки, сосед долго плакался, жаловался на жизнь, на маленькую пенсию, на лентяйку-дочку, которая работать не хочет, привыкла жить за его счет. Ступак успокоил его, сказав, что скоро получит зарплату и рассчитается. И опустил глаза – смотреть на старика было неловко.

На этот раз к нему наведался сам Шпак, на том Самом вишневом «Пежо», в камуфляже, но уже с погонами майора на широких плечах. «Быстро, однако, у них кадры растут!» – с неожиданной завистью подумал Ступак, садясь рядом с бывшим коллегой. Майор Шпак стал рассказывать ему, как много приходится работать (работа ненормированная), как беспокойно и опасно, хотя почетно и ответственно. «А зарплата как?» – сдержанно спросил Ступак о том, что его теперь больше всего интересовало. «Зарплата ничего. Тебе такой и не снилось, – сказал Шпак. – Сначала три миллиона, подъемные и так далее. Не пожалеешь».

Ступак внутренне порадовался, хотя и не показал виду, вспомнив о доценте Минкевиче с его шестьюдесятью миллионами

штрафа. Может, майор Шпак и получает три миллиона, он-то всего лишь прапорщик...

– На первых порах будешь жить в офицерской гостинице. А там видно будет, – сказал Шпак, когда они подъехали к очередной бетонной стене с проходной и шлагбаумом.

Оказалось, это что-то вроде омоновской базы. Несколько часов Ступак вместе с такими же, как он, новичками, молодыми ребятами, получал обмундирование на забитом ящиками и тюками вещевом складе. Ему выдали несколько комплектов форменной одежды – зеленую и пятнистую, цвета мусора, парадную и повседневную, и крепкие грубые ботинки, пилотку и берет, теплую куртку и тельняшки – целых три штуки. И даже приличный кусок бязевой ткани – на воротнички. Как в армии. Только в армии так много никогда не давали, экономили. Ребятам, которые переодевались зреете с ним, очень понравились ремни. «Офицерские», – восхищенно сказал один, чуть постарше остальных. Ремни и в самом деле были ладные, из толстой прошитой кожи, с солидными пряжками. Ступак переоделся во все новое, свежее, приятно пахнущее; свои вонючие трусы, оглянувшись, сунул в жестяной контейнер. Его повели через двор в офицерскую гостиницу.

В первый раз за целое лето он с наслаждением распластался на чистой новой простыне, устроил похудевшие плечи на удобной подушке. Ему сказали, чтобы завтра постригся, – хорошо, он пострижется. И еще сказали, что усы можно не сбривать, здесь уважают усатых. Вторая кровать в комнате была аккуратно заправлена, наверное, кого-то дожидалась. Может, тоже новенького.

Служба расширялась, укомплектовывалась, совершенствовалась – как и положено при сильной власти. Ступаку было интересно переживать во второй раз то, с чем уже сталкивался в армейской юности, в Афгане и после него.

Демобилизовавшись семь лет назад, он думал, что пережитое никогда уже не повторится. А оно обещало вернуться, хотя и на другом витке жизни...

На следующее утро он хорошо позавтракал на первом этаже гостиницы, в омоновской столовой: съел пару котлет с гарниром, макаронную запеканку, выпил стакан ряженки и еще – сладкою чаю. Словно на курорте или в доме отдыха. Вокруг с куда меньшим, чем он, аппетитом завтракали другие омоновцы, молодые ребята с сержантскими погонами на плечах. У него погон еще не было, и он немного волновался по этому поводу. В армии или в милиции все должны иметь погоны, обозначающие статус каждого. Без погон ты никто.

В тот и в течение двух следующих дней проходили занятия – в классах и на плацу, как когда-то в армии. Впрочем, их ко всему прочему учили, как отбивать нападения демонстрантов, нападать самим, строиться и перестраиваться в плотные ряды. Изучали и свойства различных слезоточивых и боевых газов – в баллончиках, дымовых шашках, гранатах. В программе также значились новейшие секретные средства борьбы с террористами, экстремистами и радикалами. Ступак слушал все не слишком внимательно, словно во сне; состав и свойства химических веществ его не слишком интересовали, он жаждал оружия. Но об оружии речи пока не было.

Позже он понял, почему.

Все эти ребята-омоновцы отслужили в армии, стреляли не раз из АК и пулеметов. Здесь же им готовили какой-то сюрприз.

Однажды их подняли по тревоге на рассвете, приказали разобрать боевое снаряжение – белые щиты, шлемы, надеть тяжелые бронежилеты, разобрать дубинки и – быстро рассаживаться по «Камазам». Еще как следует не рассвело, они куда-то ехали, останавливались, поворачивали назад, словно стараясь запутать врага, и только часов в десять выгрузились у резиденции самого. Здесь уже был майор Шпак, толпа других майоров и полковников; омоновцев выстроили в три ряда поперек улицы – как тогда, летом, когда он попал в переделку. Как бы снова не попасть, опасливо думал Ступак, оказавшись в переднем ряду. Как и все, он стоял плечом к плечу с соседями, молодыми парнями, держа у ног легкий дюралевый щит, а в правой руке – резиновый «демократизатор». Рука и плечо почти перестали болеть, и он, чтобы убедиться в этом,

несколько раз махнул перед собой дубинкой и успокоился. Улица была почти пустая, движение транспорта остановилось, проспект перекрыли с обеих сторон. Вообще вокруг было совсем спокойно и тихо, если бы не тревожная взвинченность начальства, которое, словно угорелое, носилось перед омоновцами; некоторые бегали к черной «Волге», приютившейся с другой стороны здания. Все ждали.

Часов после десяти на улице появились демонстранты. Сначала стали видны витающие над их головами бело-красно-белые флаги на высоких легких шестах, плакаты; за ними – первые ряды, состоящие из молодых мужчин и девушек, которые с песнями неторопливо шли по проспекту. Некоторые вели за руки детей. Ступак пытался понять, сколько их там было, определить хотя бы приблизительно, но не смог. Слишком много. Тысячи. Увидев преграду, демонстранты энергичнее замахали флагами, стали раздаваться крики: «Позор!», «Предатели!», «Гестапо!». Кто-то из начальства прытко пробежал перед рядами, пронзительно крикнул омоновцам: «Они нас оскорбляют!».

Ступак внутренне хмыкнул, поеживаясь, однако, от неприятного холодка угрозы, которой повеяло с проспекта. Наверное, стычки им не избежать. В это время сзади прозвучала команда, все в ряду опустили на лица прозрачные защитные козырьки -приготовились. Демонстранты тем временем приблизились, хорошо стало видно идущих впереди -молодые мужчины, парни и девушки, взявшись за руки, не спеша подходили все ближе и ближе. В центре колонны под огромным штандартом с крестами шагал высокий худощавый человек, лысеющий, с туго сжатыми челюстями. Это был известный Зенон, его Ступак как-то видел весной на митинге. Когда они подошли еще ближе, позади, за ОМОНом, снова раздалась команда, и ряды омоновцев взорвались железным грохотом, который затопил всю улицу. Ступак вместе со всеми остервенело лупил по щиту резиновой дубинкой и внутренне посмеивался над демонстрантами. Испугались они или нет, неизвестно, но, приблизившись еще, шествие остановилось. Вперед с мегафоном в руках вышел Зенон.

– Господа полицейские! – мощно прозвучало из мегафона – и тут же захлебнулось в оглушительном грохоте ОМОНа.

Лидер БНФ несколько раз пытался обратиться к ОМОНу, но его не хотели слушать. Тогда из нестройных передних рядов демонстрации, на которые напирали задние, начали выскакивать молодые ребята: размахивая руками, они пытались что-то доказать омоновцам. Зенон бросился к ним, чтобы остановить и вернуть назад, в ряды, смешавшиеся в пеструю крикливую толпу, которая перестала уже кому-либо подчиняться. Задние напирали на передних, на правом фланге демонстранты уже столкнулись с омоновцами. Послышались крики, стук дубинками по щитам сам собой прекратился – начиналась стихийная потасовка. Туда, налево, бросились начальники с мегафонами, раздались их угрожающие команды и ругань. Там же Ступак рассмотрел широкоплечую фигуру Шпака, который тоже трудился – кричал, командовал, угрожал. Нескольких парней с плакатами и флагами омоновцы захватили в свою цепь, но демонстранты принялись лупить их тем, что держали в руках. Омоновцы не уступали, хотя и старались оставаться на месте, чтобы не нарушать строй. Но это у них плохо получалось – в нескольких местах ряды искривились, группа омоновцев сама оказалась в окружении демонстрантов. Нескольких демонстрантов, оторванных от основной массы, омоновцы оттирали к стене здания, но те не сдавались. На центр шеренги тоже нажимали. Ступак едва успел повернуть голову, чтобы уклониться от удара – и бамбуковый шест с флагом только скользнул по нему, видно, целились в омоновца, находившегося у него за спиной. Выпустив дубинку из рук, Ступак схватил легкое полотнище флага и рванул его вниз, ткань наполовину оторвалась от древка. Вторым рывком он оторвал ее всю и снова схватился за дубинку.

Стычка, однако, дальше не развивалась, наверное, Зенон все-таки докричался до своих ребят. Нескольких, однако, схватили милиционеры и омоновцы. Остальные отошли, начали поворачивать по проспекту назад – кажется, меняли маршрут. Омоновцы, постояв немного, сошлись по команде в группу и, перекурив, погрузились в свои «Камазы». Ступак стал понемногу успокаиваться, явная опасность миновала, но на душе было мерзко. Появилось чувство, что он влез не туда, куда следует. Хотя что он сделал – только постоял в строю. Даже никого не ударил ни разу.

День спустя, однако, это чувство исчезло. Он получил подъемные – целых девять миллионов «зайцев» и перед строем – погоны с двумя звездочками. Полковник, начальник штаба объявил ему благодарность за «образцовые действия по отражению нападения экстремистов» и сказал, что лейтенант Ступак будет командовать взводом. Что ж, взвод – дело нехитрое, он в Афгане уже командовал взводом, хотя тогда был старшим сержантом. Чувствуя, как внутренние карманы оттягивают две тугие пачки денег, он мстительно подумал о жене, которая вряд ли дождалась такой прибыли от своего гендиректора. А он вот получил! Тогда же подумал, что, наверное, зря он продал гараж, который очень может понадобиться. Хотя ведь окончательно не продал, а задаток как-нибудь вернет, если к тому времени Волынец в тюрьму не сядет. Или его в подъезде не подстрелят. Жалко, конечно, но такая уж, значит, у него судьба. У каждого своя судьба. О своей навязчивой идее он, за ежедневными заботами, вспоминал все реже. Да и оружия им по-прежнему не давали, испытывали, что ли?

Ну и черт с ними, думал Ступак, что ему оружие? Или в Афгане не настрелялся? Он уже начал думать, пусть бы того оружия не давали как можно дольше, хотя бы месяца два, чтобы он отъелся на милицейских харчах, отлежался бы на белых простынях. А то еще и квартиру получил бы. На вечерней беседе с личным составом полковник сказал, что офицерам дадут новые квартиры или улучшат жилищные условия – строится дом в престижном районе, недалеко от станции метро. Кто-то спросил: это же для творческой интеллигенции. Десять квартир писателям, а тридцать пять нам. Мы в большем фаворе, чем пьянтосы-писаки, которые насквозь бэнээфовцы. Что ж, заполучить свою квартиру без этой сволочи Людки было очень заманчиво. Вот бы еще и иномарку приобрести, такую, как у Шпака. А что, разве он не заслужил? Хотя бы и в Афгане.

По вечерам в красном уголке, как у них назывался большой угловой зал, работал телевизор. В основном омоновцы интересовались московскими шоу, певцами, певицами, меньше – спортом. Но в определенное время телевизор переключали на местный канал, и тогда все умолкали – слушали самого. Ступак тоже

слушал: на удивление, теперь и выступления, и жесты, и облик самого не вызывали у него прежнего раздражения, разве что - равнодушие. О своих прежних планах он старался не думать, неопределенно говоря себе: посмотрим. Поживем – увидим.

Как-то в выходной день он решил наведаться в свою хрущевку. Надо было забрать партбилет (говорили, хорошо бы ему восстановиться в компартии; в которой из двух – выбор за ним). А главное, нужен был орден, он валялся где-то у жены в шкафу. Хорошо, что жены не было дома, только дочка, она показала шкаф, который теперь стоял в прихожей, а вся гостиная была тесно заставлена новыми столиками и креслами от шикарного немецкого гарнитура. Дочка, без большой радости встретив отца, похвасталась, что мать – уже директор банка. Ступак тихо позавидовал жене значит, не всем плохо, кое-кому и сегодня везет. Долго не задерживаясь в квартире, он отыскал все, за чем пришел и, выйдя из подъезда, повернул к гаражам под липами. Тут его первым увидел седовласый Сазон, который очень удивился его униформе. Зевая беззубым ртом, все восхищался:

– Вот и я когда-то... Такой молодой, подтянутый...

Вылез из-под своего «Запорожца» Плешка, сдержанно поздоровался.

– Ты смотри, лейтенант милиции! А нам и не сказал ничего, засекретился. И сколько платят?

Ступак ему ничего не ответил, пусть и в самом деле останется тайной. Опять-таки, насчет этого совсем недавно он давал подписку о неразглашении – не мог вспомнить, какую по счету за недавнее время.

– А где Алексей? – спросил он, рассмотрев два замка на железной двери соседского гаража.

– Ха, Алексей! Алексей уехал, – сказал Плешка.

– Куда уехал?

– Нам не сказал. В Германию или дальше. Может, в Израиль.

– Как в Израиль? – удивился Ступак. – Он же белорус.

– Он-то белорус. А вот жена – сомнительных кровей, – туманно объяснил Сазон.

Ступак промолчал. Ему было жаль Алексея, который когда-то спас его: приди парень на полминуты позже – его бы тут уже не было. Ни здесь, ни в ОМОНе. И эти дядьки не удивлялись бы его камуфляжу. Впрочем, может, для Алексея так оно и лучше. Если бы у него, Ступака, жена была не белоруска, он бы тоже уехал. В Израиль или хоть к черту на рога. А так вот попал на службу, продал душу дьяволу

Но, может, так оно и лучше.

В тот же день, вечером, едва он вернулся из города, дежурный сказал, что его вызывает подполковник Шпак. Ступак слегка удивился: почему подполковник? Недавно еще был майор, а теперь подполковник, не перепутал ли дежурный? Но не перепутал. В штабе его и в самом деле ждал бывший коллега, на погонах у которого блестели две большие звезды, он сосредоточенно рассматривал какую-то бумагу, лежащую на столе. Рядом стояли другие офицеры, наверное, изучали приказ.

– Лейтенант Ступак, приказано забрать вещи – и в штаб. Через полтора часа отъезд.

– Куда?

– К другому месту службы.

Стоило бы удивиться, но Ступак уже перестал чему-либо удивляться. Офицеры обступили Шпака, а Ступак пошел в гостиницу, собрал свои небогатые пожитки. Через полчаса его уже везли в закрытом «Урале» куда-то за город. В кузове сидело еще три человека - все из ОМОНа. Но Ступак их плохо знал, ехали молча. Вскоре, однако, машина остановилась, они вылезли из кузова. Вокруг в вечерней полутьме стояли высокие сосны, под ними - приземистые строения, дачи. Это была, как он догадался, старая правительственная резиденция, куда их привезли, чтобы пополнить личную охрану самого. «Вот попал!» - мысленно присвистнул Ступак, еще не зная, радоваться этому или огорчаться. Однако внешне он ничем не выдал своих мыслей, слушал и исполнял, что приказывали, шел, куда вели. Снова были анкеты, подписки, даже строгая секретная присяга. Все это он делал машинально, будто безвольный зомби; свое давнее намерение он задвинул вглубь памяти и даже немного тревожился, чтобы о нем никто не догадался.

Спустя несколько дней их начали вооружать. И не какими-нибудь кочерыжками АК, которые отбивали плечо при стрельбе и мешали на марше, а новенькими коротышками «Узи». Очень ловкие выдали автоматики, они словно сами просились в руки и ничуть не мешали - хоть на плечо, хоть на грудь. Бьют, говорили, за двадцать шагов в воробья при нулевом рассеивании. Ступак старательно отер с вороненого металла остатки негустой смазки, взвесил в собранном состоянии на руках. Он был доволен.

Забот в этом бору, было, однако, немного, некоторые группами куда-то ездили, возвращались - и молчали.

Политобработка, как заметил Ступак, велась в интенсивном темпе, регулярно, коллективно и индивидуально. Днем и особенно вечером их вызывали куда-то по одному, что-то выясняли, кое с кем беседовали подолгу. Так старательно не обрабатывали даже замполиты в армии. Но здесь была не армия и даже не ОМОН. Бери выше. Они - элита безопасности, как сказал новый полковник, лучшие из лучших. Личная охрана. Хотя того, кого им надлежало охранять и защищать «вплоть до пожертвования собственной жизнью», они даже не видели. Ни вблизи, ни издали. Чувствовали, что он где-то рядом, в этих домиках-дачах между соснами, но где конкретно - не знал никто. И никто ни у кого об этом не спрашивал - запрещено. Вообще, это было подразделение молчунов. Они молчали перед начальством, молчали в строю, молчали в столовой и на отдыхе. Это молчание начинало угнетать, но Ступак думал: пусть! Уж он чего-нибудь дождется. Плохо, что не было возможности выпить. При том, что денег набралось уже полные карманы, несколько пачек «зайцев» он оставил в тумбочке, прикрыв газетою. И никто их не украл. Видно, денег у них хватало. Зато не было времени, чтобы их реализовать, изоляция была исключительной. Словно в тюрьме. Наверное, это была их плата за сытое житье и непыльную работенку. Плата свободой. Но что поделаешь – на этом свете за все приходится платить.

Однажды утром их построили в спортзале, всех тридцать человек, которые составляли теперь ядро группы «Альфа». Говорили, что пока тридцать, а будет триста, потому что надо крепить щит и меч руководителя государства. На построении с самого начала

присутствовали едва ли не все их начальники вместе с главным полковником – грузным бугаем, который поверх форменного кителя носил кожаное пальто, с целью маскировки. Впрочем, так ходил не он один – все маскировались, что ли? Они едва ли не час простояли в строю, начальники осматривали выправку и подворотнички, и чистоту обуви, и хорошо ли выбриты. Никто ничего не говорил, но они начали догадываться, что к ним, пожалуй, явится сам.

И действительно: толстый рявкнул команду -из главного входа показался он. В этот раз он тоже был в камуфляже, новеньком, аккуратном, отлично подогнанном по его рослой спортивной фигуре. Негромким, каким-то теплым, почти домашним голосом скомандовал «вольно» и подошел к правому флангу, где стояли самые долговязые, физически наиболее развитые парни, стал со всеми здороваться за руку. Это было что-то новенькое -чтобы большой начальник здоровался с каждым в строю лично. Они все, словно околдованные, неотрывно смотрели в его хитровато-улыбчивое лицо, на котором не было и следа недавней телевизионной суровости – только теплота и сочувствие. Когда очередь дошла до Ступака, почудилось: он как-то по-особому заглянул Ступаку в глаза, словно проникая вглубь души. Пожатие руки было крепким, Ступак ответил таким же и почувствовал, что тот доволен. Поздоровались, как следует – по-мужски. По-военному. Потому что теперь оба были военными, хотя тот и вышел из милиционеров. Так теперь и Ступак из них.

Обойдя строй, он вышел на середину зала и начал говорить. Говорил негромко, тихим голосом с хрипотцой и, стоя в пяти шагах от Ступака, казался не молодым – скорее, пожилым и усталым. А говорил он о том, что очень надеется на свою службу безопасности, к которой они имеют честь принадлежать, что она – главная его опора, для них он не пожалеет ничего и будет заботиться о каждом, как родной отец. Если у кого-то из них есть какая-нибудь нужда, пусть идет прямо к нему и рассказывает – он сделает все. Потому что он их всех любит, как отец любит сыновей, у него больше никого нет, кроме них, ребят из охраны, да еще народа, который избрал его на высокий пост. Что народ – главная его забота и главная любовь, особенно такой народ, как наш, который вечно борется с нуждой,

страдает на протяжении всей своей истории, это ему как профессиональному историку известно. Что этот народ заслуживает лучше! доли, чем та, которую ему уготовили предатели националисты, все эти позняки, шарецкие и карпенки, которые давно продались ЦРУ и другим иностранным спецслужбам и теперь разрабатывают самые хитроумные планы, чтобы уничтожить его физически и оставить сиротою любимый белорусский народ. Поэтому большие надежды возлагаются на них, его охрану – в их руках его безопасность, жизнь и будущее всего народа.

Ступак за свою жизнь наслушался немало агитаторов-пропагандистов, в том числе и армейских, но никогда не воспринимал их всерьез, всегда слушал вполуха. Не хотелось верить и этому. Но какая-то упрямая сила потихоньку, помаленьку действовала на его разум; напор и искренность рассуждений начали проникать в его сознание. Появилась сочувственная мысль: и в самом деле, как трудно быть руководителем такого масштаба, как опасно и ответственно.

С этою мыслью-чувством Ступак и стоял в строю, слегка задумавшись, как вдруг услышал, что разговор перешел на афганскую тему – и вздрогнул, когда тот, глядя в его сторону, произнес:

– Вон пусть скажет Саша Ступак, он участник, отмеченный наградами. Он на своих плечах вынес груз дружбы с братским афганским народом…

Удивление кольнуло Ступака – смотри ты, он знает! Знает об Афгане, даже по имени его называет. Необычный, удивительный человек, смешавшись, думал Ступак. Нельзя было сказать, однако, чтобы теплые слова обрадовали его – привели в замешательство, пожалуй. Когда все закончилось и строй распустили, он, глубоко задумавшись, отправился в курилку. Он не мог ни с кем поделиться своим впечатлением от той встречи, да о ней никто и не говорил, все только внимательнее присматривались друг к другу: ну что? ну как? Молчаливые вопросы без ответов.

Неожиданно наступил момент, о котором Ступак столько думал, к которому все время невольно готовился.

Рано утром, еще до завтрака, к их лесному домику подкатили сразу три черные «Лендровера», в которые быстро, словно мыши в норы, прошмыгнули их камуфлированные фигуры с новенькими, еще пахнущими смазкой «Узи». Возглавляемые незнакомым подполковником в кожаном пальто, они подъехали к проходной номерного завода на городской окраине, который недавно еще был «почтовым ящиком»; оказавшись во дворе, выгрузились у здания заводской администрации. Здесь быстро рассыпались на два ряда вдоль ступеней, образовав не широкий, но и не узкий коридор, ведущий к двери, и застыли. Те, что приехали раньше их, были уже внутри. Все молчали, но Ступаку стало ясно: они обеспечивают приезд самого. Ступак свободно стоял на второй ступеньке снизу и думал, что мысль, которой он был одержим столько времени, еще никогда не была настолько близка к воплощению. Рожок автомата полон патронов, автомат исправен, готов к стрельбе. Не хватало разве что последней капли решительности. Но почему? Разве он не до конца осмыслил? Или появилось что-то новое?

Чего-то все-таки он не успел додумать, чтобы окончательно решиться. А к ступеням уже подлетел один милицейский «Мерседес» с мигалкой, за ним другой, такой же. Из них быстро повыскакивали люди в масках, разбежались по заводской территории. После чего подкатил и третий автомобиль, грузный, видно, бронированный, «Кадиллак», из которого через услужливо открытую дверцу легко выпрыгнул он. На этот раз он был в темном, хорошо отутюженном костюме, при длинном, до пупа, галстуке; быстрый, почти хищный взгляд он бросил в одну сторону, в другую, видимо, дабы убедиться: охрана на месте, он в безопасности. Его твердое, властное лицо теперь излучало несокрушимую, злую суровость. Тем самым придирчивым взглядом он окинул обмершую охрану – и словно споткнулся об усатую, похожую на его собственную, физиономию Ступака. Ступак нечаянно пошевелил коротким стволом автомата, невольно направляя его в сторону. Тревожно дернулись на переносице почти русые брови, но больше – ничего. Ступак окаменел, а тот пружинисто перепрыгнул через две ступеньки и вмиг оказался у высокой двери, где его ждала небольшая группка

людей в гражданском и в масках. Они все вместе скрылись в помещении. Ступак расслабил мускулы и выдохнул.

Охрана все еще продолжала стоять на ступенях, но напряжение ушло. Кое-что было непонятно Ступаку, даже подступала обида, но он не мог разобраться – почему? Может, из-за своего прежнего, пережитого, а может – из-за сегодняшнего... Одно было точно – киллера из него пока не получилось, и странно, но это принесло ему облегчение. Словно он спас жизнь. В первую очередь, возможно, свою собственную. Магазин его «Узи» остался цел, пули надлежало беречь и расходовать только в крайнем случае. Но – где тот крайний случай, и кто будет определять его? Уже, наверное, не он. С горечью Ступак чувствовал, что незаметно и навсегда он утрачивает свое собственное право, которым уже распоряжались другие.

А он что же – ему приходилось ждать и подчиняться. И он ждал, может, час, а может, больше, стоя все на той же ступеньке, разве что перенося тяжесть с ноги на ногу. Парни рядом тоже ждали. Другой команды им не давали, и Ступак начал думать, что о них забыли. Но нет! Полковник в кожаном пальто что-то гаркнул, стоя в дверном проеме, и они замерли. Ступак ожидал снова увидеть самого, но вместо него показались двое в серых пиджаках – высокий и чуть пониже, их тесно обступили парни в масках. Те двое шли, потупив седые головы, как-то неестественно одинаково держа за спиной руки. И только когда они проходили мимо по ступенькам, Ступак увидел на их руках блестящие наручники. Тогда ему многое стало понятно. Но что-то и еще больше запутывалось.

Арестованных повезли в милицейской машине, а они все стояли на ступеньках, наверное, ждали самого. И Ступак думал, что его жизнь куда-то повернулась. Хотя, кто ее знает, какой стороной может она еще повернуться. Все же жизнь каждого имеет свою силу – иногда злую, недобрую силу...

1998

Бутылка, или Президент на дереве

Рассказ

Яхим Помазок – ветеран ВОВ и колхозный кочегар по совместительству. Жена его Катерина долго работала в колхозе дояркой, заслужила кило металлических наград на грудь и звание мастера машинного доения. Яхим, который принес с войны всего один орден, естественно, завидовал жене и желал, чтобы его величали мастером центрального отопления. Звание это, однако, за Помазком не закрепилось – возможно, по той причине, что он был виртуозом другого дела, о чем распространяться не любил. Но старался вовсю. В партии состоял почти пятьдесят лет, иногда проявлял активность, однажды даже в районный совет избирался, но неудачно. Друзья утешали: еще не вечер, с твоими заслугами можно наверняка дождаться чего-нибудь получше – вон сколько старых пердунов депутатствуют, чем ты хуже их?

В тот день они слегка приложились к очередной бутылке – там же, в кочегарке, на исходе дня. Замызганную бутылку принес младший напарник Яхима Юрка Деденко, недавний механизатор, которому трактор весной переехал ногу, поэтому он и перешел в кочегарку. Впрочем, главная забота Юрки неизменно касалась выпивки. Эту бутылку он перехватил у знакомого парня из «Сельхозтехники», который, в свою очередь, привез ее с какого-то хутора, где одна старушка гнала отменный по тем временам напиток. Все, кому довелось его попробовать, утверждали: забирает зверски. В кочегарке этой продукции еще не пробовали.

Не успели приятели вытащить из бутылки кургузую, словно обгрызенную, бумажную пробку, как в подземелье котельной ввалился третий собутыльник – бывший агроном Ладутько. У этого был исключительный нюх по этой части, осечек не дававший. Иногда друзья были не против его участия (если выпивки хватало), иногда возмущались – если «горючего» было мало, но всегда делились по справедливости. В тот раз бутылка попалась знатная – больше поллитра, а уж содержимое ее опытные выпивохи оценили сразу. Ладутьку даже передернуло от удовольствия: вот, холера, забирает!

Забирает, подтвердил и Помазок, глотнув из заскорузло-грязного стакана. По очереди выпили все трое, закусили луковицей с салом да крошащимся куском хлеба. Большего им и не надо было – главное, выпить и закурить. Естественно, не теряя времени, выпили еще, а после и добавили. Именно в этот момент в закрытую на крючок дверь постучали – громко, требовательно, как это делала обычно жена Помазка или кто-нибудь из начальства. Компания сначала притихла, а потом Помазок поднялся. По каким-то только ему известным приметам он сообразил, что это не жена и не председатель – кто-то другой.

И впрямь – то была почтальонка Рыбакова, прямо с порога сунувшая Яхиму помятый, припорошенный снежной крупой блокнот – телеграмма вам, распишитесь.

Дрожащей рукой Помазок черкнул свою фамилию и развернул листок телеграммы. Международная – крупно обозначено вверху, а внизу – какой-то текст, его Яхим без очков разобрать не смог, поэтому отдал листок Юрке. Тот молча прочел и, странно причитая, свалился боком с табуретки на пол. Бумагу взял Ладутько. Мои поздравления, мои поздравления, забормотал он и крикнул: «Юрка, бутылку, кровь из носу!» – «Но что там?» – непонимающе уставился на него Яхим. «Что? А вот что: «Мистеру Помазку Яхиму Наиглавнейший государственный совет демократической республики Помазонии поздравляет вашу светлость с избранием на высокий пост президента республики Помазонии на который вам надлежит заступить 22 ноября билет авиакомпании Люфтганза до радостной встречи подпись наиглавнейший совет».

Помазок без сил опустился на обитую клеенкой табуретку, он ничего не понимал: «Кого? Меня? Каким президентом? Какой Помазонии?» – «Тебя, тебя, вот же написано», – тыкал ему телеграмму в лицо Ладутько. Юрка Деденко, вдоволь настонавшись, взобрался снова на табуретку, и удивленно вылупил глаза, словно видел впервые напарника, все еще повторявшего: «Я – президент?» – «Ты, ты, вот же написано. Юрка, бегом за бутылкой!» -командовал бывший агроном.

Деденко послушно поковылял к двери, а Помазок все не мог ничего понять. В первую очередь, уж не провокация ли это,

организованная международным империализмом или мировым сионизмом? И где та Помазония, о которой он даже ни чего не слышал? Хорошо, если это социалистическая страна, а если... И с чего это его в президенты, разве он просился? Поначалу хотелось всех послать на три буквы и вернуть все как было... Неплохо все складывалось, спокойно выпивали... Но Юрка уже побежал за водкой, наверное, не стоит друзей подводить, горячиться, надо все взвесить. «Вот и хорошо, что тебя тогда в райсовет прокатили», – сказал Ладутько. «Почему это – хорошо? -удивился Помазок. – Не достоин, что ли?» – «Достоин-то достоин, но тогда бы президентом не стал. А так – президент, поздравляю», – почти льстиво пояснил Ладутько. А и впрямь, подумал Яхим, зачем отказываться? В случае чего, кочегарка от него не убежит. А там, может, хотя бы такую-сякую иномарку добудет, а то и зять уже волком смотрит, еще дочку бросит. Только вот жена, – вдруг подумалось Яхиму, – как она к этому отнесется? Президентша, однако...

Его сложные размышления прервал Деденко, раздобывший бутылку. А с ним в кочегарку натолкалось еще выпивох разных возрастов – все уже знали о Помазковой новости и хотели ее обмыть. В котельной стало тесно, люди обступили Яхима. Каждый старался поздравить или хотя бы похвалить его, а то и совет дать: «Вот повезло человеку! Помазок там наведет порядок! Послушай, ты там сразу – демократию к ногтю! Если что – мы поможем. Ну и попьешь ты там водочки...»

Помазок улыбчиво молчал, ему уже неинтересно стало разговаривать с этими людьми и отвечать на их остроты. Главное – он поверил в свою удачу и почти убедил себя, что все правильно. Иначе и быть не могло. Он – президент республики Помазонии, наверняка высокоразвитой, не какой-нибудь там отсталой. Отсталая страна его президентом не выбирала бы. Он, конечно, там не был, но и нельзя сказать, что вовсе не был знаком с «капстранами» – во время войны брал Берлин и даже один раз выспался в мокрой шинели на их перине. Ничего особенного. Правда, он тогда был рядовым, даже не сержантом, а тут – сразу в президенты. Образования у него было всего семь классов, но должно хватить.

Расписаться умел красиво, особенно если положить локти на стол, а для президента это, пожалуй, главное.

И вдруг он догадался, почему президентом По-мазонии выбрали именно его. Все дело в фамилии. Уж не происходят его предки Помазки из Помазо-нии? Хорошо известно, что всегда и всюду своих людей тянут – хоть из колхоза в район, хоть из района в столицу. Так же и в другую страну. Тогда все понятно и, пожалуй, законно. Не о чем беспокоиться.

Вечером он в кочегарку не пошел, его подменил напарник. Рано поднявшись на следующий день, стал собираться в дорогу. Перво-наперво отнес в мастерскую сапоги. Сапоги, конечно, не новые, но если подбить подметки, так еще послужат и в той Помазонии. По дороге завернул в парикмахерскую. В принципе, подстригать было нечего – давно уже лоб с затылком соединяла широкая лысина, однако... Стал президентом – выгляди соответственно. Хорошо бы в дорогу обзавестись каким-нибудь чемоданчиком, но в местных «Товарах повседневного спроса» чемоданов не было. Пришлось одолжить у Степанихи небольшой сундучок, оставшийся от зятя, который когда-то сбежал от ее дочки на БАМ. Неброский кургузенький галстук одолжил у агронома – говорили, без галстука будет несолидно. Может, и так. С женой получилось хуже – ругались два дня. Сначала его Катерина была категорически против, чтобы он куда-то ехал, а потом, заплакав, заявила: и я с тобой. Яхим стоял на своем: поеду один. А как обживусь – позову и тебя. Черта ты позовешь, там себе помоложе найдешь... Едва отвязался от жены.

Провожали президента Помазонии скромно и неприметно. Кучка приятелей пришла на заснеженную автобусную остановку, куда он притащился на полчаса раньше, чем нужно. Позади шла заплаканная жена, талдычила свое: «Ну вы поглядите, сдурел старый. Ну куда он лезет?» – «Ладно, не плачь, президентшей будешь», – утешал ее Ладутько. Он старался держаться как-то уж слишком близко и сердечно, словно хотел шепнуть что-то особенное. Он и сказал, едва Катерина отвернулась: «Может, там, это, и меня куда-нибудь... Чтобы по аграрной части. А то здесь, знаешь... Покумекай, Яхимка». Его перебил Юрка Деденко, который приковылял на остановку, конечно, не с пустыми руками.

«Оглобельную надо!» – предложил он, откупоривая бутылку, которую уважительно передал напарнику-президенту. Тот выпил немного, потом выпили Деденко, Ладутько, оба брата Телепенчика и напоследок к бутылке приложилась заплаканная Катерина. Тогда и перестала плакать. А тут и автобус подкатил. «Ну – прощевайте, ждите в гости», – махнул из автобуса Помазок. Небольшая кучка опечаленных земляков осталась на остановке.

Как он ехал автобусом до станции, потом поездом до Москвы, как там канителился в международном аэропорту – запомнил плохо, словно плыл в разреженном алкогольном тумане, хотя и был трезв, как стеклышко. Да все выходило шиворот-навыворот – шел не туда, делал не то. Его раз за разом осаживали и дергали, даже ругали – все эти милиционеры, женщины в погонах, и даже девочки, очень приветливые с виду, на него смотрели с металлическим блеском в глазах. Его так и подмывало оскорбиться, сказать им, кто он и куда едет. Но все-таки человек он был скромный, особенно среди незнакомых людей, потому терпел. Слегка пришел в себя только в самолете, когда милая девушка спросила, что он будет пить? Он взглянул на батарею бутылок в тележке и ткнул почерневшим от торфа пальцем в самую знакомую – это. Девушка налила наперсток «Столичной», и тогда Помазок, может, впервые встрепенулся – а туда ли он едет. Если выпить дают – курам на смех!

В самолете он быстро погрузился в сон праведника – известное дело, столько натерпелся в дороге. Проснулся, когда подкатили тележку с едой, да столько, что едва уместилась на маленьком откидном столике. Тогда дали выпить опять – полстакана кислого вина, которое он невзлюбил еще со времен дружбы с братками. А вот его соседу -холеному буржую в пестром пиджаке – налили кое-чего покрепче, а после и еще добавили. Помазку тоже захотелось этого, но он не знал, как попросить, поэтому терпел. Пускай, думал, дотяну до Помазонии, а уж там…

Самолет шел над облаками, внизу, судя по всему, расстилался океан, смотреть там было не на что, и он снова уснул. А когда проснулся – даже испугался, что опоздает: все повскакивали со своих мест, стали тащить узлы, одежду – наверное, прибыли на место. По громкой связи в самолете что-то объявляли, но разве

поймешь, что? И тогда Помазок подумал: найдется ли кто-нибудь в Помазонии, кто бы понимал по-нашему? Вряд ли. Если уж в Минске мало кто понимает, то чего же ждать в заморской стране. Это его очень беспокоило.

Впрочем, волновался он напрасно – уже на первом полицейском посту, даже не окликнув, его узнали, и два молодых, солидно одетых человека повели его куда-то через огромный говорливый аэропорт. Едва вышли на знойную улицу под высокие пальмы, подкатил длинный автомобиль, услужливо открыли дверцу – садись, господин президент. Он и сел. Потом сели они – один впереди, другой, который нес его перехваченный ремнем сундучок, рядом. Пока они ехали, Помазок все крутил головой по сторонам. Людей по улицам сновало тьма – белые, черные и какие-то низкорослые желтоватые, мимо проносились чередой автомобили, тут и там стояли кучки плечистых «горилл» в камуфляжной форме лягушачьего цвета. То, что полицейских было много, Помазку понравилось: значит, будет порядок в его Помазонии, такой же, как и в Беларуси. Разве что палки у этих были какие-то коротенькие, не то что у наших - придется удлинить, стал входить в государственные заботы новый президент. Он попытался было заговорить с конвоирами, но оба молчали, словно немые. Тогда и он замолчал, подумав: может, они стесняются его, все же он старше, и не лишь бы кто – президент!

Они долго ехали по улицам неизвестного города, увешанным сверкающими вывесками, потом через какой-то удивительный лес с огромными, просто гигантскими деревьями. Такие ветвистые деревья не росли на родине Помазка, их густые кроны не пробивал даже яркий свет фар. А как только автомобиль остановился, удивлению Помазка не было предела. Посреди леса, ярко освещенный электричеством, стоял роскошный дворец. Красная песчаная дорожка, широкие ступени и над ними – колонны. Боже мой, что за колонны – белые, толстенные, с витиеватыми загогулинами сверху, они словно ввинчивались в потемневшее небо. Восхищенно задрав голову, Помазок даже остановился, но ему что-то сказал тот, который шел за ним, и он бегом догнал идущего впереди, уже открывавшего высокие двери.

Все вокруг было залито электричеством, пол устилали красные ковры. На его пути молчаливыми столбами стояли какие-то люди, в черном и в камуфляже, по бесконечным ступеням его повели вверх. Поначалу он еще считал те ступеньки, но после пятидесятой бросил. Затем они быстро шли куда-то через залы и по коридорам, темноватым и посветлее, и, наконец, как он понял, пришли. Это была огромная, словно вокзал, комната с блестящим скользким паркетом, в центре которой поблескивал какой-то огромный стеклянный колпак. Приглядевшись, Помазок рассмотрел под колпаком кровать. Огромную широкую кровать, на которой не ему ли сегодня спать придется? Оба его конвоира исчезли, вместо них появилась черненькая женщина с ослепительно белыми зубами и в белом фартучке. Она поставила на столик у колпака блестящий подносик и, улыбнувшись, вышла. Помазок тут же поинтересовался, что там, – но ниче го стоящего не обнаружил. Пара каких-то зеленых фруктов, стакан желтого сока, молоко в чашке и все. Ни рюмки, ни бутылки. Скупые, однако, люди в этой Помазонии, подумал президент. Хотя и не скажешь, что бедные.

Немного походил из угла в угол, прислушался к тишине. Обошел вокруг колпака, постучал пальцем по стеклу – толстое, холера. И зачем? Никто больше к нему не заходил, и президент, помедлив, стащил с ног сапоги. Сон – знал еще со времен солдатчины – был всегда наилучшим выходом. Как на войне, так и в мирное время.

Проснулся, наверное, чересчур рано, вылез из-под колпака, сел в кресло и стал ждать. Вокруг было тихо, слышно только, как за окном в ветвях деревьев порхали птицы, точно синицы в ихнем садике за кочегаркой. Тогда он пошел искать место, где можно было бы справить нужду. Ткнулся в одну дверь – заперто, в другую – тоже. Отыскал третью, но не успел ее открыть, как все вокруг полыхнуло светом и, Боже мой, что он увидел! Думал – туалет, а попал в туалетный зал, стены и потолок -белоснежно-зеркальные, блестящие, как и ванны и разные там раковины и унитазы. Многое отделано золотом, куча непонятных приспособлений – как в кабинете у зубного врача. Он дотронулся до одной кнопки, так снизу как плеснет в лицо – даже выругался, подумав, что так, наверное, не надо. Испугавшись, двинулся к выходу. Подумал, что где-нибудь

отыщется более привычное место, здесь ничего делать он не отважился.

Когда он вернулся к своему колпаку, снова открылись какие-то двери и в комнату вошла статная белая женщина – снова с маленьким подносом в руках. Что-то буркнув, она поставила подносик на место вчерашнего, который забрала с собой. Собравшись с духом, Помазок постучал по колпаку -зачем это? Решил, не поймет, но она поняла и сказала: пук-пук ноу. И улыбнулась. На удивление, и Помазок все понял: это от пуль, а он-то думал… Но что из этого следует?

Слегка озадаченный, подошел к своему завтраку – снова высокий стакан сока, что-то теплое в малюсеньком чайничке, ломтики сыра и маленькая булочка. Выпить снова не принесли ни капли.

Не успел он подумать, что бы съесть, как открылась дверь и в комнату стремительно вошли вчерашние молодые конвоиры. Один из них молча, но выразительно кивнул на дверь. «С сундуком?» – спросил Помазок, показывая на свой оставленный у кровати багаж. Тот покачал головой -значит, без багажа, понял Помазок и поднялся.

На этот раз они никуда не поехали, только долго шли по коридорам, – будто на другой конец дворца. Наконец, они оказались в комнате, похожей на больницу – такое все в ней было белое и светлое. Вокруг блестели какие-то приборы, кресла, зеркала. Люди, в основном женщины, одеты в удобные белые халатики. Заметив его смущение, одна, с ослепительно белыми зубами, сказала: имидж, имидж, но он не понял – какой такой имидж? Его заставили раздеться в огромном шикарном предбаннике, и едва он, голый, переступил порожек, как на него сверху обрушилась струя студеной воды. Вздрогнув от неожиданности, он не сразу сообразил, что надо покрутить, чтобы вода стала теплее. Кое-как обмылся, проклиная, однако, весь этот шик. Хотя понимал, конечно, – так надо. Все-таки – президент.

Помывшись, он, распаренный, надел белый толстый халат, сняв его с позолоченной вешалки, и вышел. Его снова обступили женщины, все в чистеньком белом, словно доярки, и повели в светлый кабинет, где усадили в кресло. Со всех сторон сияли

зеркала, из них ошеломленно смотрела его физиономия. Женщины начали что-то обсуждать – как он понял, его вид. Помазок и сам с интересом посмотрел на свое отражение. Конечно, не юноша, слишком много морщин на темном, словно обожженном лице, да и выражение лица чересчур озабоченное, будто виноватое. Но что поделаешь? Прежде всего взялись за его потрескавшиеся в кочегарке руки: положив на белоснежные салфетки, принялись их мазать, мочить и тереть. Однако плохо оттирались следы торфобрикета с его мозолистых рук. Но мастерицы старались. Особенно вокруг большого пальца с кривым заскорузлым ногтем, который они и подпиливали, и шлифовали, – тот все равно оставался кривым и некрасивым. Потом, уже в другом кресле, его деликатно стригли, брили, опрыскивали одеколоном и накладывали макияж – наводили лоск на его президентское лицо. После всего наклеили на лысину ладный клок курчавых волос, а под нос – молодцевато-пушистую полоску усов. Все это было видно в зеркалах, и Помазок только диву давался, как недавний кочегар превращался в бравого форсистого иностранца. «Имидж, имидж», – все щебетали мастерицы, и он постепенно смирился со своей нелегкой долей.

И в самом деле, из огромного кресла поднялся совсем другой человек, который и чувствовал себя соответственно. В первую очередь – прибавилось силы и даже гордости. А когда в следующей комнате стали примерять на него костюмы, так он себе даже понравился – такой роскошной одежды он не то что не носил, но даже и не видел. Разве что по телевизору. Черный, как смоль, пиджак с белоснежным платком в кармашке, белая рубашка, галстук. Ботинки меняли дважды, пока не принесли блестящие, на высоких каблуках – в них он стал намного выше ростом. С наслаждением сделал несколько шагов по зеркальному паркету – цок, цок... Хорошо стать президентом!

Настроение его слегка испортилось, когда в очередной комнате огромный полицейский или военный подал ему что-то неуклюжее и очень тяжелое. «Что это?» – удивился Помазок, и здоровяк ответил: «Пантирблёк!» Бесцеремонно сняв с него пиджак, он навесил на президента две пластинки – спереди и сзади. Помазок даже присел.

«Тяжелый, однако», – проговорил он, но здоровяк только оскалил свои лошадиные зубы. Президент надел сверху пиджак и стал на себя не похож -какой-то приземистый, кряжистый, толстый. От недавней щуплости Помазка не осталось и следа.

Затем ему дали немного отдохнуть в прохладе, под нависающей над застекленным потолком пальмой. На низенький, тоже стеклянный столик поставили два стакана – с соком и льдом, к ним Помазок даже не притронулся. Что ему сок, если он хотел чего-нибудь съесть и, естественно, опрокинуть рюмку после всех этих трудов. Дома в это время он бы давным-давно уже позавтракал, а то и голову полечил бы – если надо. А тут у него ни о чем не спрашивали, а он не знал, что и как сказать. Но вот пришли трое военных, похожих на горилл – все в камуфляже и малиновых беретах, с огромными револьверами на боку. Снова его куда-то повели. Один шел впереди, два, словно конвоиры, сзади. Но Помазок уже не боялся, неловкость прошла, в новой одежде он чувствовал себя почти уверенно, даже гордо. Широко шагая в ботинках на высоких каблуках, тайком посматривал на себя в зеркала, которыми были увешаны стены, и не узнавал в этом усатом толстяке себя – недавнего колхозного кочегара. Длинный пестрый галстук болтался почти у ширинки.

Наконец, небольшой конвой остановился у каких-то закрытых дверей, немного помедлил – и двери широко, на обе стороны распахнулись. Его пропустили вперед, Помазок вошел в огромный зал, от входа в который, друг против друга, стояли два плотных ряда военных. Все были в одинаковом камуфляже, только один ряд был в беретах малинового цвета, а другой – морковного. Шеренги гаркнули что-то, похожее на приветствие, Помазок на это бросил свое тихое «добрый день». Вдалеке, в конце зала размещался отделанный золотом стол с одним стулом, на который, как понял Помазок, ему надо было сесть. Что он и сделал. Тогда из ряда малиновых беретов вышел самый толстый военный и начал толкать речь. Говорил громко и долго, так что под высоким потолком не стихал гул, малиновые при этом блестели глазами, а лица морковных, наоборот, корчились в злых гримасах. Но все сдержанно

молчали. После толстяка из малиновых не менее громовым голосом стал говорить еще более

толстый морковный. Помазок растерянно сидел на краю стула. Его душа впервые почувствовала, что это президентство может добром не закончиться.

Когда эти два бугая откричали свои речи, откуда-то сбоку возник невзрачный молодой человек **с** папкой и положил перед президентом две страницы какого-то коротенького текста. Тут же появилась красивая ручка с золотым ободком. Помазок сообразил – требуется его подпись. Что там было напечатано – неизвестно, тексты одинакового размера, сверху – красиво нарисованные петухи. Причем неодинаковые. Помазок от рождения был парень внимательный, и теперь разглядел, что один петух был в оперении, а другой – словно ощипанный. Которую из бумаг надо было подписать первой, было непонятно.

Между тем оба ряда напряженно ждали, буравя его весьма неприятными волчьими взглядами.

Помазок придвинул к себе тот лист, где был петух в оперении, и сразу почувствовал, что ошибается – левый ряд малиновых зашевелился, злобно загудел. Тогда он отодвинул этот лист и протянул руку к другому – с ощипанным петухом, и тут же взъерошился ряд морковных. Черт их знает, как сделать, чтобы угодить обоим? Немного помедлив, словно задумавшись, Помазок снова придвинул к себе первый лист и даже успел вывести первую букву П…

Подписывая, он одним глазом продолжал следить за шеренгами, поэтому сразу заметил, как из двери вынырнул похожий на дьяволенка низкорослый сгорбленный человечек с длиннющим пулеметом в руках. Бросив ручку, Помазок, словно на фронте, едва успел нырнуть под стол, как зал заполнила оглушительная пулеметная очередь. Со стола полетели ошметки бумаг, щепки; Помазка будто кувалдой ударило в грудь и он вверх тормашками скользнул по паркету. Чувствовал, что живой, но вскочить не мог. К нему подбежали какие-то люди, подняли и быстренько вывели из проклятого зала через боковую дверь. Странно, но люди вокруг были даже спокойны, словно ничего особенного не произошло. К тому же,

больше никто не пострадал, возможно, даже не испугался. Дрожа от страха, Помазок дал содрать с себя превратившийся в лохмотья шикарный пиджак и с благодарностью подумал о спасшем его панцире.

В комнатах, куда привели Помазка, не было ни одного военного, вокруг толпились гражданские -хорошо одетые, все сплошь усатые мужчины разных возрастов. Помазок потрогал свои усы – они были на месте. А вот нашлепку с лысины начисто смело очередью, и президент удивился, как близко прошла его смерть. Он все еще не мог придти в себя и выжать улыбку, тогда как все вокруг просто светились доброжелательностью. В душе у Помазка во второй раз мелькнуло сомнение насчет правильности этой поездки. Как с ним здесь обошлись! Но, похоже, кроме него, это никого не заботило.

Вскоре ему принесли новый, еще более шикарный костюм – черный, с еле заметными блестками, и новый длиннющий галстук – с обезьянами среди пальм. Галстук особенно понравился Помазку, и он попросил слугу, чтобы тот завязал его еще длиннее, чем прежний. Такие длинные галстуки здесь были у всех. Когда его одели, ему пришлось снова куда-то идти с толпою говорливых мужчин.

Поникший Помазок шел молча. Оживился он только тогда, когда оказался в просторном освещенном зале с богато накрытым столом, над которым выразительно возвышались горлышки бутылок. И тогда он подумал, что, наверное, эта страна не настолько плоха, как ему поначалу показалось.

Когда все стали рассаживаться за столом, какой-то седоусый грузный мужчина – возможно, местный тамада, – потащил его в дальний конец стола, к стулу, который отличался от других мудреной резьбой на выгнутой спинке. Помазок, возможно, и сел бы на него, если бы напротив на столе имелось что-нибудь более приятное, чем желтое питье в графине. Стул явно не показался Помазку выгодным, он уже присмотрел для себя кое-что получше – рядом с небольшой, но притягательной семейкой бутылок. Там он и устроился. На специальный же стул вынужден был сесть тот самый седоусый; лакей поменял местами карточки, указывавшие каждому гостю его место.

Впервые за утро Помазок перевел дух и уже стал было забывать о неприятностях. Под общий гомон он сосредоточил внимание на двух бутылках, одна из которых показалась ему знакомой. Когда лакеи начали из-за спины наполнять бокалы, Помазок показал своему – из этой, и тот услужливо налил ему, правда, не в самый большой фужер. Помазок на это поморщился, но промолчал – пусть себе! Может, не последняя, наверное, президентский срок не один год продлится. А если что, можно и продлить...

С того приметного стула с фужером желтого сока в руке поднялся седоусый – наверное, чтобы тост произнести. Помазок с готовностью протянул руку к своей рюмке, как вдруг громовой взрыв обрушил все – и стол, и гостей, и весь зал. Засыпанный мусором Помазок оказался далеко в углу, рядом тяжело плюхнулось на пол отброшенное взрывной волной тело седоусого тамады. Отовсюду сыпалась штукатурка, щепки и обломки мебели, битые бутылки, стонали люди. Помазок на корточках стал пробираться между окровавленных тел в ту сторону, где, как ему помнилось, была дверь.

Впрочем, он мог бы и не заботиться о двери: когда пыль немного осела, стало видно, что части дворца словно и не бывало – везде громоздились куски стен, камни, снаружи торчал обломок колонны. Уцелели разве что ступени с перилами, к ним Помазок и двинул. Лишь бы прочь из этого ужасного дворца...

Он стремился прочь, а ступени вели внутрь и вверх. И он бежал по ним, потом, задыхаясь, плелся, потому что поблизости, внизу началась стрельба и слышались крики. В каком-то тихом уголке сбросил тяжелый панцирь, который уже сил не было таскать на плечах. Он старался выбраться из этих лабиринтов, бросался туда-сюда по его запутанным переходам, пока не оказался на крыше. Но, может, и хорошо, что на крыше, здесь никого не было, можно перевести дух. Крыша было огромной и плоской, с разными перекладинами и надстройками. Снизу Помазка не могли увидеть, и это обнадеживало. Может, ему повезет укрыться здесь до ночи, а ночью он как-нибудь удерет. Помазок уже нагостился в этой стране, хватит. Он уже почти убедился, что сделал ошибку, польстившись на президентство.

Внизу между тем творилось что-то невообразимое – похоже, там шел настоящий бой. Слышались взрывы, выстрелы и громкие команды военных. Но кто на кого, кто за кого – понять было невозможно. Слегка очухавшись, Помазок попытался взглянуть с крыши вниз, подкрался к карнизу, но пулеметная очередь едва не снесла ему голову. Помазок шустро бросился на пол – значит, за ним следили. Лежал, думал: наверное, это морковные, которым он не угодил. На корточках двинулся к противоположной стороне крыши, где, возможно, были малиновые – уж этим-то он поспособствовал, подписав их петуха. Может, они спасут его? Но едва он выглянул из-за какой-то трубы, как снизу раздалось несколько пулеметных очередей, вдрызг разнесших кирпичную верхушку печной трубы. Кажется, путь вниз ему отрезали с обеих сторон. Что было делать президенту этой глупой страны?

Внизу тем временем не смолкали голоса, слышались крики, время от времени ухали взрывы гранат. По карнизам хлопали пули – его старались выбить отсюда. Но он не такой дурак, чтобы оставлять свое укрытие, свою Брестскую крепость. Он будет сидеть здесь до последнего и погибнет героем. Пусть знают, какие президенты растут в партизанской республике.

Но пока что он был жив: вконец вымотавшись, присел у какой-то бетонной перекладины. Хуже всего, что на этой крыше не было тени, а солнце палило нещадно. Помазок давно взмок от пота и с сожалением вспомнил, сколько на том столе было понаставлено напитков. Но никому ничего не досталось – вот чертова страна! То не дают, то стреляют, а ты бегай с утра голодный, ни грамма не выпивший. В момент этих тоскливых размышлений рядом что-то шлепнулось. Он оглянулся: гроздь бананов. Но откуда? Помазок посмотрел на близкие верхушки деревьев, которые местами были выше крыши, и увидел обезьяну. Та сидела на толстой ветке и корчила рожицы – словно насмехалась над человеком. «Вот чудо, – подумал Помазок, – здесь еще и обезьяны. Надо будет не забыть дома обо всем этом рассказать…»

Но до дома, по всему, было далеко – слишком уж усилилась стрельба в дальней, разрушенной части дворца. С бананом в руке Помазок подался в ту сторону и быстро сообразил – с той стороны

лезли. Перепрыгивая через перекладины, он бросился на другой конец крыши, но и там не было не лучше. Оттуда тоже пытались вскарабкаться к нему – к стене подогнали огромный автомобильный кран. Единственное безопасное место было под деревьями в парке. Не медля ни секунды, Помазок разбежался, как когда-то в молодости, и прыгнул на ближайшую ветку. Он удачно уцепился, напрягся – и оказался верхом на ветке. Здесь была приятная тень, поодаль на ветвях расселось с полдюжины обезьян, которые тут же подняли галдеж. «Ну, чего злитесь? – подумал Помазок. – Сами устроились, а мне не дают…»

Не обращая внимания на них, подался подальше от крыши, пока наконец не спрятался за толстый шершавый ствол. Но что дальше делать, как спасаться? Вот попал, так попал, потянуло на президентство дурака… И ему нестерпимо захотелось в свою задымленную, провонявшую торфом кочегарку…

Однако долго тосковать по кочегарке не довелось – похоже, его заметили, и первая очередь снизу прошила пулями листву деревьев. Обезьяны испуганно заорали, дико заверещали и рванули по ветвям на соседнее дерево. Собрав все свои силы, Помазок тоже двинулся вслед за обезьянами. С ветки на ветку, с дерева на дерево. Один раз чуть было не сорвался, неудачно ухватившись за кривой сук, но удержался. Лишь бы подальше от этого президентства!

Но на его беду деревья в парке закончились, дальше расстилался луг, где обычно играли в гольф. Внизу всё еще стреляли, в листве щелкали разрывные пули – как в ту войну, под Познанью, где его ранило мелким осколком в зад. Сейчас же Бог берег его. Но как спасаться? Выше лезть? И Помазок полез по ветвям вверх, добрался почти до самой макушки. Дальше ходу не было. Наверное, снизу его тяжело было разглядеть, хотя оттуда все еще стреляли – по всем деревьям. Где-то пронзительно верещали обезьяны, он прислонился к толстому кривому стволу дерева и не дышал. Думал: может, побегут за обезьянами, а его не увидят?

Да где там – заметили. Сквозь ветки было видно, как двое военных, уставившись на него, уже поднимали вверх свои автоматы. Чувствуя, что они вот-вот полоснут очередью, Помазок отчаянно закричал, как та обезьяна на дереве…

– Ну, какого черта ты залез и кричишь? – услышал он на родном языке. – Котлы холодные, или хочешь систему разморозить? Чего ты там сидишь? Сдурел совсем?

Помазок недоуменно захлопал глазами – внизу, у топки, стоял злой председатель и на чем свет стоит материл кочегара, который почему-то сидел под потолком, уцепившись за трубы. Внизу лепит, шевелились-поднимались Юрка Деденко и Ладутько – терли заспанные глаза. Но как они попали в Помазонию, – этого Помазок не знал.

Все еще не понимая, что происходит, Помазок осторожно слез с труб.

– Не осталось ли чего в бутылке? – пробормотал он, ни к кому не обращаясь. И тут же понял, что напрасно: пустая бутылка валялась на полу как раз возле председательского сапога.

Октябрь 1999
Вуасааре.

Притчи

ГЕРОЙ

Племя терроризировал Дракон.

Где точно он жил-поживал, никто не знал - может, поблизости, может, далеко, а может быть, и не на земле вовсе. Но допекал племя постоянно. То хватал в поле молодых девушек, иногда и парней; то подчистую вытаптывал посевы; то хижины рушил. А то насылал на племя свой драконовский мор – и тогда в поле ничего не вырастало, племя было обречено на лютый голод. Как защититься от этого звероящера – не знал никто. Правда, издавна было заведено приносить ему жертвы. В определенный весенний день, когда начинали сочиться молодым соком березы, старейшины родов собирались у трех камней на Дубовом капище и выбирали Героя. Жертвой его не называли – величали ласково и уважительно Героем. Героя посылали Дракону, который на несколько дней затихал, переставая изводить племя. На полях зрел урожай маиса и

кукурузы, тучнело стадо, и болезни словно обходили племя стороной. Но ненадолго.

Между тем племя чествовало очередною Героя жертву. На капище ему ставили памятник – высоко спиливали самый толстый дуб и из огромного пня высекали человеческую фигуру. Это была сложная работа, доверяли ее самым умелым мастерам, самым искренним и истовым верующим. Таких пней-идолов на капище за годы набралось уже несколько дюжин – срубленные дубы, грубо, но выразительно украшенные человеческими лицами. Их почитали святыми, им поклонялись. В их честь устраивали службы – в начале лета, по окончании полевого сезона, посреди зимы. Им тоже приносили жертвы, но не мужчин, которых в племени берегли (рабочие руки!), а преимущественно детей -мальчиков или девочек. Тех, которые сами жаждали быть принесенными в жертву, потому что это обставлялось красиво – венки на головках, радостные песнопения окружающих. Охотников и охотниц было немало, выбирали самых красивых, с безупречным поведением – и непременно детей лучших родителей, другие этого не заслуживали. Дети тех, что поплоше, горевали под драконовским игом – работали в поле, пасли скотину, няньчили малышей. Избранные вместе с дымом возносились к облакам – к другой, райской жизни. Вместе с героем их тоже почитали в течение нескольких лет. До тех пор, пока не появлялся следующий Герой. Тогда все племя переключалось на его почитание.

Парень Ким действительно был самым сильным и, возможно, самым смелым среди юношей племени. И еще он очень хорошо пел. Наверное, именно поэтому, когда возникла необходимость в очередном жертвоприношении, выбор старейшин пал на него. А нужда была очень велика – с начала весны

Дракон трижды обрушивал свой гнев на племя: перво-наперво засушил поля, потом наслал на них град и, наконец, задушил трех молоденьких девушек. Старейшины полагали, что это – не последняя в году беда, вскоре посыплются новые. Потому что уже второй год не приносят жертву – не посылают Дракону Героя.

Когда Киму сказали, что в этом году его очередь стать жертвой, парень очень обрадовался выбору старейшин. К тому же он уже

знал, из какого дуба будет сделан его памятник – тот, самый высокий дуб рос у капища, где сходились две тропинки, и был виден издалека.

Проводили Героя тихим летним вечером, когда люди вернулись с поля. На капище разложили большой костер, вокруг которого собралось все племя. Главный и самый старый священник зычно прокричал заклятия на четыре стороны света. Все радовались, будучи уверенными, что уж теперь-то Дракон надолго утихомирится, а Ким счастливо воплотится в дубового Идола. Радовались родители Кима, двое его младших братьев, которым посчастливилось стать родными братьями Героя; и они готовились в свое время последовать его примеру. Радовалась возлюбленная Кима. Хотя разлука – дело нелегкое, но ведь это разлука не с кем-нибудь – с Героем! Только мать Кима не чувствовала большой радости, но ведь это – мать. Не слишком сознательная, обремененная материнскими предрассудками, она была бессильна перед тоской разлуки. Мать сама страдала от этого, по не могла себя превозмочь.

Как только смерклось, Ким взял свой острый меч и, отойдя от костра, исчез в ночной тьме.

Племя занялось извечными, привычными делами. Через несколько дней взялись за памятник. Три мастера за три дня спилили самый высокий дуб, обрубили ветки и, начиная с верхней части высокого пня, стали придавать ему черты Героя. Получилось даже внешнее сходство, хотя этого и не требовалось. Главное, чтобы было мужественно, героически и красиво. Но что касается Кима, так в приукрашивании не было нужды. Идол-памятник получился великолепный. Едва ли не лучший из всех -старых и недавних, тесным кольцом возвышавшихся над капищем. Самые старые, правда, постепенно утрачивали свою былую красоту, чернели, покрывались трещинами, некоторые даже гнили. Но это и понятно – им давно уже не приносилось жертв и постепенно о них забывали. Все внимание и любовь племени обращались на последних

Последняя жертва, кажется, была принята Драконом (видимо, Ким пришелся по вкусу, выбор старейшин оказался правильным), нападения на племя прекратились. За полгода – ни одного

вторжения, и в поле никто не был схвачен. Урожай созрел весьма неплохой. Осенью, когда собрали маис и кукурузу, племя устроило торжественный праздник в честь последней, столь удачной жертвы.

И вдруг однажды на исходе дня в селении появился Ким.

Был он худой, ободранный, босый, но с тем же мечом в ножнах, что вручили ему старейшины. Ким сказал, что убил Дракона.

Эта неожиданная, неслыханная новость смутила всех. Племя не знало, как к ней отнестись. Никто не жалел Дракона, люди готовы были обрадоваться его смерти. Но это событие разрушало иерархию, изменяло историю, уничтожало веру, основанную на необходимости сосуществования рядом со злой враждебной силой. Убийство Дракона пробудило в душах людей панический ужас – как бы теперь не стало еще хуже. Если Дракон и вправду убит, не навалятся ли на племя новые, чудовищные испытания, посланные какой-нибудь другой злой силой?

Опять-таки – что теперь делать с прекрасно получившимся и уже освященным памятником-идолом?

Внезапное возвращение Кима потрясло все племя, но особенно – семью и родственников Героя. Мать сначала обрадовалась, но потом испугалась этой своей радости. Отец схватился за голову. Братья Кима его возненавидели – это ж надо уничтожить свое и их геройство, взлелеянное за год! Возлюбленная помрачнела – она чувствовала себя обманутой: любимый был героем, а стал неизвестно кем. Дни и ночи напролет он задумчиво сидел в хижине-халупе, ни с кем не встречался, прежние друзья оставили его. От него все отреклись. И даже идол-памятник без соответствующего присмотра и поклонения стал чернеть, трескаться, разрушаться. Этого нельзя было допустить.

Старейшин!»! племени собрались у трех камней на кашице, решали, как быть? Дело серьезное, поэтому и решение требовалось неординарное. Предстояло выбрать одно из двух – либо Герой, либо его памятник. После непродолжительной дискуссии решили, что памятник все же дороже. Если сохранить его, то не придется ни переделывать иерархию, ни нарушать традицию. А Герой Ким? Герои найдутся, если в них нужда будет.

Герой Ким исчез. Говорили, пошел в лес и не вернулся. Может, в болоте утопился, а может, звери его задрали. Дракон тоже исчез, похоже, и впрямь был убит, о нем постепенно забыли.

Так же, как и о Герое Киме.

Дубы-идолы стояли еще долго, правда, почитали их с меньшей страстью. Видимо, не нужны стали.

А после о них и вовсе забыли.

2002

ЧЕРНАЯ СИЛА

Фантастическая притча

В стране тогда царил террор. Многих вешали, ссылали, расстреливали. Большинство же бросали is тюрьмы. Кого на восемь лет, кого на десять или двадцать пять. Тех, кто жаловался, плакал или кричал от боли на допросах, сажали за решетку навсегда. Их плач-стон рассматривался как протест либо оскорбление трудолюбивых карательных органов. Карательные органы очень ревностно блюли свою честь и не сносили оскорблений.

Арестованные признавались в чем угодно. В чем заставляли – в том и признавались. Якобы хотели уничтожить диктатора, отравить соседей, утопить жену и детей. Это удивляло тех, кто оставался на свободе: они не могли понять, почему арестованные гак поступают. Но вот тех, кто совсем недавно признавался в ужасных вещах, начали выпускать на свободу. Это тоже казалось загадочным и таинственным. Один только Упрямый Молчун, живший на чердаке, знал, что дело – в завершении черного космического никла, когда могло случиться все, чек» ни пожелала бы черная сила, властвовавшая в космосе. А черная сила всегда хотела многого – иногда самого невероятного.

Так и на этот раз. Пришло время выпускать тех, кто уцелел от террора. И они возвращались – состарившиеся и больные – к своим таким же старым и больным женам и детям. А то и к родителям, если те дожили до этого неожиданного возвращения. Теперь возвратившиеся тихо рассказывали но ночам о своей невиновности,

о том, что их вынудили оговорить себя. Потому что били, пытали, убеждали, будто родственники от них отказались, а жены предали их. Они в самом деле тогда так думали. Только Упрямый Молчун знал, что, находясь под арестом, они думали иначе. Кто раньше, кто позже – почти все поверили следователям, что виновны, п признались в этом. Сделать это их вынудила черная сила, воцарившаяся в обществе, и человеку больше ничего не оставалось, кроме как покориться и повиниться. Все это Упрямый Молчун заносил в свои толстые книги.

Но вот черная сила отступила, освобождая место для новой. Тогда принялись обвинять недавних обвинителем"!, палачей и судей. Вина этих для всех была очевидной, на этот счет ни у кого не возникало сомнений. Да те и не упрямились -сразу во всем признавались: били, судили, стреляли. Но – верили! Верили в идею, в то время владевшую всеми – и правыми, и виноватыми. А верующий, как известно, человек одержимый, и потому не может быть признан виновным.

Новый суд это оправдание признал убедительным. Ибо и судьи верили в свою идею, не желая ошибиться. Упрямый Молчун наблюдал за всем с пониманием, но не без тревоги. Очередной космический цикл закончился, начинался новый, значит, предстояли перемены. Только какие? Этого мудрый Упрямый Молчун не знал.

Тем временем предчувствие перемен витало в воздухе, народ гудел на улицах и в магазинах, где товаров становилось все меньше, а цены росли все стремительнее. Диктатор забеспокоился и принял меры. Поскольку хлеба, масла и бензина он дать не мог, так издал специальный указ – посадить и подсудимых, и судей, и правых, и виноватых. Дабы в соответствии с популярной на Западе идеей демократии никому не было обидно. Тысячи людей сели в тюрьмы, еще большие колонны потянулись на Север, в вечную мерзлоту, весьма благоприятствовавшую сокращению арестантского контингента. Одно плохо: в вечной мерзлоте некуда девать штабеля трупов – они и не разлагались, и закопать их не было возможности. А главное – судьи лежали рядом с подсудимыми, прокуроры – рядом с рецидивистами, что, безусловно, не лезло ни в какие ворота. Ни в

советские, ни в фашистские. Необходимо было исправлять положение.

Исправились так же решительно и быстро, как и ошибались: арестовали всех прокуроров, палачей и судей, деятельностью которых была чрезвычайно возмущена общественность – впрочем, только до того момента, когда их стали судить. Ибо если жертвы невиновны, то, наверное, виновны их палачи.

Палачи, однако, никогда не оказываются виновными – этого люди почему-то не знали. Упрямый Молчун, естественно, предчувствовал, как будут развиваться события. Когда начался суд, все, словно но команде, сказали, что выполняли приказ. Не хоте.in, а выполняли; поэтому пусть судят тех, кто отдавал приказы. Но ведь те, кто отдавал приказы, никого не убивали. Даже пальцем не тронули – за что же их было судить?

Наверное, диктатор и его помощники были людьми умными. Они быстро сообразили, что так можно дождаться чего-нибудь непредсказуемого. Поэтому лучше всего ответственность за все хорошее и плохое сделать коллективной. Как и положено – придав демократическую форму Закону. Только тогда можно будет не волноваться и спать спокойно.

Законодательный конгресс созвали очень представительный. Тысячи мужчин всех возрастов собрались в огромном спортивном зале. Понадобился президиум его составили из нескольких сотен людей, которые плотными рядами уселись на сцепе. Упрямый Молчун, взглянув на них, тихо улыбнулся: все ясно. Уже и в президиуме им тесно, а что будет твориться у корыта? Этим откормленным боровам с неуемным молодым аппетитом не избежать драки.

Был принят строгий закон, все предусматривавший. Теперь надлежало наказывать только виновных; невиновных наказывать запрещалось. Кто виноват, а кто нет решал судья с согласия начальства. Плакать и стонать в камерах разрешалось сколько угодно, но не просить пощады. Милосердие было признано самым большим преступлением со стороны судей. Протестовать против местного начальства позволялось только с его письменного разрешения и не ближе, чем за пять километров от его зданий. За

выдачу на это разрешений отвечали все инстанции, за запрет – ни одно. В этом заключалась основная примета нового, демократического времени. Все было новым и весьма загадочным.

Вечером Упрямый Молчун полистал на чердаке свои толстые книги и отыскал ответ. Черная космическая сила понемногу отступала с неба, на ее место надвигалась новая. Упрямый Молчун уже знал, что черные тучи никогда не исчезают. Только не догадывался он о том, что генерируются они вовсе не в космосе, а на земле, а те лишь выплывают из недр Вселенной, куда по очереди и возвращаются.

Таким образом, туча приходит – и туча уходит, пришел к неновому выводу Упрямый Молчун и закрыл свою самую толстую книгу.

«БУКЕТ РОЗ»

И эта страна была бедной (много тогда было бедных стран), с отсталой экономикой и малокультурным населением. Угля, нефти или алмазов у нее не водилось вовсе. Мало также было ученых, писателей – разве что эстрадных певцов хватало. Спорт тоже находился в упадке, люди умели играть в нарты и в классическую Игру – подкидного дурака. Страна была слаборазвитой, однако имела громкое и модное имя – называлась Орлиной Народно-Демократической Республикой. Управлял ею, естественно, самый мудрый орел, которого в народе ласково звали Гремучим Змеем.

И все же обладал народ одним особым достоинством, которое можно поэтично назвать «соколиным глазом». Сызмала орлята умели метко стрелять. Один деревенский орленок во время службы в армии ни разу не промазал но цели и стал чемпионом по стрельбе всех видов. Звали его Сокол. Его талант сразу попал в поле зрения диктатора Гремучего Змея.

Дело в том, что в мире стали кое-где поговаривать о киллерах. Жизнь обнаружила определенную востребованность этой профессии. Если надо было убрать чересчур везучего банкира или популярного политика, бросались на поиски особого киллера. Особам операция, осуществленная непревзойденным

профессионалом, определяла особую плату. В Орлиной Республике тоже возникла кое-какая проблема. Гремучий Змей вздумал уничтожить одного молодого политика, который мог бы через какое-то время претендовать на его место. Иного выхода у диктатора не было, потому что место это предназначалось для его родного сына, Шипящего Змееныша, который пока штудировал военное дело в заморском Вест-Пойнте. В результате сложной организационной операции, проведенной IX отделом охраны диктатора, молодого политика заказали молодому киллеру Соколу, который и убрал его первым же выстрелом. Похороны – за счет государства – были очень торжественными. Гремучий Змей прислал красивый венок из красных роз с теплой соболезнующей надписью на ленте черного государственного щита.

Киллерский акт в соответствии с мировыми стандартами надлежало стандартно завершить -дабы не оставлять следов, убрать и киллера. Так, но крайней мере, советовали квалифицированные советники Гремучего Змея. Но Гремучий Змей бы и умнее всех советников, вместе взятых, и ними м их не слушал. Сам выходец из крестьян, он знал, что кабанчика до времени не режут. Режут, когда он жиру нагуляет и больше в весе прибавить не может. Киллер Сокол многое еще мог. Поэтому вместо пули милосердный диктатор наградил его «Орденом благородства» и послал на новое задание. Надо было тихо и незаметно убрать двух банкиров и трех оголтелых оппозиционеров, сомневавшихся в правильности внутренней политики, проводимой диктатором. Оппозиционеров опытный Сокол застрелил легко, а на банкиров потребовал больше времени – у них была надежная охрана.

Банкирскую операцию на время отложили, начали готовить помощников для Сокола, которых киллер номер один обучал лично. На закрытом стадионе «Динамо-машина» весь день напролет гремели выстрелы – по неподвижным и движущимся мишеням, по окнам, по этажам, по автомобилям. Для гарантированного успеха пришлось купить за границей хорошее оружие, ибо, как ворчал Сокол, из берданки образца 1800/1900 года много не настреляешь. На закупку оружия была выделена солидная сумма из дохлого государственного бюджета. Гремучий Змей, естественно, был

недоволен расходами, но когда оба банкира оказались на городском кладбище, подобрел и принес радостные соболезнования родным банкиров и клиентам банка. Киллеров же наградил еще более высокими орденами – «За честь и совесть». Те остались довольны. Одно плохо: награды нельзя было носить на груди – по причине абсолютной секретности самого награждения.

В Орлиной Народно-Демократической Республике, кстати, как и везде, рыскала иностранная разведка. Несмотря на чрезвычайную секретность, они многое разузнали по киллерскому делу, в то время известному под кодовым названием «Букет роз». Дело в том, что и в соседних странах накапливались такие же проблемы – как с наглыми оппозиционерами, так и с алчными банкирами. А киллеров не было. Отсталые в некоторых отношениях страны не обзавелись умными диктаторами, все больше налегали на знаменитую защиту прав человека и пренебрегали меткой стрельбой. Естественно, ни к чему хорошему это привести не могло. Лидер одной из таких стран в конце концов вынужден был обратиться к Гремучему Змею с дружеской просьбой – одолжить команду киллеров для выполнения спецзадания. Оплату гарантировал – известное дело, в долларах. Гремучий Змей подумал и согласился, доллары ему всегда были нужны. В скором времени три киллера отправились на заработки. А Сокол остался дома. Из соображений секретности ему изменили имя, лицо, место жительства, поручив государственное дело – в сжатые сроки обучить профессии пятьдесят киллеров.

Дело закипело. Все держалось в глубокой тайне. Стадион, где тренировались киллеры, получил название «Профсоюзный комплекс старика и младенца», база отдыха именовалась «Турбаза «Орленок». В престижном пригороде столицы киллерам выделили шикарные новые квартиры. Кому не хватило новых – тем в старых сделали модный евроремонт, с финской сантехникой и шведской столяркой. Были срочно закуплены импортные снайперские винтовки с самыми современными оптическими прицелами. Экзамены у киллеров принимал сам диктатор Гремучий Змей, успехи их действительно впечатляли. Только десять человек получили оценку «хорошо», остальные – «отлично». Отличников сразу же отправили в командировки – далекие и близкие, а хорошистов оставили дома,

решать внутренние проблемы, которые к тому времени аккурат назрели и требовали от Гремучего Змея адекватных мер. Некоторые из членов правительства не были в восторге от проекта «Букет роз», утверждали, будто он незаконен, мало эффективен, даже убыточен. Некоторые намекали на его аморальность. Вскоре всем им представилась возможность на собственных головах убедиться в его эффективности. Относительно законности был сделан запрос в Конституционный суд, который на следующий же день опубликовал юридическое обоснование абсолютной законности проекта. Нравственность на третий день засвидетельствовал главный иерарх – все согласно канону. Больше в Орлиной республике ни о каких возражениях относительно «Букета роз» слышно не было.

Тем временем, сорок отличников домой не возвращались: выполнив задание в далекой стране, они отправились в еще более далекую. На заграничные счета диктатора плыла валюта, которой он мог поделиться с народом. Вообще-то диктатор был человеком не скупым, но, будучи прагматиком, считал каждую копейку. На солидную сумму он закупил за границей партию еще более совершенного оружия (скорострельные винтовки, пули с особым сердечником) и развернул системную подготовку высококвалифицированных киллеров.

Посольства и торговые представительства за рубежом принимали заказы на индивидуальные и групповые теракты. Заказов поступало много, репутация фирмы была очень высокой. Никто не мог соперничать с соколами Гремучего Змея. И ни в одном случае невозможно было раскопать, чьих рук то или иное убийство. Такой эффект достигался комплексом мер, на обеспечение которых работали не только киллеры, но и дипломаты, политики и политологи, философы, бармены и горничные в отелях – все были втянуты в индустрию террора. Обычно убийство походило на самоубийство или на трагический результат семейных либо внутриклановых разборок. Администрация Гремучего Змея всегда вовремя, к похоронам, посылала соболезнование родственникам. Однажды случился трагикомический казус: из-за чиновничьей оплошности факс с соболезнованием был послан до момента убийства и очень повеселил живого покойника и его друзей. 11о уже

на следующий день друзья горько плакали, найдя коллегу с простреленной головой. Гремучий Змей в связи с этим случаем едва не приобрел славу нового Нострадамуса, его популярность в мире возросла. Чиновник же, повинный в ошибке, вскоре погиб в собственной постели: согласно официальной версии, его застрелила любовница. II никто о нем не горевал, даже собственная жена.

Киллерское дело развернули с государственным размахом. В Орлиной республике готовились не только собственные кадры, но и проходили обучение иностранцы, преимущественно из «третьего мира». На улицах столицы, особенно по выходным дням, можно было встретить прогуливающихся молодых людей разного цвета кожи, с причудливыми разрезами глаз. На расспросы любопытных они наломанном английском объясняли, что приехали изучать медицину, механику, строительное дело. И это было правдой. Но главная правда заключалась в том. что именно сложная наука меткой стрельбы поглощала все их внимание. Правительства их стран хорошо платили Гремучему Змею, который на эти средства построил себе новый дворец, оборудовал подземный и даже подводный тиры. Спустя десять лет современное оружие для киллеров уже не покупали – наладили собственное производство, для чего за границей обучили оружейников, развили оружейную пауку. Только за последний год в местном технологическом университете по кафедрам пули, затвора и пороховых газов было написано и защищено около сотни докторских диссертацшТ присвоено столько же профессорских званий. Вся страна жила проблемами оружия и стрельбы. Киллеров широко использовали и в быту – обиженные жены за небольшую плату нанимали киллеров для обидчиков-мужей; те, в свою очередь, звонили по телефону в киллерскую контору и заказывали предательниц-жен. О киллерах и их подвигах ежедневно писали газеты, о них пели эстрадные группы. Каждый тамошний подросток мечтал стать киллером и уехать в какую-нибудь западную страну. Киллеры работали не покладая рук по всей стране – стреляли непрестанно. Весной либералов, летом – демократов, ближе к осени начали отстреливать ваххабитов.

Переживая неслыханный бум, оружейная промышленность страны жаждала новых инвестиций. Тех немалых средств, которые киллеры зарабатывали за рубежом, было недостаточно. Мудрый Гремучий Змей обратился за помощью в международные инстанции. Естественно, речь шла не о производстве оружия, а о неурожае, который постиг страну. Дипломаты объяснили, что, если помощь не будет оказана, народ вымрет, и груз этот ляжет на совесть мирового сообщества. Помощь оказали. Первый и самый крупный транш в валюте диктатор незамедлительно пустил на производство новейшего лазерного оружия. Чудо-оружия! Любой киллер мог вести скорострельный огонь даже по толпе на площади или на улице: мушка в цветном прицеле с функцией ночного видения программировалась таким образом, что цель выбиралась автоматически, с учетом идейности и политической ангажированности жертвы. Лабораторию, где изобрели это чудо, диктатор наградил в полном составе. Все – от директора до уборщицы и шофера стали «Героями нации», или «змеевиками» – как их звали в простонародье.

Примерно в то же время изобрели еще более удивительное оружие – виртуальную пулю. Стоило ей попасть в любую часть пели, как жертва исчезала, словно растворяясь в воздухе, не оставляя ни следов, ни дыма. Именно с этого момента в мире стали исчезать люди – бесследно. Ни одни прокурор, ни один следователь не мог добыть необходимых улик. Свидетелей тоже не было. Никто ничего не слышал, ничего не видел. Эта было вершина террористической мечты. Богатые страны Запада и Востока устроили охоту на «мозги» мудрых изобретателей из страны Орлов. Лучший путь в таких случаях – классический: если нельзя уничтожить, надо перекупить. Как ни награждал Гремучий Змей своих оружейников, те быстро сообразили, что не одними наградами жив человек. На Западе жили еще многим. Сначала не вернулся из командировки один из лучших киллеров. Потом на Восток сбежал ученый, он же известный академик и сотрудник секретной разведки. Этот, кроме собственных мозгов, прихватил чрезвычайно важные сведения, например, о том, что, дабы убить человека, вовсе не обязательно в него целиться. Достаточно за сотню миль от него набрать на

компьютере определенный код, и человек мгновенно исчезал – растворялся в виртуальном пространстве. Так однажды, в начале весны исчез и диктатор, мудрый и великий Гремучий Змей. Сидел за столом, подписывал очередную стопку высоких указов и вдруг – исчез. На столе осталась только золотая ручка. Потом загадочно исчез и его преемник -Шипучий Змееныш. Может, его тоже заказали, а может, рванул в Бермудскую офшорную зону -поближе к своим банковским счетам. Славный проект «Букет роз» с того времени безнадежно увял.

Орлиная Народно-Демократическая республика пережила неслыханный упадок. Начался голод, межнациональные и межконфессиональные разборки, родственники многочисленных киллерских жертв потребовали суда над исполнителями давнишних и свежих терактов. Ушлые журналисты-папарацци раскопали секретные архивы с именами знаменитых в стране людей, которые оказались замешанными в очень неприглядных делах. Общественность потребовала суда и наказания. Тогда же стало ясно, насколько несправедлива оказалась судьба к этим людям: когда нация ими гордилась – они вынуждены были сохранять инкогнито, а как дело дошло до ответственности – их имена напечатали во всех газетах. Бесполезными оказались и многочисленные высокие награды. Обидно, несправедливо, люди возмущались.

Но разве в этом мире есть место справедливости?

ЛИШЬ БЫ ТИХО

Памфлет

Говорят, белорусы – глупые люди. Я с этим не согласен. Как и любой национал-патриот, я уважаю собственный народ и считаю его самым мудрым на свете.

В самом деле – столько лет без собственного государства, без национальной политики просуществовать на европейском проходном дворе, пройти через столько войн, революций, восстаний и -уцелеть. Не исчезнуть. Не утратить своего языка, при случае – отстоять свою честь (вспомните ВОВ). Здесь одной мудрости мало,

нужен особый талант и божье благословение, благоприятствование сил и земных, и небесных.

Правда, белорус не похож на других людей. Хотя бы и на соседей. Те, если их бьют, сразу же дают сдачи. Не пускаясь в рассуждения. Тогда другие их обвиняют в сварливости и неуступчивости. В нетолерантности… Белорус же всегда толерантен. И вдумчив. Бывало, треснут ему по шее, так он сперва попросит прощения, что неприятель ушиб руку. Потом, хорошенько подумав, еще и поблагодарит за науку. Известное дело, прежде чем ответить, стоит подумать. Пускай людей такого типа зовут тугодумами, но выгоднее туго думать, чем ле] ко умирать. Белорус хочет жить. Хотя и боясь, в кольце страха. Чувства страха и боли даны человеку, чтобы увеличить его шансы на выживание. Что проку от отваги и смелости, которые не знают страха? Пример Чечни – у всех перед глазами. А белорусы хоть и боятся, но до сих пор все (почти все, за исключением посаженных и исчезнувших) живы-здоровы. И все их города целы. И все их уважаемые начальники-вертикальщики живут в шикарных виллах, а не отираются в пещерах, прячась от глубинных бомб. Что значит – иметь врожденный талант к страху. Все тихо.

Давно известно, что любая наука – на пользу, белорус очень любит учиться. И это хорошо. Иначе у нас не было бы столько студентов, столько ученых – от кандидатов до академиков, столько дипломированных начальников всех рангов. Появилась хорошая традиция: как сделался начальником, так и стал ученым. Или наоборот. Особенно охотно учится белорус у еще более мудрого старшего брата. Именно от него он перенял многие морально-этические качества, чрезвычайно поспособство-вашие самоидентификации белоруса. Правда, это очень сложная наука, доступная не всякой логике. По-русски любить – значит, ненавидеть, впервые это открыл незабвенный Оруэлл. Соответственно, ненавидеть – значит любить. И здесь хитрая зависимость: чем больше ненависть, тем больше любовь. Вспомним Ивана Грозного, Петра Великого, Ленина и Сталина. Сколько те при жизни крови пролили и ненависти наплодили, столько после смерти имеют всенародной любви. Видно, так и с белорусским всенародно

избранным. Когда-то из пятерых кандидатов белорусы меньше всего любили этого, потому и выбрали. И он, молодец, не обманул, оправдал их ожидания: надолго страхом обеспечил. На годы. Как можно не уважать такого снабженца?

Наши мудрые интеллектуалы открыли и усвоили несколько мудрых истин, прежде фундаментальной науке неизвестных. А именно: ничего не надо открывать-изобретать, не лезь поперед батьки в пекло. Надо уметь отгадывать! Естественно – намерения и желания руководителя. Наверное, это самая тяжелая наука. Прежде всего потому, что намерения руководителей очень уж диалектически меняются. Прежде бывало: только ученые что-нибудь основательно надумают, обсудят и утвердят на академическом уровне, как мысли начальства меняются на противоположные. Иногда меняется и само начальство: или под расстрел идет (как раньше), или на повышение (как сейчас). Попробуй угадать и угодить. Именно поэтому ученые твердо выступают за стабильность общества, против всей этой митинговщины, забастовок, парламентского хаоса. Зачем парламентариям языки, если у них есть руки, чтобы поднимать по команде «за». Ученые готовы признать и обосновать что угодно: урезанный бюджет на собственную науку, кургузую историю страны, даже урезанную собственную зарплату. Лишь бы тихо было. Зато ученые остались в своем шикарном здании, на которое точил зубы хищный Иван Титенков. У других интеллектуалов здания поотбирали, а ученым оставили. Теперь они там продолжат спокойно и вдохновенно совершенствовать ракетно-ядерную технику и стратегию космического шпионажа для послабевшего старшего брата. Тем более, что ничего другого они не умеют.

Давно было замечено, что масштаб дальнейшего подъема промышленности и сельского хозяйства напрямую зависит от степени их упадка. Чем они ниже упадут, тем выше поднимутся (если только поднимутся) и тем больше славы принесут руководству. Именно в этом, на мой взгляд, состоит секретный план упрямого нежелания их реформировать. Здесь все дело в статистике, которая в советское время обогнала в развитии едва ли не все другие науки. Именно статистика может представить упадок как расцвет, кризис

как прогресс и тем вдохновить массы. Если, допустим, хлеба давали 150 граммов на паек, а с первого числа стали давать по 300, то рост составляет 200 процентов. Хлеба мало – зато процентов много, что и впечатляет. Кажется, именно поэтому наше руководство так упрямо избегает реформ – чтобы потом, когда все дойдет до нулевого показателя, начать отсчет статистических рекордов. И в этом смысле мы совершили чудо, достойное книги Гинесса. Как недавно сообщили неофициальные источники (официальные, естественно, в таких случаях молчат), цены на товары в Беларуси за десять лет увеличились в сто тысяч раз. Факт этот, понятное дело, скрывается от международной общественности. Потому что если бы эта общественность о нем узнала, удивлению ее не было бы предела: как это возможно выжить? Никто, кроме белорусов, конечно, не выживет. Энти могут. Ну как не уважать такую нацию, пожалуй, единственную в мире!

В подобных марсианских условиях нация эта способна не только выживать, но и любить такую жизнь, а с ней вместе – и главного режиссера патологического эксперимента. Тут уж и старший брат запаниковал – отправил в отставку своего царя Бориса. А наш знай улыбается в свои фельдфебельские усы, ему – хоть бы хны. Наверное, у него в планах еще не то значится! Припомнив одного наполеоновского маршала, можно догадаться, о чем он думает. О чем-то вроде: ты полюбил бы меня еще больше, если б знал, куда я тебя поведу завтра. Но в самом деле – куда? Планы великого человека всегда окутаны туманом загадочности. Может, в партизанскую Чечню – на помощь старшему брату? Может, в виртуальную, но от того не менее страшную Великую Славянскую империю? Может, поучаствовать в легкомысленно заброшенной ракетно-ядерной игре с Америкой?

Но куда-нибудь да поведет. Да и почему бы не повести такой толерантный, покладистый народ, который все стерпит. Лишь бы тихо.

ИНТЕГРАЦИЯ

Фантастический рассказ

Остатки патриотично настроенных белорусских войск сосредоточились в сосновом перелеске. Впереди расстилался летний цветущий луг, который прорезала изогнутая речушка. За ней на полевых склонах притаились россияне.

Белорусы потерпели поражение – не одно, а несколько кряду, и удивляться было нечему. Воевать с контрактниками, которым платили бешеные деньги (причем доллары), – непросто, особенно если в их стране только войной на жизнь и заработаешь. А у белорусов долларов не было – одни «зайцы». Опять-таки, война получила статус «террористической», и белорусы могли рассчитывать разве что на собственный патриотизм да национальную сознательность, которую горячо пропагандировал возвращенный из-за рубежа Зенон Спазь-няк. Вернул его Командующий, маршал, возглавивший борьбу за независимость с такой же страстью, с какой недавно боролся с «самостийностью». Некоторые удивлялись, но большинство разглядело в этой смене политического курса очередной хитромудрый кульбит любимого руководителя.

Памятуя о давнишней сержантской выучке в структурах КГБ, Командующий требовал безоговорочного исполнения его приказа победить проклятых россиян, – но это почти не помогало. Не приносили пользы и страстные призывы Зенона Спазь-няка, который ради независимости Беларуси отринул все прежние обиды и горячо призывал следовать святым заветам возрождения. Недавние колхозники и рабочие «почтовых ящиков» слушать - слушали, но понимали чудные команды вроде «зва-жай!» и словечки типа «шыхт», «вайсковы чын» или «жаунеры» плохо. Мало чем в этом смысле мог им помочь и бывший председатель белорусского Совета Степан Парецкий, которому позволили вернуться из Америки, чтобы возглавить одно из военных подразделений. Этот из-за рубежа привез несколько книг по белорусской истории, но Командующий приказал выбросить его историю в туалет – прежде всего, нужны были вояки… Главный по безопасности генерал-прокурор Мейман плотно обложил Парецкого стукачами, дабы выяснить, не зашифрована ли в председательских книжках какое-нибудь особенное оскорбление чести Командующего (тот стал

чрезвычайно щепетилен в вопросах собственной чести). Сам Мейман, несмотря на странные зигзаги Командующего, хранил нерушимую верность ему, ибо только это и давало шанс сохранить жизнь. Многие его товарищи давно уже парили землю – и все из-за длинных языков. Мейман же с коротким языком за рекордно короткое время стал генерал-прокурором и готов был бороться за независимость Беларуси так же, как много лет боролся против нее.

Когда из леса на опушку подтянулись отставшие военные, Командующий приказал подполковнику Старкевичу построить всех в шеренгу. Набралось немало – уставших, хромых, ободранных, раненых, с окровавленными бинтами на руках и головах. Когда «вечный подполковник» Старкевич отрапортовал о построении, Командующий вышел из шикарного, хотя и сплошь заляпанного грязью джипа «Чероки», и сказал сиплым – не то из-за простуды, не то от пьянства – голосом:

– Ну что? Просрали Беларусь? Я ж гаварыл... Теперь будем страляться. А то когда росейцы возьмут, хуже будет. Как ученый-историк, я знаю... Так что – кто первый?

Все-таки это были люди сознательные, воспитанные на героическом опыте великой войны и партизанской литературе, поэтому вся шеренга сделала шаг вперед.

– Ну зачэм же так много? – сказал Командующий. – Хватит и одного – для прымера. Так кто? Ты, Спазьняк?

– За Беларусь всегда готов! Смерть москалям! – произнес исхудавший, в обвисшей шинели председатель БНФ—ХДС и вытащил из-за ремня кремневый пистолет образца XVI века. Современный АК он принципиально не хотел брать в руки и, выстрелив себе в грудь, пшеничным снопом упал друзьям под ноги.

– Стойкий был барэц за незалежнасць, – после паузы грустно сказал Командующий. – Я его уважал. Ну, кто дальше? На меня не сматрыте, я последним буду. Как капитан тонушчага судна. Ты, Парэцкий?

– А я – легитимный председатель...

– Мне наплевать и растярэть, что ты легитимный. Если трусишь – поможем. Мейман!

Мейман, который из-за нехватки кадров давно был прокурором, судьей и «исполнителем приговоров» в одном лице, быстро подскочил к растерянному Порецкому и выстрелил ему в затылок.

– Кто ешчо чарасчур легитимный? – строго спросил Командующий. Поскольку таковых не обнаружилось, Командующий холодно объяснил: -Наш прынцып известный: добровольно, но обязательно. Все, кто любит Беларусь, должны жертвовать собой для нее. Правильно, белорусы?

– Правильно! – дружно, хотя и не очень громко пронеслось над шеренгой.

– Я баролся, все видели. Баролся, как зверь. Сначала за интеграцию, потом – за суверэнность.

Так вынуждали обстоятельствы. Но я не Бог, враг победил. Так что имейте чэсць, белорусы.

Из шеренги вышли двое невысоких военных в замызганном камуфляже, с автоматами Калашникова на груди.

– Мы готовы, – тихо сказал один, и Командующий метнул в него хищный взгляд.

– Давно ты даλжон быть готов, гражданин За-лебедько. Я тебе гаварыл – плохо кончишь. А ты столько тянул. На дружка равнялся?

– Мы не равнялись. Мы с господином Ранчор-кой принадлежали к разным партиям и движениям.

– Движениям! – передразнил Командующий. -Вот и додвигались. Вдвоем остались.

Почти одновременно грохнули два выстрела. После этого строй и вовсе распался, некоторые отошли в сторону, на росистой траве неподвижных тел становилось все больше. Их не трогали, никуда не уносили. Нерешительные стояли в полной растерянности. Перед небольшой группкой своих подчиненных Командующий отдавал последние распоряжения.

– И это... Погибнем, так надо, чтоб написали рэквием. Перадайте мой указ Гученку.

– Гученок давно в Москве. Вторую звезду на тротуаре обмывает.

– Прадатель! А ведь на задних лапках плясал... Усатое лицо Командующего стало мрачно-суровым.

– Не надо было его пущать на Витебский базар. Пускай бы сидел бы в Комаях, молился – и сгорел бы с униатами. Как Хадырка с Барадулей.

– А что – сгорели? – оживился Командующий.

– До тла.

– Тем лучше. А то – место на Восточном клад-бишчэ, похороны… Эти похороны разарыли мне государство.

– Рыночная экономика, – мрачно констатировал Мейман. – Ни в какое сравнение с социалистической.

– Социалистическая тоже не оптимальная. Я знаю, – осторожно заметил Старкевич, одетый в шинель с погонами подполковника. – Когда я командовал ротой…

– Ты плохо командовал, – отрезал Командующий. – И тогда, и теперь.

– А кто лучше? Я старался…

– Постарайся в последний раз. Ну! Или помочь?

– Сам умею – сказал Старкевич и отвернулся. Тут же грохнул пистолетный выстрел, и подполковник, согнувшись, ткнулся головой в траву.

– Вот это исполнительность! И ни слова вапра-ки. Дажа на белорусской мове. На мове! – презрительно повторил Командующий. – Кстати, а где Билевич? Вряд ли застралился. Этот балабол-неумеха за что ни возьмется, все провалит. Столько баролся за мову, и что? Даже трасянки не добился. Гимна не сложил. Я поручыл ему гимн Командую-шчаго написать, чтобы массы ваадушавлял. Далжон он был постараться. Так нет. Саботажник он, ваш Билевич!

– Бычкову надо было, – подсказал кто-то.

– Правильно! Надо было Бычкову – я его стихи ешчо в чэтвертом классе учыл. Но не подсказали. Зеврук этот дезинформировал, – горько сказал Командующий. – Сказал, будто Бычков – враг Беларуси и России. А совместно – Литвы, Латвии, Эстонии, Украины и Польши. Я и паверыл. Подумал, что Зеврук знает – в ЦК да в разных разведках работал. Напрасно, знаете, даверылся. Следовало даверать, но праверать. Посмотрите там, Спазь-няк уже не дышит? Акачанел? А то, может, холостым стрэльнул?

Кто-то из группки у «Гранд-Чероки» побежал взглянуть на Спазьняка, вскоре послышалось:

– Спазьняк лежит. А Залебедько нету.

– Как нету? Он жа застралился.

– Наверное, и впрямь выстрел был холостой. Имитация,– сумрачно заключил Мейман.

– Это прадательство! Он меня обхитрыл. Хотел я его ешчо тогда, с Гончаром, но... Пожалел. Вот и расплата за мягкость души. Действительно, очань мы рахманыя, белорусы. Не то что ты, Мейман.

– То же, что и ты! – в тайном упреке надул усы генерал-прокурор.

Командующий достал носовой платок и старательно вытер увлажнившиеся глаза. Похоже, он готов был заплакать, хотя взгляд его время от времени озаряли хищные всполохи.

– Я ж тебе прыказал устранить Гуравкина. А он, оказывается, в ООН снова воду мутит против суверенной державы... Поэт этот.

– Произошла ошибка. Устранили Гуралкина. Совпадение фамилий.

– Как жа можно! Надо ж знать национальные карды, отличать поэта от художника. Не стралять абы в кого...

– Я считал, что в Беларуси один художник -уважаемый академик Цавицкий...

– Правильно! Очань мной уважаемый. Как и его сын – молодой, но перспективный – русский, то есть – белорусский по духу...

Строй тем временем совсем распался, выстре 1ы раздавались все чаще. Стрелялись от любви к 1>с ларуси, от ненависти к москалям, от безграничной преданности дорогому Командующему. Проста потому, что все надоело, в том числе и дьявольская, кровавая жизнь в бесконечно борющейся, запутавшейся в идеях стране. Слышались восклицания «Жыве Беларусь!», иногда – проклятия или просто злая мужская ругань. Неподвижных тел в перелеске становилось все больше, повсюду на траве валялось оружие, никому уже не нужное снаряжение. Больше всего вещей накопилось у джипа «Чероки», где все еще топтался Командующий. Группка приближенных вокруг него, однако, таяла. Наконец, остался последний – генерал-прокурор Мейман.

– Мейман, ты все мои секрэты знаешь, да?

– Знаю, да.

– И ты их сохранишь. Навсегда! Генерал-прокурор не успел ничего ответить -

Командующий махнул рукой и вдруг, словно из его рукава, грохнул выстрел. Когда Мейман упал, Командующий еще два раза выстрелил ему в голову, резко отвернулся.

После этого включил радиотелефон и произнес похожую на пароль фразу: 548-5211AZ. Сунув в карман HENDI, достал из багажника флаг – широкое красное полотнище с серпом и молотом у телескопического древка – и прыгнул в машину.

– Газуй, Саддам!

Привычно равнодушный ко всему черноусый водитель рывком дернул машину с места; полевой петляющей дорожкой, переваливаясь по рытвинам, она поползла в сторону речушки. Одной рукой

Командующий держался за короткий поручень перед собой, а другой, высовывая через окно, высоко вздымал флаг, под которым наконец-то должна была осуществиться великая цель его жизни - интеграция.

Что поделаешь, если любая великая цель требует огромных усилий и не меньших жертв…

2003

Парадоксы жизни

Записи разных лет

…Как и в день Победы, путь огромной многотысячной колонне БНФ, которая двигалась к обелиску Победы, чтобы возложить цветы, преградила стена милиционеров. Эту стену колонна прорвала, почти не останавливаясь. Тогда выросла шеренга ОМОНа. И ее мы прорвали. Остановились только перед усиленной, в несколько рядов, шеренгой ОМОНа у самой площади.

Стояли долго. Жара, сутолока. Надо мной, чтобы прикрыть от солнца, ребята все время держали бело-красно-белый флаг, и в том

я усмотрел великий Божий символ. С таким символом дай Бог и погибнуть. И с такими людьми рядом.

***

В очередную годовщину смерти Ленина к памятнику вождя ветераны возлагали цветы. Среди них был один седой старичок, опиравшийся на палочку. Я знал его. Рассказывали, как во время войны он оказался в каком-то маленьком городке, один, без семьи. Глухонемой. Жить было очень трудно. Политикой он не занимался. Однажды в городке объявились хлопцы из лесу. Их было трое, они принесли с собой фальшивые, сделанные подпольщиками продуктовые карточки. Хотели отовариться, но боялись, что попадутся. Тогда решили послать вперед себя кого-нибудь, – кого не жалко. Выбор пал на глухонемого. Неожиданно для них он пошел и отоварился. Парни обрадовались и одарили его теми же карточками. Бедолага был им очень благодарен. На всю жизнь. И стал партизаном. И полюбил Ленина. И его партию.

А о том случае рассказал после войны один из трех партизан.

***

Включил телевизор – какое-то генеральское совещание: за столом – генерал-полковники. Не старые еще, хотя и с сединой в волосах, зачесанных на косой пробор, грузные, с толстыми загривками, широкими плечами и такой же грудью. И у каждого – слева пестрит от наградных планок. Интересно – за что? Родились все после войны, не видели ее. За что столько наград? Как у Жукова после войны. За каждое совещание – по награде, что ли, дают этим бумажным полководцам?

***

Писатели растерялись: о чем писать? Прежде годами плакали: не позволяет цензура, зажимает ЦК. А сейчас, когда исчезли цензура и ЦК, стало еще хуже. Словно зверьки, выросшие в клетке: выпущенные на волю, в лес, не могут выжить.

Что значит вырасти под ежедневным партийным руководством!

***

Инвалид-пенсионер пришел в гараж к **своему** «Запорожцу» и видит: на соседском гараже вист замок, но дужка его не защелкнута. Подумал, прикинул. И нажал на дужку. Сам когда-то вот так же по рассеянности не закрыл гараж. Минут через десять прибегает сосед, ругается. Оказывается: отлучился за сигаретами, а ключи оставил в гараже.

Инвалид почесал затылок: услужил, называется.

***

Лифт пачкали ежедневно, систематически, и все знали, кто это делает – подросток Вова, сын партийного секретаря с шестого этажа. Но вот Вова отучился, пошел в армию, лифт в течение нескольких лет был чист. И снова стали в нем гадить. Оказалось, Вова тот женился, родил близнецов, они подросли, и все началось сызнова.

Каков отец, таковы и сыновья?

***

Моя мама перед смертью мучилась несколько лет. Естественно, она хотела жить дома, в своей хате. Но там – невестка. Хорошо бы жить с доченькой Валей, но та – в двадцати верстах, в Ушаче. И там – зять-матерщинник. Так мама и бродила туда-сюда, не находя себе места в этом мире.

Пока не отошла в иной.

Интересно понаблюдать за номенклатурой... Чем шире морда, тем выше чин. Кажется, будто весь их отбор, номенклатурная селекция, происходит в президиумах и на трибунах: хорошо ли смотрятся. Наверное, других отличий у этих воспитанников ВПШ не осталось: одинаковое происхождение, образование, карьера... и, безусловно, способ мышления, мировоззрение.

***

Когда-то Адамович говорил, что те, кто побывал в ЦК, несмотря на их талант, конченые люди. Всем им там вырезали одно яйцо. Все они скопцы – идейные, художественные, человеческие.

Каждый год убеждаюсь в справедливости этого заключения.

***

П. не был Коле другом – просто хорошим знакомым. Но вот однажды приходит к Коле и рассказывает, что его вызывали в КГБ, принуждали доносить на Колю. Естественно, П. отказался. Коля, конечно, не мог не оценить такого поступка приятеля, и тот стал для Коли лучшим другом.

И отлично на него доносил. Признание же насчет вызова в КГБ – всего лишь прием. Но прием безотказный.

***

В 1939 – 40 годах после так называемого освобождения Западной Беларуси НКВД навербовало гам немало сексотов, картотека на которых хранилась в областных центрах и, естественно, в Москве. В 41-м, когда началась война, чекисты так рванули из Гродно, что оставили картотеку немцам. Немцы разобрали ее и… перевербовали сексотов **(чтобы не** тратить время на вербовку других). Отказов, КОНСЧ но, не было. Те изрядно потрудились в течение неси оккупации. Но в 1944 году пришла Красная Армия. Своей картотеки чекисты не нашли, привезли из Москвы ее копию. Те же самые сексоты начали работать на своих первых хозяев. Вот универсальность системы!

***

Еще во времена застоя один московский литератор-демократ узнал, что в связи с юбилеем собираются его наградить орденом «Дружбы народов». Литератор загодя сообщил друзьям, что ордена не возьмет. Но вот пришло время юбилея, а ему не дали ничего. Даже повод для протеста отобрали. Чтобы не дергался.

***

На праздник к Л. пришел друг и подарил ему чудесный японский термос, Л. был тронут. Долго благодарил. Не зная о том, что на термос друг потратил часть премиальных, полученных за то, что хорошо «стучал» на Л.

***

На Дзержинском молочном заводе воровали сметану. Продавали ее не где-нибудь, а в городской торговой сети, с которой воры были связаны. Но органы контроля разоблачили преступников. Судили. Посадили.

И сметана из магазинов исчезла.

Кому от этого лучше стало?

***

Особистам надо было завербовать в сексоты полкового фельдшера (наверное, всех остальных уже перевербовали). Вызвали раз, другой – не желает фельдшер становиться сексотом. Тогда его арестовали, хорошенько избили, припугнули и объявили, что выпустят. Но только если согласится. А что же все-таки ему делать придется?

– Да ничего особенного, ты только напиши, что, мол, когда начал подходить, они (названы были имена офицеров, фронтовиков) прекратили разговор.

– И всё?

– И всё.

Что оставалось делать – дал подписку. И стал сексотом. Дальше доносил и о серьезных вещах.

***

Он работал заместителем редактора в районной газете. Когда Хрущев раздваивал обкомы и райкомы, написал в Москву, что не согласен, что это неправильно. Тогда его сняли с должности заместителя, сделали заведующим отделом писем. Но через два года сняли самого Хрущева. И снова сделали из двух один обком. И он,

немного погодя, снова напомнил письмом в Москву о давнишнем своем несогласии.

Тогда его снова сняли с должности заведующего отделом и сделали корректором.

Больше он писать никуда не стал.

***

В моей деревне, помню, еще до войны К. плохо ладила со своим мужем. Когда пришли тмим после очередной ссоры она сходила в Кубличи N немцу-коменданту и пожаловалась на мужа. Сказала, что он будто бы связан с партизанами. На следующий день в деревню приехал комендант с группой полицаев, приказал собрать народ. Когда все собрались, объявил свой приговор: К. за клевету на мужа 15 ударов шомполом. А мужу 10 – за то, что плохо воспитывает жену. Партизан тогда еще не было.

***

Ушачские – люди слова.

Пришел Л. поздно, говорит жене: дай пятерку -добавить надо. Та говорит: «Не дам». Он тогда: «Не дашь – хату сожгу!» – «Жги, если ты такой...» Поджег, сгорела хата. Л. посадили за поджег... Через какое-то время жена пошла собирать подписи, чтобы его выпустили, потому что плохо без хаты и без мужа.

***

Катюши, катюши...

Сколько о них сложено мифов, сколько посвящено им поэтических строк. А на деле все это блеф, созданный, как и многое другое, коммунистической пропагандой. Катюши эти – по большей части продукт психологического воздействия. На фронте их не любили. Пехотинцы их проклинали. Они давали один-два залпа – в никуда, поднимали тучу пыли и дыма и быстренько сматывались. Через 5 минут по тому месту начинала молотить немецкая артиллерия – и доставалось тем, кто не мог смыться. Пехота и расплачивалась за эти залпы.

Эффективность катюш была мизерной, потому что били они наобум, без пристрелки и больше создавали неразберихи, чем пользы приносили.

***

На Донце в 1943-м долго стояли в обороне, укреплялись, копали, минировали. И засылали разведчиков. И наши, и немцы. Однажды старшина роты послал в хозяйственную часть посыльного, молодого солдата. С заявкой на мыло. На бумажке сверху пометил: «сов. секретно». Солдат совсем недавно принял присягу и прибыл на фронт, поэтому к приказам начальства относился очень серьезно. И в низине, в сумерках, нарвался на немецких разведчиков. Принял бой. Чтобы секретный документ не попал в руки врага, съел его. Сам был ранен и погиб. Утром из его рта выковыряли уголок той заявки с «сов. секретною» пометкою.

***

После освобождения Беларуси, где-то осенью 44 года сестра Валя, которой тогда было 18 лет, согласилась идти в Восточную Пруссию, чтобы пригнать оттуда в район коров. Сказали, погонщикам дадут по корове. Сестра обрадовалась – своей коровы

уже не было. Гнали стадо долго, приходилось доить и пасти, и самим как-то кормиться. А когда пригнали, всех коров распределили по колхозам, а погонщикам – шиш.

В который раз обмануло начальство. Потом таких обманов было не сосчитать.

***

Он был пророком и вел за собой других. За ним шли. Ему верили. И он учил божественному. Ибо и сам был полубогом. Но другие не знали, что он бессмертен, а они – смертны. Пришло кризисное время, они погибли. А он пошел учить других. Божественной правде. Высокому и доброму. Он мог себе это позволить.

***

В 1939 году произошло «воссоединение», «присоединение», «освобождение» или как его там Западной Беларуси. От моей деревни до той польской границы было каких-то 2 километра. По ту сторону осталась мамина родина, деревня Заулок, ее брат и другая родня. Все время до самого 39-го я слышал ее рассказы о Заулке, о ближайшем к нему местечке Прозороки, об озерах и околице. Но не видел ничего. 20 лет – никакой связи.

Весной 39-го граница передвинулась за Белосток. Но старую границу не сняли. Охраняли ее, как и прежде. А у нас, как и во все колхозные годы, жили впроголодь, почти постились. И мать решилась. Как-то темною осенней ночью пошла в Караваинский бор – нарушать границу. Сколько страху натерпелась… Но прошла. Туда и обратно. И принесла на спине мешочек муки и баранью лопатку – гостинцы от брата. Западного крестьянина. Который загибался от белопольской оккупации. А мы роскошествовали под родной советской властью. И годами сидели без хлеба.

Наплакалась мама. Да и отец… А мы радовались: появилась возможность хорошо поесть…

***

Наступали, наступали и уперлись в городок. Не давал ходу дзот на очень выгодном островке. Армия остановилась– Москва торопила. Тогда как-то утром во время разведки боем один сержант подполз и бросил гранату Удачно бросил. Дзот замолчал. Батальон поднялся и захватил островок. Дивизия заняла городок. Армия продвинулась на два километра.

Вскоре получили награды. Командарму за взятие горда дали Героя. Комкору – орден Суворова I степени. Комдиву – орден Красного Знамени. Командиру полка – Отечественной войны I степени. Комбату – второй степени. Комроты – Красной звезды. Сержанту – медаль «За отвагу».

Всем как положено. По чину.

***

Где-то в шестидесятые годы меня вызвали в военкомат и дали анкету. Зачем – не сказали, но вскоре стало известно: снова хотят забрать в армию, на этот раз – в ракетчики. По каким-то показателям я подходил. Через знакомого сотрудника военкомата я пригласил подполковника Филькова в ресторан, мы хорошо там выпили, и он мне посоветовал написать в анкете что-нибудь такое, чтобы не взяли. Тогда я решил написать, что на Западе в эмиграции живет мой двоюродный брат Ми кола, пропавший во время войны. Будто мне известно, что он в ФРГ. И впрямь сработало. Меня не взяли.

Вот как помог мой бедный Микола. Прости меня, брат…

***

В сороковые годы (кажется, в 1947-м) в Гродно арестовали доцента пединститута Ржевского. Естественно, за национализм. После, говорили, кэгэбисты возмущались: все выдал, во всем признался. При обыске не нашли каких-то книжек, так он на допросе сказал, где прятал: в курятнике.

Тому, кто обыск делал, нагорело. Как было не возмущаться – так подставил националист.

Началась кампания по борьбе с абстракционистами. В Гродно обком готовил заседание актива. Первый секретарь Мицкевич вызвал меня. Я, конечно, пришел в обком. С мефистофелевской улыбкой на боксерском лице тот спросил о жизни, о том о сем. А потом спрашивает: что это Евтушенко пишет? Я решил, ему нужна моя оценка, потому что обком, как известно, далек от всего этого. Естественно, я охарактеризовал Евтушенко как прекрасного поэта. Мицкевич слушал, улыбался, не возражал. Поблагодарил и отпустил.

Через день – собрание актива. Выступает первый секретарь. Громит Евтушенко, Вознесенского, и – заодно Быкова и Карпюка, которые, оказывается, тоже разделяют их взгляды.

Вот так проконсультировал первого!

***

Евгений Васильевич очень любил писать стихи.

Особенно после **того,** как в звании подполковника демобилизовался из армии. Где-то прочитал, что нельзя жить ни дня без строчки. И трудился каждый день с 9 до 18. Разве только на рыбалку отлучался.

Но вот печататься... Областная газета давала одну литстраницу в квартал. А в ней – 1-2 стихотворения Евгения Васильевича. Он пытался совершенствовать их между выходами страницы. Ходил к

редактору. Надоедал литконсультанту. Тот, чтобы отделаться от назойливого поэта, сказал однажды, будто стихи его так хороши, что жаль их печатать в какой-то областной газете. (Хотя были они обычной графоманской дрянью.) «Может, в «Правде»»? – окрылился Евгений Васильевич. «Вот-вот, попытайтесь – в «Правду»».

И Евгений Васильевич отослал в «Правду». И спустя какой-то месяц «Правда» напечатала одно стихотворение – ко дню рождения Ленина. Евгений Васильевич, к радости литконсультанта, перестал носить (I нхи в областную газету, все, что писал, отсылал в «Правду». Но там больше не появилось ни одного его стихотворения. Да это не беда – автор был уверен, что его стихи – только для главной газеты страны. Тем и гордился. И написал еще много.

Ехали в отпуск, попросили соседей присмотреть за квартирой. Хорошие были соседи. Но в аэропорту спохватились – что-то забыли. Хозяин на такси вернулся и… застал в квартире соседей, шаривших по его комодам.

Хорошие были соседи.

***

В 1946 году в Николаеве лютовали бандиты. Грабили, убивали. Офицеры из казарм расходились поздно. Один ротный, припозднившись, прихватил свой табельный ТТ.

И как раз у Петровского парка его остановили трое. «Снимай сапоги!» Ротный достал пистолет и уложил одного. Остальные удрали. Тут же доложил в комендатуру Через пару месяцев ротного судили. Дали 6 лет за убийство. Осужденный потом сказал: «Какой же я дурак! Лучше бы отдал им сапоги, шинель, голышом как-нибудь добежал бы до дому. Но кто же знал, что законы писаны для грабителей, а не для честных людей…»

***

Они прорывались из окружения. Комбат и санинструктор. Когда прорвались, он попросил ее выстрелить ему в руку, чтобы не арестовали свои. Она его любила, но... была комсомолкой. И выстрелила в него...

Теперь 50 лет казнит себя.

***

Получил вызов на заседание и не хотел идти. Но давно не был в Союзе писателей, давно никого не видел, решил: схожу. Увидеться, поговорить с мудрыми. Тем более, такие события в последнее время произошли в Беларуси и в мире.

Но не тут-то было. Снова, как и 10, и 20 лет назад Б. начал рассказывать что-то смешное о Пестраке, ему подхихикивал Ч. Потом Ч. стал довольно бесцеремонно уверять всех, будто именно ему нужна премия (ибо предыдущая присуждена за кино, а теперь надо – за литературу). За кого-то из нужных вставлял слово Ш. О сегодняшнем страшном и больном ни слова. Как и 10, и 20 лет назад.

Вот – школа!

***

В годы войны всей партизанщиной руководила Москва. Оттуда присылали разные группы. В том числе и чекистские – под видом разведывательных. Но что было выведывать в глубоком немецком тылу? В лесах, болотах и глухих деревнях? Я все думал, что-то здесь не то.

Оказалось, и в самом деле не то. У чекистских групп было вполне определенное задание: уничтожать «классово чуждый элемент». Не добитый в предвоенные годы. Что они и делали, опираясь на

местный актив. Иногда сами, иногда руками немцев – как Минское подполье. А разведка – это любимая «крыша» всех чекистов.

***

Встреча с читателями в библиотеке. Представляет меня молодая библиотекарь, в зале – человек 18-20. Стандартные вопросы: как вы работаете, как относитесь, творческие планы.

Вышел на улицу и на троллейбусной остановке попал в людскую толпу, в троллейбус – не пролезть. Это неподалеку закончился концерт заезжей рок-группы. Тысячи людей. Вдохновение. Оживление. Это – культура времени. Маскульт, перед которым культура прежняя – ненужность. Бедная старушка...

***

На одном из предвыборных собраний решился. Когда из зала раздался вопрос, почему демократов не поддерживают так слаженно, как коммунистов, сказал: таковы инструкции спецорганов, передаваемые через сексотов. Думал: сейчас будут аплодисменты, ведь все об этом знают, но никто не говорит. Однако вижу: глаза в зале потухли, лица помрачнели. Никакой реакции.

Позже, уже по дороге домой, в автобусе, напомнил об этом эпизоде друзьям, думал, завяжется разговор. Ан нет. Снова реакция та же – внезапная апатия. А через минуту – предложение самого говорливого: «Давайте споем...»

Вот так!

***

Приехал за границу, в страну, где никого не знал. Но кто-то взял над ним шефство: отель и т.д. С того времени на долгие годы – самая сердечная дружба. Ездили в гости, дружили семьями.

И только недавно узнал, что друг – человек из службы безопасности, все делал по ее заданию…

Афганец

Аповесьць

Апошнія тры ці чатыры начы, ушчэнт пасварыўшыся з жонкай, Ступак начаваў у гаражы. Зрэшты, і дняваў таксама, бо цьвёрда вырашыў не вяртацца на свой пяты паверх сілікатнай хрушчоўкі. Калі так ужо сталася, што ён там нялюбы і ненавісны, што паявіўся лепшы, дык хай жонка падавіцца той кватэрай ды нацешыцца новым жаніхом; для законнага мужыка шляху туды няма. Усё ж ён чалавек з гонарам і прасіцца ня будзе. Тым болей, што ўсё ягонае жыцьцё, надобна, пайшло на скрут, чаго ўжо бедаваць на кватэры?

Ягоная нявыкрутка абрынулася на яго нечакана, напрыканцы зімы, як пачала яўна здыхаць ягоная фірма, што нядаўна яшчэ квітнела пад назвай «паштовая скрынка». Заказы міністэрства абароны скончыліся, рабочым перасталі плаціць, і Ступак, плюнуўшы на новыя парадкі, звольніўся «па ўласным». Думаў, трохі адпачне і прыгледзіць што-небудзь болей для сябе здатнае. Праўда, тады была немалая надзея на жонку Людмілу Пятроўну, якая рабіла бухгалтаркай у банку. Але, мусіць, так ужо заведзена ў жыцьці, што дзе тонка, там і рвецца, парвалася і з Людкай. Нечакана для сябе ён уведаў, што ў той паявіўся староньні ўхажор і не абыхто, а генеральны дырэктар таго ж банка. Вядома ж, не абышлося без лаянкі, жонка спярша апраўдвалася, клялася і бажылася, але як ён даў ёй добрага кухталя, са злосьцю прызналася, што так: ёсьць чалавек, мужык, ня тое, што ты – тля. Ня можаш пракарміць сябе, ня толькі жонку з дзіцём. Тады Ступак усё зразумеў і, правільна ацаніўшы становішча, узяў пінжак і з трэскам грукнуў дзьвярыма. Усё ж ён — ня тля, ён чалавек з характарам, да таго ж — афганец. А калі часам лішняе вып'е, дык цяпер хто ня п'е? Хворы або каму не даюць. Хто ня мае за што.

Адно праўда, апошнім часам ён ня меў за што выпіць.

Гэты яго металічны, некалі звараны з жалезных лістоў гараж прытуліўся на ўскрайку гарадскога падворку ля радка маладых

ліпак, поруч з шасьцю іншымі гэткімі ж часовымі збудоўкамі для аўтамабіляў. Гаражы тыя прастаялі тут гадоў мо па дзесяць, але нядаўна аказалася, што незаконна — прыйшла пастанова іх зьнесьці. Куды? — папыталіся іхнія ўласьнікі і, не атрымаўшы здатнага адказу, вырашылі: во вам, выкусіце! Нікуды зносіць ня будзем. Надзіва, ад іх пакуль што адсталі, перасталі наклейваць грозныя абвесткі на іржавых дзьвярах. Гаражнікі было падумалі, што перамаглі, як у пачатку лета ўсіх выклікалі ў падатковую інсьпекцыю, дзе выпісалі падатак і штраф. Штраф быў немалы, ды гаражнікі-пенсіянеры, дачакаўшыся пенсіяў, мусілі ўсё заплаціць. Ступак жа другі раз сказаў: «Выкусіце!» — у яго ўжо даўно не было грошай ня толькі на штраф, а на які куфаль піва, каб захмялець зранку.

Трошкі ўбаку ад гаражоў за ліпкамі мясьцілася дзіцячая пясочніца і альтанка з паламанай падлогаю, увогуле пустыя ўвесь дзень, бо дзеці ў навакольных дамах, здаецца, павырасталі ўжо, а новых не нараджалася. І толькі пад вечар ці на пачатку начы там паяўлялася якая-небудзь хэўра падлеткаў з недалёкага ПТУ ці суседняй школы, гэтыя і выпівалі і курылі, а можа, і калоліся, часьцяком з дзяўчатамі, што нароўні з хлопцамі рагаталі і мацюкаліся, ніколькі не зважаючы на рэдкіх дарослых ля гаражоў. Неяк, не стрываўшы іхняга гвалту, Ступак паспрабаваў іх уціхамірыць, паабяцаў паклікаць міліцыю. У альтанцы трошкі аціхлі, і з цемрадзі даляцеў малады басок: «Думает, жалеза, дык не гарыць?» У Ступака адняло язык: намёк быў дужа выразны, ён ужо ведаў, як гарыць жалеза. Сам пад Кандагарам ледзьве пасьпеў вынесьці ногі з БТРа, які заняўся такім жахлівым полымем, што расплавіўся асфальт на дарозе. Тады ён добра шурануў са злосьці маладую хэўру, хоць і надумаў, што тое суседства можа для яго кепска скончыцца. Не згарэў у Афгане, дык не хапала згарэць на падворку.

Зрэшты, можа, тое была адна балбатня, можа, ніхто б яго і не падпаліў у гаражы, і ўсё абыйшлося б. Неяк сьцярпелася б і ў гаражы — не такі ён пан, каб кожнай начы спаць на мяккай канапе, пад белымі прасьцінамі. Але калі б былі грошы. Неяк неўпрыкмет і хутка разышліся тыя васемсот баксаў, што выручыў вясной за свой 412ы

«Масквіч» — з гэтага во гаража. Тады здавалася, васьмісот баксаў хопіць надоўга, усё ж гэта былі немалыя грошы; гэтак жа лічылі і сябры-суседзі, што вечарком прысаджваліся ў ягоным ацусьцелым гаражы да засланай газеткай прамазучанай табурэткі. Суседзі увогуле былі неблагія людзі, яны і падбілі яго расстацца з надаедам«Масквічом» і усё падказвалі агараць іншамарку, якіх на той час стала паяўляцца ў двары. Канешне, ён быў не супроць перасесьці на «Опель» ці «Мерседэс» і ўжо прыглядваўся да іх на вуліцы, ды сталася так, што ягоныя баксы скончыліся раней, чым ён выбраў патрэбную мадэль.

Да таго, што засталося, трэба было добра дакласьці, але дакласьці не было адкуль, а да жонкі ён не хацеў патыкацца. Тады ён плюнуў на ўсе іншамаркі разам і на апошнія дзесяць баксаў купіў два паўлітры, нейкую закусь і справіў хаўтуры па сваім наіўным намеры. Урэшце, можна было пражыць і без машыны — меней клопату і вальней было павярнуцца ў гаражы.

Тое, аднак, толькі здавалася — без грошай пражыць было немагчыма, у тым ён неўзабаве ўпэўніўся.

Калінікалі надвячоркам ці ў сьвяты ля гаражоў зьбіраліся іх уладальнікі, расчынялі дзьверы і пачыналі поркацца ў рухавіках ці перабіралі майно ў багажніках. А то перакурваючы на падворку, пачыналі нясьпешныя размовы пра прыкрыя няспраўнасьці сваіх «Запарожцаў» ці пра бензін. Пасьля даволі працяглага перыяду бензінавага дэфіцыту, той нарэшце паявіўся на заправачных, але цэны на яго так заскакалі ўгору, што аж замільгацела ўваччу. Праўда, Ступака тое ўжо мала цікавіла, бензін яму быў непатрэбны, той клопат яго не кранаў. Яго кранала іншае: калі скончыцца гэтае бязладдзе, беспрацоўе і безграшоўе, калі ён здаровы малады мужык, прыдбае працу і стане зарабляць на жыцьцё? Маладжавы дацэнт Мінкевіч, што езьдзіў на ніштаватай «сямёрцы», глыбакадумна даводзіў, што прычына ўсяго — у энергетычным крызісе, што трэба шукаць альтэрнатыўныя крыніцы забесьпячэньыія нафтай, але ўсё ўпіраецца ў рэакцыйнае кіраўніцтва, якое арыентуецца адзіна на ўсход. Сазон Іванавіч, сівы ветэран з другога канца гаражоў, на тое імпэтна пярэчыў, што ўсё — у развале вялікай магутнай дзяржавы пад назван Савецкі Саюз. Ягоны сусед, таксама пенсіянер, якога

яны клікалі трошкі зьняважліва Плешка — за ягоную лысіну на патыліцы, звычайна гаварыў мала, але заўжды нібы забіваў цьвік: за каго галасавалі, таго і напаткалі. Лепшага не заслужылі. Камлюкаваты Плешка ведаў, за каго галасавалі суседзі, аб тым даўно ўжо напрызнаваліся адзін аднаму ў Ступака за табурэткай, ведаў тое і Ступак, бо сам галасаваў за таго ж. Цяпер на каго было наракаць? Сьпярша ён сумняваўся ва ўласным выбары, усё думаў: справы ў дзяржаве як-небудзь паправяцца, але ішоў час, а справы катастрафічна горшалі. Тыя, што кралі, сталі красьці болей, а галоўнае — на законнай падставе. За горадам, бы на дражджах, расьлі дачы-палацы, рабочых звальнялі, бо заводы «паштовыя скрынкі» спыняліся адзін за адным, а ў тых, што яшчэ працавалі, амаль перасталі плаціць – не было грошай. Затое грошай хапала для вялізнае зграі міліцыі, АМАПу, усіх гэтых сьпецслужбаў, якія кішма-кішэлі на вуліцах сталіцы. Даведзены з галадухі да адчаю, Ступак пайшоў на дапамогу да кіраўніка таварыства афганцаў, ды той толькі разьвёў рукамі — што я магу? Грошай у мяне няма. Але ж ён на тэлевізары ўсё гаворыць, што воінам-афганцам трэба памагаць. Во хай ён і паможа, калі так гаворыць, адказаў кіраўнік. Ступак прыкруціў да пінжака свой ордэн і пайшоў у рэзідэнцыю — палац, але там яго на парозе спыніла ахова. Як ён ні даказваў, што і ардэнаносец і паранены, прайсьці ўнутр не далі. Ён аблаяў іх а заадно і іхняга ўладара і паплёўся дадому. У свой апусьцелы гараж. Усё неяк стрываў бы, каб кожнага дня не хацелася есьці.

На сваім падворку сярод знаёмых і незнаёмых ён, аднак жа, маўчаў. За жыцьцё ён не прывык выказвацца асабліва наконт улады, ведаў, лепей язык трымаць за зубамі. Так некалі вучыў яго бацька, вучылі ў камсамоле, затым у войску і ў партыі, з якой ён, лічы, што выбыў у памятную восень дзевяноста першага. Партбілет, праўда, тады не спаліў — сунуў пад бялізну ў жончынай шафе, хай ляжыць. Мабыць, ляжыць і цяпер.

Аднойчы ён добра набраўся з хлопцамі на саракавінах інваліда, таксама афганца, што да пары згарэў ад гарэлкі, і ўначы ледзьве дабрыў да свайго жытла. Уранку прачнуўся, пачуваў сябе надта паскудна, балела галава і сэрца, зусім не хацелася жыць. Неяк дачакаўшыся, пакуль разьвіднее, устаў, прыладзіў пад стольлю

пятлю з капронавага буксіру, на сярэдзіну гаража пасунуў табурэтку. Толькі хацеў стаць на яе, як у дзьверы ціха пастукалі, і ён зразумеў: то быў хтосьці з сваіх. Адпіхнуўшы ўбок табурэтку, расчыніў дзьверы — насупроць стаяў сусед, малады хлопец Аляксей, пытаўся струбцыну, заціснуць шарнір. Ступак мусіў паданца ў свае цёмныя закуткі, шукаць струбцыну. Стоячы на сярэдзіне гаража, Аляксей пытаўся: «А што гэта — вяроўка ў вас?» — «Ды так, прывязваў нешта», — схлусіў гаспадар замагільным голасам, бы вяртаючыся з таго сьвету. Пасьля, як хлопец пайшоў, ранейшая рашучасьць яго і зусім зьнікла, засталася толькі ўсеадольная прыкрасьць. З расплюшчанымі вачыма ён праваляўся паўдня на раскладусе, а затым пабрыў да піўнога ларка, дзе доўга чакаў першага знаёмага. Ледзьве дажыў той дзень да вечару.

Сам Ступак быў чалавек маўклівы, але слухаць размовы іншых любіў, асабліва, калі размова ішла пра палітыку, ад якой цяпер залежала ўсё. Ды яшчэ ад такой палітыкі, у якой палягала ня столькі розуму і развагі, колькі цынічнага гвалту. Гвалтавала ўлада, гвалтаваў крыміналітэт, які множыўся, шчырэў, ад якога простаму чалавеку не было прадыху. Днямі ў суседнім падворку з-пад самага вакна ўкралі, праўда, няновы ўжо «БМВ», толькі што прыгнаны з Нямеччыны. Не зважаючы на надта ж шыкоўны «алярм», які гаспадар дэманстраваў цэлы вечар, тым даючы зразумець, што ня варта красці — загудзе-загалосіць. Аж не загаласіў, і ніхто не пачуў, як машыну выгналі з падворку, і яна назаўжды зьнікла. Людзі казалі, міліцыя, хто ж яшчэ так умее? Можа, і міліцыя, думаў Ступак. У пенсіянера з суседняга дому менавіта міліцыя знайшла скрадзены узімку «Жыгуль», але нумары аказаліся перабітыя, кузаў перафарбаваны і машыну гаспадару не аддалі: у міліцыі, ці бачыце, зьявіўся сумнеў. Пасьля таго, як машына паўгоду прастаяла ў міліцэйскім двары, той сумнеў зьнік, але мала што засталося і ад машыны — раскулачылі дашчэнту. Стаяў голы кузаў. Можа, і добра, што Ступак збыў да чортавай матары свой «Масквіч», менш будзе клопату і менш небясьпекі.

З прычыны безграшоўя ён амаль не чытаў газетаў, хіба калі-нікалі выпадкова, але тады кожны раз нерваваўся і расстрайваўся, ажно карцела лаяцца. Газеты хлусілі гэтак нахабна, як не хлусілі

ніколі раней пры саветах. Апроч таго, у кожным нумары — указы, дакрэты, законы і безьліч паправак да ранейшых законаў і да папярэдніх паправак, бясконцыя выступы самога, ад якіх хацелася ванітаваць. Усё ўказваў, патрабаваў, гразіўся і падманваў, — як калісьці палітрукі ў войску, як у тым Афгане. Што значыць пачатковец-міліцыянт, які дарваўся да ўлады, не накамандаваўшыся ў паліцэйскай службе, і зараз імпэтна спаганяў свой камандзірскі сьверб. І як ні дзіўна, тое шмат каму падабалася, пенсіянеры, былыя вайскоўцы-адстаўнікі, бы зачараваныя, чыталі ўсе ягоныя выступы ў газетах, усе ягоныя дакрэты, і наўрад ці што разумеючы ў іх пустазвонным шматслоўі, адабралі. «Можа, парадак навядзе» — было іх нязьменным аргументам. Хоць які ім патрэбны парадак у бяспраўнай краіне, было невядома. Наўрад ці яны тое разумелі самі.

Колькі разоў Ступак спрабаваў яго слухаць па тэлевізару, але не мог стрываць і пяці хвілінаў, сподам душы адчуваючы фальш яго начышчаных словаў, і толькі дзівіўся, як таго не адчувалі іншыя. Хоць бы і ягоная жонка. Варта было Ступаку пасярод яго выступленьня ткнуць пальцам у які іншы сенсар, пераключаючы на іншы канал, як яна кідалася да тэлевізару і вяртала ўсё на ранейшае месца. І жонка, і яе малодшая сястра гатовыя былі з замілаваньнем глядзець і слухаць яго хоць да ранку. А на Ступаковы папрокі звычайна адказвалі: як можна грэбаваць такім выступленьнем гэткага інтэлігентнага, віднага сексуальнага мужчыны? Яны проста млелі ад аднаго толькі выгляду яго заўжды старанна паголенага, напамаджаиага твару з загадкавым, амаль сакаліным позіркам, тугімі пашчэнкамі і сківіцай капылом, што лезла наперад з экрану. У такія хвіліны Ступак гатовы быў узьненавідзець увесь жаночы род, ня толькі ўласную жонку. Яго ж ён ужо даўно ненавідзеў, нутром адчуваючы фальшывую сутнасьць яго, таннае акцерства, разьлічанае на дурняў або нягоднікаў. А як ён езьдзіў па горадзе? Рух на вуліцах заміраў, даішнікі пераключалі сьветлафоры і з палкамі выскоквалі на перакрыжаваньні зганяць тых, што замарудзілі зьнікнуць з дарогі. Усё пруцянела на маставой, бы ў чаканьні канца сьвету, як здаля шалёна выскоквалі тры-чатыры чорныя аўтамабілі уступам управа ці уступам улева і сьледам за

міліцэйскай “мігалкай” на вялікай хуткасьці імчалі далей. Скрозь на іхняй дарозе кідаліся да тратуараў аўтамабілі прыватнікаў ці як іх звыкла называлі «аўтааматараў». Аднойчы Ступак замарудзіў у такі момант спыніцца са сваім «Масквічом», бо не было як прыткнуцца да тратуару, дзе стаялі аўтобусы, як даішнік каршуном накінуўся на яго, аблаяў, адабраў дакументы, за якімі пасьля давялося пахадзіць у іхнюю кантору.

Агледзеўшыся і зразумеўшы нарэшце каго абралі, мужыкі пачалі папракаць адзін аднаго за свой неразумны выбар. З такім жа правам мог папракнуць сябе і Ступак. Ён таксама галасаваў за гэтага драпежнага міліцыянта. Але як было не галасаваць ці галасаваць за ягонага суперніка, як некаторыя казалі — нацыяналіста? Той, можа, быў і неблагі хлопец, вучоны, але што б ён зрабіў з гэтым задушаным народам, які ўмеў толькі піць, лайдачыць і красьці? Які напалову складаўся з камуністаў ды камсамольцаў, а другой паловай абслугоўваў КДБ? А яшчэ той абвясьціў, што ўзаконіць прыватную ўласнасьць ды ўвядзе абавязковай нацыянальную мову, на я кую амаль усе забыліся — і ў горадзе і ў вёсцы. Ступак пачаў ад яе адвыкаць яшчэ ў войску, хоць для яго, вясковага хлопца, авалодаць як сьлед расейскай было нялёгка. Ён доўга ня мог правільна вымавіць шмат якія расейскія словы (трапка, напрыклад, за што яго так і дражнілі ў роце «Трапка»). Толькі адвучыўся ад вясковага, збольшага загаварыў, як і ўсе ў горадзе, на расейскай, як гэты вучоны-нацыяналіст зьбіраецца ўсіх перавучыць назад, па-вясковаму. Не, на тое Ступак быў нязгодны. Хай ужо вясковыя бацькі дагаворваюць свой век як умеюць, ён жа застанецца пры гарадской мове. Як начальства. Як усе навакол. Зноў жа мітынговыя пагрозы камуністам, наменклатуршчыкам ды кадэбістам. Якраз перад тым Ступака прынялі ў партыю, зьявіліся нейкія магчымасьці, і ён сьвядома прагаласаваў за міліцыянта, таксама камуніста. Праўда, тады слабенька паспадзяваўшыся, што, можа, таго яшчэ і не выберуць. Ды во выбралі — на сваю галаву.

Недзе на сярэдзіне лета, як яго асабліва дапякла нэндза, удумаў зьездзіць на вёску да бацькі. Якраз у той бок ехаў на сваім «Запарожцы» сусед Плешка, узяўся падвезьці. Выехалі раненька, па халадку, на вуліцах яшчэ было вольна ад аўтамабіляў, Плешкаў

«Запарожац» нязвыкла стракатаў рухавіком, здавалася, вось-вось пойдзе ў разнос і разваліцца. Але не разваліўся, порстка каціў па шашы. За гарадской рысай на раздарожжы ўперліся ў шлагбаум ДАІ праверка дакументаў, усё роўна, як калісьці ў Афгане. Але там ішла вайна, а тут... Пахмурыя з бессані хлопцы ў камуфляжы з аўтаматамі на грудзях прыдзірліва агледзелі Плешкавы правы, зазірнулі ў салон і ў багажнік наперадзе. Плешка нечакана для свайго ўзросту і пэўна, насуперак характару пачаў лісьліва лепятаць штось, бы падлізвацца, нібы быў вінаваты. Ступак жа адчуваў толькі злосьць, калі гэтыя малакасосы прыдзірліва, з-пад ілба азіралі яго, запасьніка-афганца, узнагароджанага баявымі ўзнагародамі. Хто яны такія? Ці стрэльнулі яны хоць раз з тых аўтаматаў па жывым чалавеку, раздражнёна думаў ён.

Пасьля, ужо на дарозе, мабыць разьмякшы на КПП, Плешка пачаў скардзіцца, як цяжка жыць. На сваю працоўную пенсію трэба яшчэ ўтрымліваць і дачку з унукамі, якая два гады нідзе не працуе. На старасьці год замест таго, каб забіваць у даміно ці сядзець з вудай над рэчкай, ён змушаны рамантаваць чужыя машыны, адбіваць пальцы на кузаўным рамонце. Але ўсё нейкі рубель на прыварак для дачкі і ўнукаў. Зрэшты, у гэтым сэнсе Плешка ня быў выключэньнем, цяпер шмат маладых жыло на жабрацкія пеней бацькоў. Ступак, едучы ў вёску, таксама меў спадзеў чым-небудзь пажывіцца ад бацькі. Ён расслаблена сядзеў побач з засяроджаным на дарозе Плешкам і, як той змоўк, пачаў гаварыць сам. Карцела пагаварыць, расказаць пра сваё набалелае. Там, ля гаражоў, гэтаму Плешку не было як слухаць, тут жа нідзе ня дзенецца, будзе слухаць, думаў Ступак.

— Кажу ім там, у ваенкамаце, што я ня сам туды напрасіўся, мяне паслалі выконваць інтэрнацыянальны доўг, а што мне за гэтае выкананьне?

— Лепш бы ты яго не выконваў, — ня надта ласкава зазначыў Плешка.

— Як гэта — не выконваў?

— А так. Болей карысьці было б.

— Каму карысьці? — чагось ня мог зразумець Ступак. — Каб ня мы, душманы захапілі б Афган.

— А чаго ім захопліваць? Ён і так іх.

— А амерыканцы? Яны б жыва селі на нашыя межы.

— І хай бы сядзелі. Нам што да тага?

— Ну, знаеш! — пачаў гарачыцца Ступак. Яму было не зразумела пярэчаньне суседа, з такім ён яшчэ не спатыкаўся.

— Во цяпер гэта Чачня,— спакойна працягваў Плешка. — У Афгане інтэрнацыяналісты, у Чачні — федэралы. А ўсё нашая моладзь гіне. Навошта яе гробіць? — разважаў Плешка, разьехаўшыся з трактарам, які валок за сабой віхлясты прычэп.

— У Чачню нашых не пасылаюць. А то б я, мусіць, зьехаў,— сказаў Ступак. – Ад жызьні такой.

— Ну і дурань! — проста адгукнуўся Плешка. — У Афгане не навучыўся?

Называецца, пагаварылі, падумаў Ступак. Гэты пенсіянер Плешка меркаваў дужа па-свойску, маладзейшыя усё ж былі інакшай думкі — што значыць розныя пакаленьні. Хаця Плешку што — ён атрымлівае пенсію, а што і дзе атрымае Ступак?

Ен добра выпіў тады ў бацькі, які жыў бабылём у крайняй ад лесу хаціне. Ды і ўсяго ў вёсцы засталося чатыры хаты, у якіх ліпелі адзінокія старыя. Каровы ў бацькі даўно не было, не было нават курыцы. Ды і навошта? У двары за плотам расло некалькі баразён бульбы, хлеб прывозілі ў суседнюю вёску за ваколіцай, давалі па дзьве буханкі на тыдзень, старому хапала. І ён не скардзіўся. Як прыехаў сын, схадзіў да суседа Петрака, прынёс бутэльку самагонкі, затым прыклыпаў і сам сьсівелы, сагнуты Пятрок. Старыя, нямоглыя, аднак, няблага выпілі з маладым, не спыняючы сваей ня дужа разумнай старэчай балбатні, калі кожны цягнуў сваё, ня слухаючы іншага. Бацька захацеў, мусіць, пахваліцца перад суседам і папытаўся ў сына, за што яму далі ордэн, такі ж самы, які і ён атрымаў у партызанку — «Чырвонай зоркі». Ступак без асаблівага ажыўленьня пачаў распавядаць.

— Ды пад Кандагарам было. Ехалі на маршы з батальёнам Краўцова, толькі калона ўцягнулася ў "зялёнку", ну духі і пачалі лупіць. Пярэдні БТР адразу палыхнуў, загарэўся, хлопцы, бы гарох, — у канавы. А я, ведаеце, сьпярша прамарудзіў, не пасьпеў выскачыць, у трэцім ехаў, а як ачомаўся, зразумеў: позна. Духі

смаляць, а ў нас устаноўка «фад» стаіць пакінутая, пасьля аказалася, першага нумара забіла, а другі зьбег. Ну я за ўстаноўку, Анціпенка таксама падскочыў, стаў памагаць, як урэзалі мы па "зялёнцы", дык тыя духі хто куды. Ураз выкурылі з зарасьнікаў, яны — у кішлак, канешне, а мы і туды перанесьлі агонь, ды з кулямётаў яшчэ, з зенітак — толькі ад дувалаў пыл хмарай да неба. Пасьля тыдзень немагчыма было праз кішлак праскочыць, так сьмярдзела, хоць процігаз надзявай. Трупы людзей ды скаціны…

— Во, дык і мы ж, гэта самае, — у працяг сынавай размовы загаварыў зап'янелы бацька. — У партызанку. Ляжым у Гразкім балоце ў засадзе, ляжым і ляжым, нікога на дарозе няма, толькі камары гудуць. Аж глядзім: едуць нямецка-фашысцкія захопнікі на фурманках. На пярэдняй немец гармонік у руках трымае, грае ці што? Але, муслць, не граў, так ехаў. Ну тут мы і ўрэзалі. Я, ці ведаеш, з ручным кулямётам быў, дык як лупану! Тыя — у канавы, а ў канаве таксама кулямёт нарыхтавалі да — па нас! А мы — па іх! А тым часам ззаду яшчэ калона падышла іхняя, ну, на падмогу. Нашыя і драпанулі. А я ж ня ведаў, што драпанулі, ды сяку іх па канаве з свайго «дзегцяра», ну і выбіў.

І тады нашыя вярнуліся па адным, камандзір Дзенісенка вярнуў. Ну і за тое мне праз паўгода — ордэн, во «Чырвонай зоркі», як палагаецца.

— Во героі! У адной сям'і бацька і сын! — п'янавата дзівіўся Пятрок.

— А што ж, яе матары! Будзе вайна — зноў пойдзем. Проціў нямецка-фашысцкіх, чачэнскіх, мерыканскіх захопнікаў. НАТА гэтае прэ на ўсход…

Бацька зусім ап'янеў, сын паклаў яго на скамячаны без прасьцінаў ложак, сам выйшаў на падворак падыхаць сьвежым вясковым наветрам. Блытаная гэта справа, вайна, думаў ён, карысьці з яе — гулькін нос. За пралітую кроў — дурацкія льготы. Як у гэтых старых — бясплатны праезд у межах раёна. Куды ўжо ім ехаць, апроч як на могілкі.

З вёскі Ступак прывёз дзясятак пазычаных у суседкі яек, кавалак ёлкага леташняга сала і думаў, у каго раздабыць на хлеб? Зноў давядзецца прасіць у Плешкі, хоць таму ён і так вінаваты

тысячаў сто. Але, можа, дасьць і яшчэ. Сядзець увесь час у расчыненых дзьвярах гаражу было сьпякотна і нудна, асабліва ў паўдзён, як над падворкам навісала пякучае сонца. Ступак тады спрабаваў зачыняцца, але рабілася і яшчэ горш, і ён мусіў замыкаць гараж і куды-небудзь сыходзіць.

Неяк у нядзелю, дабрыўшы да праспекту ў цэнтры гораду, згледзеў там штось незвычайнае, небывалае ў выходны дзень відовішча.

Найперш здалёк яшчэ ўчуліся шум, гамана, рух мноства людзей, што суцэльнай плыньню рушылі кудысь у напрамку да цэнтральнай плошчы, несучы нейкія лозунгі. Вецер угары матляў бел-чырвона-белыя сьцягі — мноства сьцягоў, аж да канца калоны, якая хавалася за перагібам вуліцы. Пачатак гэтага шэсьця ўжо мінуў перавулак, дзе паявіўся Ступак, і хто там усіх вёў, не было відаць. Поруч жа шэсьце з абодвух бакоў атачалі міліцыянты. Адны з іх стаялі ў няроўных шэрагах, іншыя (мабыць, начальства) бегалі-мітусіліся ў сваім міліцэйскім клопаце. Ступак сьпярша зьдзіўлена прыпыніўся, уражаны відовішчам, а затым нечаканая хваля ўзрушэньня падхапіла яго з тратуара і вынесла да людзей. Малады міліцыянт на краі тратуару спрабаваў заступіць дарогу, ды Ступак плячом рашуча адпіхнуў яго і выйшаў на асфальт маставой — да ўсіх. Поруч на ўсю шырыню вуліцы ішлі і маладыя, і старыя, і сярэдняга веку мужчыны з жанкамі і дзяўчатамі; твары ва ўсіх былі прыемна-сьвяточныя, без звыклай паўсядзённай змрочнасьці ці нават нярэдкай па часе жорсткасьці. Уражвала вялікае мноства нацыянальных сьцягоў, якія над людскімі галавамі паласкаў сьвежаваты ранішні вятрыска. Трохі меней было плакатаў з рознымі надпісамі, зробленымі некаторыя прафесійна, а болей ня дужа ўмелымі рукамі. Ступак, паазіраўшыся, прачытаў тыя, што былі бліжэй: «Беларусь – у Эўропу!», «Не — бальшавікам!», «Міліцэйскае пудзіла — у Менскае мора!». Якраз над яго галавой хістка калыхаўся лозунг-плакат, што нёс малады хлопец у джынсовай камізэльцы з мноствам кішанькоў: «Мы хочам есьці!». То было якраз пад настрой Ступаку – ён таксама быў галаднаваты зранку, хацеў есьці і ня меў у кішэні ніводнага «зайца». І ён пайшоў разам з усімі,— ня надта борзда ступаючы ў бязладным натоўпе, стараючыся не наткнуцца

на каго наперадзе, не ступіць на чыесьці запяткі. Грандыёзная суладнасьць людскога натоўпу надавала адчуваньне ладу і ўпэўненасьці, здавалася, гэткаю сілай яны дамогуцца чаго хочаш. А чаго дамагаліся, відно было з мноства плакатаў над галавамі. Хто мог адмовіць у законнасьці тых патрабаваньняў? Хто мог спыніць гэты шматтысячны паток гараджанаў?

Але неўзабаве паток чамусьці замарудзіў хаду, чым далей, тым болей людзі пачалі спыняцца. Некаторыя наперадзе сыходзіліся шчыльней, рух пачаў заміраць, і было невядома: чаму? Пачуліся выкрыкі нязгоды ці, можа, пратэсту, і тады Ступак здагадаўся, у чым справа. Стараючыся не штурхаць іншых, ён памкнуўся наперад, мінаючы найболей шчыльныя групы. У адным месцы прабег па тратуары пад носам у заклапочаных, спатнелых міліцыянтаў, якія таксама напружана ўзіраліся наперад. І тады яму стала відаць перашкода. Шэсьце ўперлася ў шчыльныя, бы спрасаваныя тры шэрагі АМАПу, што ад сьцяны да сьцяны будынінаў выцягнуліся ўпоперак прасьпекту.

Ён і яшчэ праціснуўся наперад, каб лепей бачыць, што там робіцца. Аднак бачна было ўсё ж няшмат, чулася гамана, мабыць кіраўнікі гэтага шэсьця спрачаліся з таўстым міліцэйскім палкоўнікам, што незразумела хрыпеў у трубу мегафону. За ім замерла сьцяна амапаўцаў — блішчастыя шчыты ля ног, шлемы-скафандры на галавах, грудзі ва ўсіх распіралі бронекамізэлькі, у кожнага чорная палка ў правай руцэ. Але што былі гэтыя шчанюкі перад аб'яднанаю сілай тысячаў, акрыленых адзінаю мэтай свае праўды? Іх можна было сапхнуць за адну хвіліну. Нехта нават і крыкнуў з натоўпу штосьці накшталт «наперад» ці што. І тады рантам людзі збоч вуліцы неяк незразумела хіснуліся, воддаль страхавіта закрычала кабета. Ступак азірнуўся — з перавулка ад пошты, клінам расьсякаючы натоўп, урэзаўся атрад амапаўцаў у касках і са шчытамі.

Гэтыя адразу ўзяліся працаваць даўжэзнымі чорнымі палкамі — малаціць усіх без разбору, хто трапляў ім пад рукі.

Натоўп калыхнуўся ў адзін бок, у другі, некаторыя кінуліся назад — пад сьцяну будынку пачтамту, але і там ужо невядома адкуль узяліся амапаўцы — ці не з дзьвярэй пачтамта. Неўзабаве іх

стала, здалося, не меней, чым дэманстрантаў, яны расьсякалі натоўп на часткі і білі, калашмацілі, валілі на асфальт людзей — мужчынаў і жанок, хапалі, камячылі сьцягі і плакаты, якімі некаторыя спрабавалі ад іх бараніцца. Над вуліцай узьвіўся бязладны, зьдзічэлы крык і лямант; жаночы плач перамяшаўся з роспачнай мужчынскай лаянкай, і невядома было, хто лаяўся. Падобна, і тыя і гэтыя.

Пасьля хвіліны зьбянтэжанасьці Ступак зразумеў, што трэба адсюль «ірваць кіпці». Ды, мабыць, зразумеў тое спазьнела. Першы ўдар гумовай палкай па сьпіне змусіў яго хіснуцца, ён спатыкнуўся аб кагось, хто ўжо ляжаў на асфальце, але ўтрымаўся, ня ўпаў і паспеў азірнуцца на таго, хто яго выцяў. За выгнутым плаксігназавым казырком у яго ўтаропіўся счырванелы ад поту твар маладога амапаўца.

У той момант новы ўдар па плячы змусіў яго аж прысесьці ад болю. Ратуючыся, ён галавой наперад кінуўся праз парадзелы натоўп — прэч ад гэтых забойцаў. Але, мусіць, ён прамарудзіў, упусціў момант, і на яго накінуліся трое ці болей у касках. Каб уратавацца, ён з усяе сілы штурхануў бліжэйшага са шчытом, які з металічным бразгатам паляцеў долу. Ступак што было сілы ірвануў па вуліцы далей — праз паблытаны ў бойцы амапаўскі шэраг у бакавы праход на суседнюю вуліцу.

Сьпярша ён бег, чуючы, як там, ззаду, лямантуе, вые і лаецца нядаўна яшчэ такое мілагучнае шэсьце і недзе за скверам равуць рухавікі міліцэйскіх «Камазаў» што, мабыць, падвозяць падмацаванне АМАПу. Ці адвозяць схопленых і пабітых. Побач абмінуў яго малады даўгалыгі хлопец у белай скрываўленай кашулі, што, азіраючыся, узрушана прамаўляў «Шакалы!.. Шакалы!..». «Шакалы!», – сказаў сабе ў думках Ступак, кіруючы сьледам па тратуары. За імі, аднак, чамусьці ня гналіся, і ён пайшоў цішэй. Поруч беглі і яшчэ людзі, што вырваліся з тае пасткі, хтось з рэдкіх сустрэчных спалохана пытаўся, стоячы пад абдзертай сьцяной: «Што там? Што?» — «Ідзі, паглядзі!» — са злосьцю кінуў Ступак пенсіянеру з радамі каляровых планак на борце пацертага пінжака. Надта балела плячо, ён ледзьве варушыў рукой, думалася, ці не

паламалі яны яму косьці? Трохі, аднак, спакайнеючы, падворкамі і пусткамі нарэшце дабрыў да свайго надворку.

На шчасьце, ля гаражоў не было нікога, мусіць, гаражнікі з раніцы разьехаліся на сваіх дачах-гародах. Ступак аднаруч ледзьве адамкнуў нутраны замок і, зашчапіўшыся, аблёг на сваю раскладуху. Самы час было расслаблена ўздыхнуць і застагнаць – так балела плячо. Але ён стрымаўся пры думцы, што яго могуць пачуць і толькі ў думках вылаяўся. Усё ж, мабыць, яго там зглядзелі, можа, хто са знаёмых, і хоць ён уцёк, знайсьці было няцяжка. Ён ведаў, што ў іх усё на ўліку: усе адрасы і прыкметы, сьведкі, стукачы, сексоты. Хіба ад іх схаваешся?

Ціха варочаючыся ад болю на рыпучай раскладусе пры зачыненых дзьвярах, ён услухоўваўся ў кожны гук-шолах знадворку. Чуў, як прыехаў на старой «Волзе» і адчыняў свой гараж Сазон. Лепей Ступак хацеў бы ўчуць траскотны гук рухавіка «Запарожца» Плешкі, ды таго не было, можа, заначуе на агародзе. Што рабіць далей, было невядома, мабыць, у гаражы доўга ня ўседзіш, паныла думаў Ступак. Зьехаць на вёску ці што? Але каб зьехаць, патрэбны грошы, хаця б на білет. Зноў жа, калі будуць шукаць, дык знойдуць і ў вёсны – гэтыя ўсё могуць. Наконт зыску яны майстры, якіх ня ведае сьвет. Ступак прыгадаў, як некалі ў войску на дзьвярах іхняй прыбіральні нехта цьвіком надрапаў «Брэжнеў — мудак». Зьявіліся сьледчыя па асабліва важных справах, паўгода вялі сьледства,ператрэсьлі казарму, перацягалі ўсіх у хітры дамок контрразведкі, а знайшлі. Прыперлі, дык сам прызнаўся — першагодак з Мардовіі пакрыўдзіўся на старшыну і надрапаў тыя два словы — на сваю галаву.

Усё ж неяк Ступак перабыў тую ноч, спаў трывожным сном падбітага птаха — то засынаў, то прачынаўся, спрабуючы як зручней уладкаваць балючую руку. Душу апякала крыўда і злосьць: што ж гэта робіцца? За што? Што ён парушыў, каму ён прычыніў шкоду? Завошта яго хацелі скалечыць? Выцялі па тым самым плячы, дзе яшчэ зеўраў сьлед-шрам ад душманскае кулі. Але ж гэтыя — не душманы, гэта ж свае. Хто ж іх так нацкаваў на мірны народ, чаму яны сталі карнікамі?

Але хто нацкаваў, было вядома. У гэтай краіне ўсё добрае і благое рабілася па камандзе аднаго чалавека. Усё залежала ад яго. Прачнуўшыся неяк пад ранак, згаладнелы і спакутваны ад болю ў плячы, Ступак раптам сьцяміў, што яго трэба забіць.

Як зрабіць тое, ён яшчэ ня ведаў, нават ня мог сабе ўявіць. Мусіць, для таго найперш трэба была зброя ці якая ўзрыўчатка. Але дзе яе ўзяць? Ад зброі залежаў і спосаб тэракту, значыць, найперш трэба зброя. Хаця б пісталет. Ці найлепш аўтамат, аўтамат Калашнікава, з якім ён ваяваў у Афгане. Ступак упершыню пашкадаваў, што сем гадоў назад прыехаў з Афгану з пустымі рукамі. Хаця ў гэтай справе там было строга: патрабавалі падпіску, што не вязеш нічога. Ды хлопцы везьлі пісталет ці гранату. Ён не адважыўся, думаў — навошта? Ён не зьбіраўся стаць кілерам, ён вяртаўся на сваю родную «паштовую скрынку», дзе рабіў нейкія штуковіны для ракетаў. Ці для космасу. Але «паштовая скрынка» накрылася адным месцам, і ён стаў беспрацоўным афганцам. Во лес сабачы…

«Ну і хай! — лежачы на сваей раскладусе, няпэўна думаў Ступак. — Кілер па крайняй меры гучыць. А то — тля! Я табе ня тля, ты яшчэ пазнаеш, хто я. Ня тое, што гэтыя дэмакраты. Наладзілі фэст, выйшлі, бы да касьцёлу. Не хапала музыкі. А ён на іх — гэтых двухногіх шакалаў у брані. Далі, аж пыл закурэў. Адлупілі, разагналі, пахапалі… Цяпер буду ць хадзіць да пракурора, апраўдвацца. Быццам пракурор не заадно з імі. Пракурор, можа, сам лупіў са шчытом, у камізэльцы. А што? Пад каўпаком не відно, не пазнаеш, хто цябе нявечыць. Усе яны — адна кодла. Не, так не даб'ешся нічога. Трэба яго стрэльнуць. А там будзь, што будзе. Чым так тухнуць, у сьмярдзючым гаражы… Здохнеш і ня хутка здагадаюцца, што памёр. Як тая бабуся з першага пад'езду, што тры тыдні праляжала ў зачыненай кватэры. Пакуль суседзі ня ўнюхалі»…

Так, яму вельмі патрэбная зброя.

Але найперш, мусіць, трэба было прыдбаць грошы. Бяз грошай нічарта ты ня зробіш, самадзейны кілер-адзіночка, нявесела думаў Ступак у ранішнім гаражным паўзмроку. Рашэньне, аднак, было прынятае, і ён не любіў мяняць сваіх нават і самых рызыковых

рашэньняў. Такі ўжо быў характар. З тае ранішняй хвіліны ў яго паявілася мэта, што стала яго неадчэпным клопатам.

Ён яшчэ ляжаў у дрымоце, як знадворку пачуўся нягучны металічны бразгат паблізу, і Ступак, счакаўшы, прыадчыніў дзьверы. Крышку ўбаку стаяла «сямёрка» дацэнта Мінкевіча, якую той меўся загнаць у гараж. З гэтым інтэлігентам у Ступака не было ніякае дружбы, бо той трымаўся бы на адлегласьці ад астатніх, асабліва ні з кім не таварышаваў, рэдка калі ішоў на размовы. І заўсёды кудысь сьпяшаўся. «Сямёрка» яго заўжды была чысьценькая, бы сьвежа памытая, хаця ўжо і ня новая, ды і сам Мінкевіч заўжды выглядаў па сучаснай модзе — з каротка падстрыжанай бародкай, у акулярах з тонкай аправай, ён зірнуў на Ступака і павітаўся. Ступак, каб пачаць размову, папрасіў закурыць, і той мусіў затрымацца ля расчыненых дзьвярэй гаража.

— Вы не маглі б мне пазычыць?

— Колькі? — спытаў Мінкевіч, з гатоўнасьцю дастаючы кашалёк. — На паўлітру?

— Трэба больш. Баксаў пяцьсот, — адважна вымавіў Ступак, аж зьдзівіўшыся сваёй адвазе.

— Ого! — шчыра зьдзівіўся дацэнт. — У мяне зарплата трыццаць баксаў у месяц.

— Дрэнна жывяцё, — паныла зазначыў Ступак. — А можа, ведаеце, каму гараж можна б загнаць?

Мінкевіч пацiснуў плячыма.

— Дайце аб'яву ў газету. Цяпер жа там вунь колькі аб'яваў. Ці папытайце ў Валынца. Ён жа займаецца аўтабізнэсам…

Валынца Ступак збольшага ведаў, той жыў у суседнім доме, нядаўна скончыў еўрарамонт кватэры, пад якую адкупіў ледзьве ня ўвесь паверх замызганай хрушчоўкі. Цяпер любавацца на яго люстраныя, з мядовым адлівам вокны ў дзюралевых рамах зьбіраўся ўвесь падворак. Унізе ля пад'езду часьцяком стаялі «Вольвы», «БМВ» ды «Мерседэсы» нярэдка з замежнымі нумарамі. Гэта быў тыповы «новы беларус», і Мінкевіч меў рацыю. Гараж варта было прапанаваць Валынцу.

Але злавіць гэтага бізнэсмэна было няпроста. Ягонага «БМВ» ля пад'езду не было відаць, у кватэру ж Ступак не пайшоў, казалі, там

заўсёды ахова. Тады ён прысеў па лаўку насупроць дзюралевых вакон багацея, трохі счакаў. Рука ўсё балела, хоць і ня так як учора. Рухаць ёй Ступак усё асьцерагаўся і, сагнуўшы, далікатна трымаў пад крысом накінутага на плечы пінжака. Як на падворку зачасьцілі ранішнія прахожыя, неахвотна падняўся і падыбаў да сваіх гаражоў. Тут, як заўжды ўраньні, ужо паявіўся Плешка, узяўся ладзіць капрызлівы «Запарожац».

— Што гэта ў цябе, — кіўнуў ён на руку, павітаўшыся.

— Ды так. Упаў.

— Выпіўшы?

На тое Ступак не адказаў, ён не хацеў нікому расказваць пра ўчарашняе, асьцерагаўся, як бы сёньня ня здарыўся працяг таго ўчора. Раз за разам ён пазіраў на падворак, каб адразу заўважыць, калі там зьявіцца міліцэйскі «Уаз». Але міліцыі пакуль не было, а Плешка, сагнуўшыся над задам «Запарожца», калупаўся ў рухавіку.

— Што — помпа? — паспачуваў Ступак.

— Помпа, хай яна згарыць. Каторы раз ужо, сказаў Плешка і, азірнуўшыся, цішай заўважыў: — Чуў, што ўчора на прасьпекце было?

— А што? — прастадушна папытаўся Ступак.

— Кажуць, лядовае пабоішча. Менчукоў з псамі-рыцарамі.

— В ось як?

— Што ж думаеш: паўтары тысячы АМАПу. Ды міліцыя. Ды ўнутраныя войскі. Сіла!

— Сіла! — пагадзіўся Ступак.

Гэты Плешка заўжды пачынаў так — быццам бы на баку ўлады, мог нават мацюгнуць дэмакратаў, але свае сапраўдныя адносіны запасіў на канец. Прыхінуўшыся да крыла аўтамабіля, азірнуўся і нягучна паведаміў:

— Кажуць, сам лупіў. Палкай. Пад каскай амапаўца. Во драпежнік!

— Драпежнік, — міжволі пагадзіўся Ступак. Уласных адносінаў да таго ён раскрываць не хацеў.

Усё ж паведамленьне Плешкі ўзрушыла Ступака, сьпярша ён нават не паверыў у тое. Але затым, разважыўшы, падумаў: а можа, і праўда. Ад гэтага можна было чакаць усяго, і вельмі нават

магчыма, што найбольшаю асалодай для яго самому паўдзельнічаць у эфектыўнай паліцэйскай акцыі. Адчуць азарт расправы — як драпежнік над сваей ахвярай. Ступаку нават здалося, што той, хто лупіў яго па параненым плячы, мог быць менавіта сам. Краем вока ён нават згледзеў падобнага — з азвярэлымі вачыма, вусатага. Хаця вусатых там было шмат.

Пакінуўшы Плешку ля ягонага «Запарожца», Ступак пайшоў па падворку да суседняга дома і яшчэ здалеку убачыў там чорную "БМВ» ля другога пад'езду. Ён прыспешыў крок, сапраўды, то была машына Валынца, а ля яе і сам гаспадар, які толькі што выйшаў з дзьвярэй. То быў маладжавы яшчэ чалавек у дарагім двухбортным гарнітуры, пры даўжэзным гальштуку; ён паклаў на задняе сядзенне кейс і расчыніў пярэднюю дзверцу. За рулём чакаў малады шафер з бычынай шыяй і выстрыжанай патыліцай.

— Можна вас на хвілінку, — гукнуў Ступак. Валынец з незадаволеным выразам твару прытрымаў дзьверцу, Ступак падышоў бліжай і стрымана павітаўся.

— Прадаю гараж. Ну той, металічны. Купіце? Напружаньне на холеным твары Валынца разам зьмякчэла, здаецца, той зразумеў і дзелавіта кінуў:

— Колькі?

— Ну гэта... Тысячу.

— Даю пяцьсот. З вывазам.

Пяцьсот, канешне, не тысяча, але тут не гандаль, тут прадажа, падумаў Ступак, адчуваючы, што ягоны пакупнік дужа сьпяшаецца і вось-вось сядзе ў машыну. Другі раз наўрад ці яго засьпееш.

— Ладна, што ж...

Валынец з унутранай кішэні пінжака дастаў кашалёк і спрытна вылузнуў з яго тры стодаляраныя купюры.

— У якасьці задатку.

— Толькі асвабаджу ў канцы месяца,— вінавата зазначыў Ступак.

Тады атрымаеш астатнія. Усяго добрага. Валынец схаваўся ў сваю чорную «БМВ», якая імкліва рванула з месца, а Ступак пастаяў яшчэ, ня ведаючы, радавацца ці ня надта. У руцэ ён трымаў трыста баксаў, тое было для яго багацьце. Але ж ён траціў апошні прытулак.

Дзе было прыткнуцца, калі ягоны куратнік пярэйдзе гэтаму бізнэсоўцу?

А зрэшты, можа, тады ў прытулку і ня будзе патрэбы. Пра прытулак паклапоцяцца іншыя.

Тым жа ранкам ён разьмяняў у вулічным абменным пункце першыя сто даляраў, накупіў у гастраноме харчу: два белыя батоны, кавалак каўбасы і гронку жоўтых бананаў, якія прадаваліся на кожным рагу. Сьпярша добра пад'еў у гаражы на адзіноце, — Плешка ўжо некуды зьехаў, і ля гаражоў не было нікога. Пасьля сухога сьняданку зьявілася смага, але ён падумаў, што вып'е піва пасля, як будзе ісьці на базар. Напружана думаючы наконт зброі, ён усё ж вырашыў наведаць базар, дае ён не быў з самай вясны. Не было патрэбы ды й грошай. Цяпер жа зьявілася тое і гэта, і ён ня стаў траціць час.

Ашчаджаючы балючую руку, можа, з гадзіну ён швэндаўся між тлумных гандлёвых радоў, заваленных розным таварам — харчам, гароднінай, а таксама адзеньнем, рознай драбязой і начыньнем. Усё, што прадавалася, было раскладзена на прылаўках, століках, а таксама ля ног на асфальце, на газецінах ці проста выглядвала з расхінутых гаспадарчых сумак. Тавару было безьліч, здавалася, тут можна знайсьці ўсе. Але тавары яго цікавілі мала, ягоны інтарэс палягаў у іншым, і ён разумеў, што тое іншае на прылаўках ня згледзіш. Ён болей прыглядваўся да твараў — прадаўцоў і пакупнікоў, што ў цеснаце і штурханіне мітусіліся побач, выбіраў сярод іх пэўны тып – маладога, засяроджанага ў сабе чалавека, можа "афганца" або "чачэнца".

У гэтых якраз і можна было нешта здабыць. Зброю ці наркоту. Неяк яшчэ зімой ён прыходзіў сюды з жонкай па бульбу і ў аднаго чарнявага, з выгляду каўказца, прыцаніўся да яго жоўтых гранатаў. Калі той назваў цану, пажартаваў: «Ого, бы лімомкі». «То фрукты, а не лімонкі – крыўдліва паправіў гаспадар. – Лімонкі дзешавей будуць. «А што, ёсць і лімонкі?» — жартам пацікавіўся Ступак. «Знойдзем, калі трэба», — хітравата падміргнуў каўказец. Тады Ступаку лімонкі не былі патрэбны, але во цяпер…

Аднак жа, чаго трэба, менавіта таго і не бывае ў гандлі. Нават і на базары.

Дарма і доўга ён швэндаўся ў гаманкім базарным натоўпе, так і ня ўбачыўшы нічога здатнага. Пытацца ж у каго не наважыўся, адчуваў, нямала тут шылася і таптуноў, пераапранутых міліцыянтаў, кадэбэшнікаў, людзей са службы бяспекі, якімі цяпер кішэлі вуліцы, вакзалы ды і базары таксама. Мабыць, тыя парадваліся б, калі б спазналі, што побач шляецца кілер, шукае зброю. Хаця і без таго можна было проста і здорава ўліпнуць, калі б яго апазналі як удзельніка нядаўняй стычкі. Але во пакуль не пазналі, мабыць, там, на прасьпекце, ня сталася знаёмых. Ля піўнога ларка ён нядоўга пастаяў у чарзе, выпіў цеплаватага піва, ледзьве ўтрымаўшы цяжкую куфлю ў хваравітай руцэ, якая ўсё балела, асабліва ў плячы. Выпівох тут было нямала, але ўсе звычайныя півасёрбы, якія прагнулі адно захмялець. Такіх жа, у каго можна было нешта здабыць, здаецца ўсё не траплялa. І ён думаў, што, мусіць, ня так гэта проста прыдбаць зброю. Пісталет ці лепей славуты АК. Увесь сьвет завалены гэтым Калашнікавым, з ім ваююць цэлыя арміі, робяцца ўрадавыя перавароты, скідваюць і ўсаджваюць дыктатараў. А тут во, на ягонай радзіме, калі спатрэбілася, нават за баксы ня знойдзеш. Да чаго адсталая краіна, зласьліва думаў самадзейны кілер.

Краіна, можа. і была адсталая, але не былі адсталыя яе сьпецслужбы, і Ступак ведаў гэта. Ва ўсякім разе на рынку ён так і не наважыўся нават запытаць у каго-небудзь пра сваю патрэбу і надвячоркам прыбрыў дадому. Дзьверы аж трох гаражоў былі расчыненыя, але машынаў перад імі не было відаць, значыць, аўтамабілісты нікуды не сьпяшаліся. Два з іх — Сазон Іванавіч і малады хлопец Аляксей стаялі каля Плешкавага гаража. Ступак насьцярожана падышоў да іх, здаецца, тым перапыніўшы размову, і ён падумаў: ужо ці не пра яго шла гаворка? Але, мабыць, не пра яго.

— Ну, Мінкевіч у бэнээфе, мужыкі казалі, — гучаў з гаража Плешкаў голас. Іншыя два маўчалі. Памаўчаў і Ступак.

— То-то, гляжу, по-белорусски разговаривает, – не зразумець з захапленьнем ці асуджаючы, сказаў сівагаловы Сазон Іванавіч. — Нацдем!

— Размаўляе, як хоча, — азваўся Плешка.

— Э нет, не как хочет. Это у них установка такая, в бэнээфе, чтобы другие не поняли.

— Ты ж во панімаеш, – выглянуў зза «Запарожца» Плешка.

— Не понимаю и понимать не хочу! — выказаўся Сазон.— Я русский человек и русским умру.

— Ну а ён, можа, беларусам хоча памерці, – упарта пярэчыў Плешка.

Той Мінкевіч ня быў тут нікому сябрам, быў проста суседам ня болей, і Ступак ставіўся да яго спакойна. Але і Сазон не выклікаў у яго вялікай сімпатыі, **бо** амаль заўжды быў злы і заняты. Хаця на цяперашнім часе тое было не навіна, шмат хто злаваўся і раздражняўся, але ўсё ж неяк стрымліваўся. Сазон жа адкрыта і голасна наракаў на жыцьцё, развал СССР, апошнімі словамі пляжыў «агента ЦРУ» Гарбачова і часьцяком бегаў у адноўленны райкам партыі, дзе ва ўсю ішла палітычная мітусня камуністаў. Галоўнай прапагандовай сілай там былі ветэраны вайны, пенсіянеры ды адстаўныя чэкісты.

— Придумали еще нацию — белорусы! — крыху цішэй бурчэў сам сабе Сазон. — Чтоб русским кислород перекрыть.

— Але ж Мінкевіч дэмакрат, ён несупроць іншых — ціха азваўся Аляксей, які да таго зважліва маўчаў побач.

— Демократы! Дерьмократы проклятые, — **ска**заў і смачна вылаяўся Сазон. — Все за доллары работают. Под американский заказ!

— Ня ўсе, — стану на сваім ціхманы Аляксей. Ступак павярнуўся і пайшоў на падворак. Ён знарок не прыняў удзел у гэтай размове. Раней, можа б, што і сказаў, але не цяпер. Цяпер у яго былі справы болей важныя, чым драць горла ў спрэчцы з гэтым замшэлым бальшавіком, і ён не хацеў раскрывацца да часу. А можа, наадварот, трэба было маскіравацца, сказаць што-небудзь у падтрымку Сазона. Але тое крывадушна было Ступаку агідна, зноў жа ён не хацеў крыўдзіць і Аляксея, які ўвогуле яму падабаўся сваёй не характэрнай для цяперашней моладзці сьціпласьцю. Сьціплы надзвычай быў і ягоны дзед, пасьля сьмерці якога перайшоў да ўнука гэты праіржавелы гараж. То быў слаўны стары, былы

партызан-падрыўнік, меў шмат узнагародаў, якіх ніколі, аднак, ня бачылі на ягоных грудзях.

Аднойчы ў дзень перамогі запыталіся, чаму ён ня носіць ардэноў, на што стары адказаў: «На падушках панясуць перад труной». Сталася ж трохі інакш. Пакуль дзед хварэў, тыя яго ўзнагароды пасьпеў прадаць скупшчыку старэйшы ўнук-наркаман. Так і пахавалі партызана без аніводнай узнагароды.

Ступак ведаў, што ў такіх далікатных выпадках лепей маўчаць, хоць бы дзеля перастрахоўкі. У шматмільённых шэрагах сэксотаў нямала і гаваркіх, і маўклівых, нахабных і сьціплых, дурнаватых і надта ж разумных, – самы шырокі выбар. Навербавалі за семдзесят гадоў. У іхнім палку перад адпраўкай у Афган ці ня ўсіх па чарзе перацягалі ў хітры дамок, што мясьціўся паміж казармай і прыбіральняй – крышку праўда, у баку, дзеля камфорту, каб ня дужа сьмярдзела. Хаця там стаяў смурод іншага кшталту. На каго было спадзявацца?

Удзень у гаражы было дужа сьпякотна, затое ўначы і ўранку самы раз. Лежачы ў зацішны час на скрыпучай раскладусе, Ступак часам шкадаваў, што зрабіў гэтую авантуру – прадаў гараж, які стаў ягоным адзіным прытулкам. Але штось перайначыць, мабыць, было ўжо позна. Першую сотню баксаў ён хутка патраціў, збольшага на ежу, і ўвесь час на адзіноце думаў пра сваю патрэбу: дзе раздабыць зброю?

На гарадской ускраіне за чыгункай некалі быў немалы гарнізон – вайсковая вучэльня, казармы і палігон; там некалі навабранец Ступак пачынаў вайсковую службу. Паблізу, каля прахадной і па шашы заўжды таўкліся вайскоўцы, афіцэры ды прапаршчыкі, сярод якіх калісьці было нямала знаёмых.

Асабліва сярод прапаршчыкаў. Але гэта калісь. Цяпер жа, пасьля скарачэньня арміі, развалу СССР ды ці мала чаго яшчэ, наўрад ці хто знаёмы застаўся. І ўсё ж, не надумаўшы нічога больш здатнага, Ступак вырашыў наведацца на тую грамадскую ўскраіну. Ня дужа пагодным ранкам, пасьля начнога дожджыку, як яшчэ не абсох асфальт, ён сеў у тралейбус, даехаў да кальцавой дарогі. Пасьля перасеў у аўтобус, які і давёз яго да знаёмага прыпынку. Дзіўна, але і праз дзесяць гадоў тут мала што зьмянілася — гэтак жа

на кіламетр цягнулася ўздоўж шашы бетонная сцяна, з-за якой нясьмела назіралі на сьвет верхнія паверхі казармаў, чырванелі пяціканцовыя зоркі на шырокіх варотах прахадной, ля якой стаяў вартавы з аўтаматам Калашнікава на грудзях. (Вось бы яму такі аўтамат, хаця б з адным магазінам.) Часам да прахадной і адтуль таропка сноўдалі афіцэры, салдатаў не было відаць. Як не было відаць ніводнага прапаршчыка— вывеліся яны ў беларускім войску ці што? Пытацца пра што-небудзь у афіцэраў ён не наважыўся, а ў прапара, мабыць, ужо папытаўся б. З гэтымі, мабыць, можна было б паладзіць. А так з гадзіну патупаў уздоўж агароджы, каб згледзець якую дзірку ці якога самавольшчыка каля яе, ды марна. Затым пастаяў на прыпынку, накуль не падышоў аўтобус, абышоў рад шапікаў з рознай драбязой. Нідзе нічога здатнага яму не трапілася, і ён вярнуўся ў горад.

Зброі ў яго не было і пакуль невядома было, дзе яе ўзяць, а ў галаве ўжо мроіўся той самы рашучы і важны момант, да якога ён рыхтаваўся. Ведаў, аднак, тое будзе не проста, нават складана і дужа небяспечна. Але калі зрабіць усё, добра абдумаўшы, рашуча і хутка, дык вельмі нават магчыма. Галоўнае падлавіць момант, — на дарозе, на вуліцы ці лепш, калі выйдзе з машыны. Выходзіць жа ён каля свайго палацу ці дзе на прадпрыемствах, на будоўлі, куды ён сноўдае час ад часу. Або яшчэ — на спартовых комплексах, дзе ён звыклы і часты госць і ўдзельнік, бо дужа паважае спорт і клапоціцца пра свае здароўе. Каб там падлавіць…

Рука стала балець меней, праўда, яшчэ аддавала ў плячы, асабліва пры рэзкім руху локцем угору. Кепска, што ішоў час, і з ім раставалі яго грошы, набытку ж ад іх не было ніякага, усё ішло на харч. Ноччу яму часьцяком сьнілася нешта з яго дзённых мрояў, толькі той яго супраціўнік з выгляду быў нібы мядзьведзь — таўсты і касматы. Ступак цаляў у яго з пісталету, але пальцы нібы зьмярцьвелі, ён ня мог ціскануць на спуск, а страшыдла набліжалася. Тады ён кідаўся ўцякаць, ды ногі рабіліся, нібы з ваты, ён ня мог бегчы, а страшыдла было ўжо побач. На мяжы магчымай пагібелі нешта ўсё ж перайначвалася, пачынаўся іншы сюжэт, таксама мала прыемны, але без ранейшага жаху. Ноччу ён часта прачынаўся ў сваёй металічнай схованцы, асабліва як у двор

уязджала машына і фарамі высьвечвала гаражныя шчыліны каля дзьвярэй, тады ўспыхвала трывожная думка: ці не па яго? Ці не разьнюхалі што? Можа, з таго памятнага шэсьця, калі яго пабілі, штосьці дазналіся і прыехалі браць. Тады хлынала шкадаванне і прыкрасьць на сябе – што не пасьпеў, прамарудзіў, прашляпіў. Аднак ішоў час, а да яго ніхто не завітаў, і тое абнадзейвала. Мабыць, усё ж яго праваронілі.

Затое не праваронілі наконт іншых, мабыць, працавалі як мае быць, не дарма елі свой міліцэйскі хлеб. Неяк уранку, калі ён яшчэ ляжаў пад брызенцінай на раскладусе, у дзьверы ціхенька пастукалі — раз і другі. Ён падхапіўся, падумалася: ці не дачка, якая ні разу яшчэ не прыйшла да яго ў гараж. Але то была не дачка — на ўваходзе, як ён адчыніў дзьверы, стаяў Аляксей, які зважліва папытаўся:

— Ну, чулі навіну?

— Якую?

— Мінкевіч гараж прадае. Разам з машынай.

— Чаго ж гэтак?

Аляксей азірнуўся, але не пераступіў парог гаражу.

— Аштрафавалі. За дэманстрацыю. На шэсьцьдзесят мільёнаў.

— За тую?

– Ну. Быў арганізатарам ад БНФ. Дык затрымалі, суд і во — штраф.

– Нічога сабе! Шэсьцьдзесят мільёнаў... Ступак, канешне, падзівіўся і ціха пры сабе парадаваўся, што тады пашчасьціла неўпрыкмет вывернуцца ад амапаўцаў, высьлізнуць з іхніх рук. Усе ж нездарма афганец, мае сякі-такі вопыт, ня тое што гэтыя шпацыроўшчыкі па асфальце. Добра, што ён ня быў зьвязаны з БНФ, тое давала яму засьцярогу. А гэты Аляксей, мабыць, штось меў, інакш бы так не ўстрывожыўся той навіной пра Мінкевіча. Што яму тэты Мінкевіч — брат ці сват? І ўсё ж Аляксей сімпатычны хлопец, не балабон, можа б, варта параіцца з ім пра галоўны Ступакоў клопат? Але не, разважыў Ступак. Толькі тое ў сакрэце, што ведае адзін чалавек. Калі два, лічы, ніякага сакрэту няма. Гэта ўжо ведаў ён добра.

А можа, варта было скантактаваць з Мінкевічам? Усё ж калі бэнээфавец, дык, мабыць, не сексот, не пабяжыць вечарам на даклад да "кума". А можа, і пабяжыць? Што ў бэнээфе няма сексотаў? Паленаваліся, не навербавалі? Не, гэтыя не лянуюцца...

Той дзень з раніцы ішоў дождж, было халаднавата, і Ступак, прычыніўшы жалезныя дзьверы, бавіў час у ляноце. Самы раз было б выпіць, хоць для сугрэву, але не было гарэлкі, а ісьці пад дажджом у гастраном ён без парасону не наважваўся. І ён злосна думаў пра жонку-паскуду, якая, выганяючы з дому, не кінула яму якой апранашкі. Усё ж ён ён пакінуў кватэру, здабытую па льготах як воін-інтэрнацыяналіст, а яна чым аддзячыла? Хоць бы прыслала калі дачку ў адведзіны, дык не — трымала ў кіпцюрах пакорлівае дзяўчо, запалохала зьверам-бацькам, які во каторы месяц жыве сапраўды нібы зьвер у гэтай жалезнай бярлозе. Ды і добра, калі б ён быў зьвер. Ён хацеў быць зьверам, калі б атрымалася. Зьверу цяпер, мабыць, лепш, чым чалавеку. Такі настаў час.

Ён адразу пачуў, як побач забразгалі замкі ў гаражы Мінкевіча. Ступак падхапіўся з раскладухі і паволі выйшаў з дзьвярэй.

— Кажуць, і вы прадаеце? — запытаў, павітаўшыся. Апрануты ў спрытную джынсовую куртку Мінкевіч ускінуў на яго заклалочаны твар, з-за тонкіх акуляраў зірнуў на суседа.

— Прыходзіцца.

— Чаго ж гэта?

— Каб заплаціць штраф.

— І вялікі штраф?

— Па максімуму. Дзьвесьце мінімальных зарплат.

— Ё-маё! І будзеце плаціць?

— А што ж рабіць? Апішуць маёмасьць... Мінкевіч казаў тое амаль спакойна і разважліва, нібы пра што звычайнае і паўсядзённае, бы і не перажываючы. Можа, перажыўшы ўжо. Расчыніў насьцеж абедзьве палавіны дзьвярэй, зашчапіў на кручкі ў доле.

— І думаеце адкупіцца штрафам?

Мінкевіч выпрастаўся, павярнуўся да яго і ўздыхнуў.

– Штрафам, канешне, не адкупішся. Ад гэтага рэжыму наогул нічым адкупіцца немагчыма. Трэба ўзьнімаць народ, падвышаць ягоную самасьвядомасьць.

— Самасьвядомасьць! Вы — самасьвядомасьць, а ён — сто тысяч АМАПу. Чыя возьме? — запытаўся Ступак і змоўчаў, чакаючы, што скажа на тое адукаваны дацэнт.

— Што рабіць! — азваўся той пасьля паўзы. — Наогул дэмакратыя ў барацьбе з таталітарызмам ня мае адэкватных сродкаў.

— Гаўно тады вы, а не дэмакраты, — ціха, без злосьці сказаў Ступак і пайшоў да свайго гаражу.

Як узьнімаць народ, ён ужо бачыў, сам ледзьве не апынуўся ў ролі ўзьнятага, сьпярша было нават прыемна, неяк нават сьвяточна. Але як іх лупанулі гумовымі «дэмакратызатарамі», дык тэты народ, бы статак вераб'ёў, пырхнуў з вуліцы. Аж пыл закурэў. На тым баку — сіла, войска, міліцыя, КДБ, сотні тысячаў сексотаў, жалезныя кіпцюры «вертыкалі». Апроч таго суд, пракуратура і нават адвакатура, новы дэкрэт пра якую толькі што надрукавалі, — усё ў ягоных руках.

Тая кароткая гаворка з Мінкевічам яшчэ больш умацавала Ступака ў ягоным намеры — толькі такім чынам, як ён задумаў, і можна нешта зьмяніць у іхнім бядотным становішчы. На сілу патрэбна сілай. На гвалт — яшчэ большым гвалтам. Інакш кранты ўсім — і бэнээфаўцам, і афганцам, і камуністам. Каб дамагчыся царскай улады, гэты не спыніцца ні перад чым. Пасьля царскай захоча імператарскай і так удалей аж да сусьветнага панаваньня. Нахабства ў яго хопіць. Асабліва яшчэ, калі яго падтрымаюць. А гэткіх заўсёды падтрымліваюць, бо яны — сіла. Не, трэба ад яго ратавацца. І ён, афганец Ступак, — наратоўца, якім ён сам прызначыў сябе. Ну і што, што сам? Паратоўца-кілер, такога, можа, і не было. Ён будзе першы.

Але зброі ў яго ўсё ня мелася, а баксы ў кішэні раставалі — праз дзень давялося разьмяняць і другую сотню. Як ён ні эканоміў, стараючыся есьці радзей, болей хлеб з салам, але цэны ў гастраноме кожны дзень скакалі ўгару. Людзі ажно стагналі ўранку, убачыўшы новую цану на хлеб, кефір, малако, якіх, мяркуючы па ўсім, пачалі

прывозіць у магазін менш, чым раней; пад вечар ужо нельга было купіць нават хлеба. Затое надвячоркам праз расчыненыя вокны і форткі разносіўся па падворку знаемы, з хрыпатой голас, поўны пахвальбы, абяцанак, пагрозаў да апазіцыі, праклятых бэнээфаўцаў, якія пляжылі ўсе ягоныя планы ашчасьлівіць народ. Народ жа ў яго заўжды быў слаўны, шаноўны і гераічны, які заўжды рабіў правільны выбар і не памыляўся, — не памыліўся і цяпер, адзінадушна абраўшы самага мудрага кіраўніка. Аднак тое ўжо пераставала дзейнічаць на большасьць слухачоў, і калі яшчэ нешта натхняла іх, дык хіба паведамленьні пра чарговыя выкрыцьці ў органах улады, зьняцьці і нават пасадкі высокіх чыноў. Але не надоўга, бо жыцьцё ад таго не рабілася лягчэй, і тады зноў патрабавалася выкрываць ворагаў, шпіёнаў, вядомых эмігрантаў і некаторых дыпламатаў — агентаў ЦРУ. Суседзі ля гаражоў ужо не абмяркоўвалі палітыку самога, а толькі лаяліся. І нават цвёрдакаменны камуніст Сазон Іванавіч і той усчаў бэсьціць самога, хаця гэта, мусіць, таму, што кампартыя раскалолася на дзьве, кожная з якіх усчала барацьбу з суперніцай. Цягавіты Плешка проста прымоўк, толькі паныла курыў, і калі аднойчы Ступак паспрабаваў пагутарыць з ім, махнуў рукой — то ваш клопат. Мне ўжо таго — ня шмат засталося…

Увесь час думаючы пра зброю і прыглядаючыся да людзей, знаёмых і выпадковых сустрэчных, Ступак цэлымі днямі швэндаўся па горадзе і калі-нікалі забрыдаў у цэнтр да рэзідэнцыі самога. Доўга стаяць там ці шпацыраваць навідавоку ў цывільных таптуноў ды міліцыянтаў было немагчыма, і ён дзелавым крокам, з заклапочаным выглядам тэпаў па адной вуліцы, пасьля па другой, скоса назіраючы за тым, што рабілася каля палацу. Пад'ездаў там было некалькі, і ўсюды тырчэла ахова — у міліцэйскай форме і ў камуфляжы; унутры таксама, мабыць, былі вартавыя, туды было не паткнуцца. Але існці непадалёк па вуліцы пакуль што не забаранялася, і Ступак усё меркаваў-думаў: як бы падлавіць пэўны момант…

Аднойчы ён, здаецца, патрапіў менавіта на такі момант. Хоць і быў з голымі рукамі, але што-ністо згледзеў, ідучы ад метро па вуліцы ўніз. Толькі мінуў сьветлафорны пераход, як пачуў рэзкі рух

ззаду то немаведама адкуль выскачылі адзін за адным аж тры аднолькава чорныя аўтамабілі замежных марак, порстка падкацілі да прыступкаў галоўнага пад'езду – адна бліжэй да дзьвярэй, іншыя — далей, мусіць, каб прыкрыць першую ад вуліцы. З першых высыпался чалавек дзесяць у камуфляжы, з аўтаматамі і адразу раабегліся абапал прыступкаў. Адначасна з апошняй машыны таропка выскачыў рослы чалавек у шэрым гарнітуры і між ахоўнікамі порсткім крокам шыбануў да дзьвярэй. Тыя нібы самі сабой расчышліся і тут жа ляснулі ззаду за ім. Усё тое заняло некалькі секунд, за якія пешаход Ступак зрабіў усяго дзесяць крокаў.

Ён згледзеў ня шмат, аднак, то было досыць карыснае назіраньне, мабыць, кожны кілер нямала зразумеў бы з яго. Найперш тое, што ўсё трэба рабіць дужа хутка і нахабна, ня здрэйфіць у самы апошні момант, нават калі самому будзе не ўратавацца. Як ён ня здрэйфіў пад Кандагарам, калі іншыя здрэйфілі пад душманскімі кулямі. Затое ён атрымаў ордэн. Шкада, не ўдалося тады збочыць з дарогі, каб зірнуць на вынікі свае працы — хутчэй пагналі наперад. Па трафеі, як заўжды, завіталі тылавікі, якія, казалі, нямала там пажывіліся.

Адышоўшы на пару кварталаў ад рэзідэнцыі самога, ён зайшоў у магазін гародніны. Той быў завалены экзатычнай гароднінай — ад бананаў да авакадаў. Ён жа хацеў купіць агуркоў, ды агуркоў тут не прадавалі, і ён павярнуў назад. Толькі вышчаміўся з цесных дзьвярэй магазіна, як сутыкнуўся з мажным маладым мужчынам у моднай цяпер уніформе колеру травянога сьмецьця, з камандзірскай папругай на круглявым жываце. Ступак зірнуў у ягоны твар і аж схамянуўся: то быў Шпак, колішні яго афганскі знаёмец, з якім ён не спатыкаўся, можа, год восем.

– Ступак, прывітаньне!

– Прывет…

Яны саступілі трошкі ўбок, каб не замінаць прахожым, і Шпак прытрымаў у сваёй ягоную руку, тым даючы зразумець, што рады гэтай сустрэчы. Заняты ўласным клопатам Ступак увогуле быў да яе абыякавы — што яму колішні ягоны службовец, ці мала іх прайшло

і забылася, не сустрэтых болей у жыцьці. Але, відаць, Шпак быў іншае думкі і не сьпяшаўся разьвітвацца.

— Гляджу, адразу і не пазнаў нават. Пахудзеў неяк...

— А ты, гляджу, паспраўнеў, — сказаў Ступак, пазіраючы ў цьвярды, сьвежа паголены твар Шпака. Свой твар ён не галіў, мабыць, з тыдзень.

— Дык як жывеш? Што робіш? Можа, прадпрымальнікам задзелаўся, бабкі зьбіваеш?

— Не, не задзелаўся. А ты? Ужо, мабыць, ня служыш? — пацікавіўся Ступак, павёўшы позіркам па яго новай ладнай уніформе, грубых башмаках на тоўстай падэшве.

— Ведаеш, служу, — раптам сказаў Шпак.

— Во як! — шчыра зьдзівіўся Ступак. — У кагэбэ?

— Не, не ў кагэбэ. Бяры вышэй.

— Куды ўжо вышэй?

— А ёсьць куды. Слухай, а ты гэта... Які твой тэлефон? Трэба б сустрэцца, пагаварыць.

— Тэлефон? — прамовіў Ступак, адчуўшы пэўную няёмкасць пры думцы пра тэлефон, да якога ён даўно не падступаўся. Але Шпак ужо расчыніў свой кейс і нарыхтаваўся запісваць у блакноце, і Ступак назваў свой ранейшы тэлефон, якім цяпер карысталася жонка.

— Я табе пазваню.

— Звані, калі хочаш.

Яны разьвіталіся, і Ступак пайшоў сабе далей, разважаючы, што усё ж д'ябал ці лёс сапраўды дзеляць няроўна. Нават іх, афганцаў, што выжылі ў той дзесяцігадовай вайне, быццам бы штось заслужылі, ды апынуліся ў надта розным становішчы. Ён, ардэнаносец Ступак, вярнуўся на сваю «паштовую скрынку», як і раней, укалваць станочнікам, а гэты прапаршчык Шпак, што праседзеў два гады у Кабульскай камендатуры, глядзі куды сігануў. Вышэй, чым у КДБ. У Ступаковым разуменьні вышэй, чым усемагутны КДБ, не магло быць нічога, ні ў войску, ні ў мірным жыцьці, дзе непадзельна і таемна верхаводзіў КДБ. Усё вайсковае і цывільнае начальства прызначалася толькі ім ці з ягонай згоды, абмінуць у жыцьці «органы» не было дадзена нікому. Значыць,

прапаршчык каменданцкае роты Шпак быў ім болей прыдатны, чым прапаршчык дэсантнага багальёну Ступак, і кожны атрымаў паводле заслугаў. Такі вось іхні афганскі лёс. Ну але хай! Хутка стане нядома, хто чаго сапраўды варты, нявесела суцешыў сябе Ступак.

Ягоны клопат, аднак, упарта не адпускаў яго ад пэўных думак пра зброю. Ён яшчэ два разы хадзіў на базар, аднойчы прашвэндаўся там да закрыцця і пасьля яшчэ пахадзіў па задворках, сярод прыезджых грузавікоў і легкавых машынаў; доўга стаяў ля піўнога ларка, для выгляду смакуючы піва. А сам слухаў, прыглядаўся. У аднаго каўказца нават папытаўся, нібы жартам, ці няма пушкі? Але той адразу ж спалохана шаснуў ад яго — бокам, бокам і далей. Можа, гэты гандляваў наркотай і, магчыма, прыняў яго за пераапранутага міліцыянта. Таксама было небясьпечна, каўказцы маглі і прышыць.

Вяртаўся з базару позна, як летняе сонца спаўзло за невысокія дахі хрушчовак і ўвесь падворак тануў у глухой засені. Ён ціха брыў да свайго гаражу, пазіраючы на колішнія свае вокны на пятым паверсе, дзе цяпер раскашавала ягоная жонка-банкірка. Злосьці на яе ў яго не было, хоць і не зьнікала застарэлая крыўда — яна там з генеральным дырэктарам, на мяккай тахце, з ваннай і халадзільнікам, а ён туляецца ў цесным гаражы, харчуецца абы як, за усё лета не памыўся нават над душам. Ён уласнай крывёй заслужыў тую кватэру, а яна дарма карыстаецца ёю. Дзе справядлівасьць?

Яшчэ здаля згледзеў ля дзьвярэй свайго гаража дзяўчынку, дачку Ленку, якая раз-пораз стукала маленькім кулачком ў жалезныя дзьверы, ніба там хто зачыніўся. Калі ён падышоў, яна нават не ўзрадвалася тае сустрэчы і, мабыць, каб хутчэй разьвітацца, сунула ў ягоныя рукі пакамечаную паперку.

— Дзядзя сказаў, каб пазваніў.

У паперцы былі шэсьць лічбаў тэлефону і ўсё. Ленка пабегла да маці, а ён стаяў, думаў: хто б гэта мог быць? Але тады прыпамятаў нядаўнюю сустрэчу са Шпаком — няйначай то ён. Значыць, штосьці прысьпічыла каменданцкаму прапаршчыку.

Каб пазваніць з аўтамату, патрэбна была магнітная картка, якой Ступак ня меў — не купляў прынцыпова, бо нікому званіць не

зьбіраўся. А дадому ў сваю кватэру дачка не запрасіла, мусіць, так распарадзілася жонка. Што ж, пасьля ўсяго, што здарылася, ён туды і ня пойдзе. Ужо на зьмярканьні ля гаражу зьявіўся на сваім «Запарожцы» Аляксей, у якога Ступак пазычыў па дзесяць хвілінаў ягоную картку і выйшаў да аўтаматаў па вуліцу.

Ён прадчуваў правільна, то быў Шпак, які тут жа з уласьцівым для гэткіх людзей напорам абрынуў на яго цэлы паток словаў.

– Слухай, дзе ты прападаеш, ёсьць дзела, нада сустрэцца, я да цябе падскочу, скажы толькі, дзе ты жывеш, у якім раёне?

— А што такое?

Не тэлефонны разгавор, трэба асабіста, куды пад'ехаць? Я зараз, праз дзесяць хвілінаў на машыне.

Ступак без жаднае ахвоты да тае сустрэчы назваў адрас, сказаў, што будзе чакаць у двары.

І праўда, хвілінаў праз дваццаць з вуліцы на падворак жвава, нават ліха ўляцела вішнёвага колеру «Пежо-605». З пярэдняга сядзеньня шафера праз апушчанае шкло выглядвала ўсьмешыстая фізіяномія Шпака.

— Прывет! Ідзі, сядзем.

Ступак абышоў машыну і, лёгка расчыніўшы дзьверцу, апусьціўся на мяккае пярэдняе сядзеньне побач з шаферам. На заднім хтось моўчкі сядзеў, не прамовіўшы да яго ніводнага слова. Мабыць, слухаў. Шпак быў усё ў тым жа камуфляжы, толькі з пагонамі — кароткімі міліцэйскімі пагончыкамі на апушчаных плячах, дзе слаба азначаліся па чатыры зоркі — тры разам і адна вышэй, як бы асобна. Тое падзівіла Ступака — калі пасьпеў? Дэмабілізаваліся разам прапаршчыкамі, а гэты, глядзі, ужо капітан. Капітан міліцыі. Чаму ж тады ён вышэй за КДБ?

Мусіць заўважыўшы недаўменьне на твары Ступака, Шпак тым часам ня стаў нічога тлумачыць, толькі павярнуўся ад руля і дабразычліва заўсьміхаўся.

— Ну, як жывеш, сябрук? Кажуць, без працы, ага?

— Хто кажа?

— Людзі кажуць.

Значыць, ужо ведае, падумаў Ступак, які таксама пачаў пра штокольвечы здагадвацца. Найперш — з кім мае справу.

Пачалася доўгая напірыстая размова — і што, і дзе, і чым займаўся дагэтуль, пра заробкі і грошы, і як справы ў сям'і. Шпак пытаўся пра ўсё, а той, з задняга сядзеньня, усё маўчаў ды пільна, неяк нават адчужана слухаў. Ступак адказваў скупа, зусім не хацелася яму ва ўсім раскрывацца перад колішнім сябрам ды гэтым незнаемым, і ён усё думаў: куды Шпак гне? Ужо ці не пранюхалі яны пра ягоны намер? Мабыць жа, не адна толькі цікаўнасьць была ў галаве сябра, нешта ж ён меў болей важнае.

Так яно і сталася. Скурыўшы па тры ці чатыры «Мальбара», якімі гасьцінна частаваў, Шпак нарэшце прыступіў да галоўнага.

— Слухай, ёсьць прапанова паслужыць. Ты таго варты. А што — афганец, ветэран і так далей. Узнагароджаны баявым ордэнам за выкананьне інтэрнацыянальнага доўгу…

Далей Ступак слухаў кепска, з першых жа словаў ён быў агаломшаны — паслужыць? Каму? Але каму — можна было здагадацца. І тут у ягоную галаву шыбанула рызыковая думка: а што? Можа, і добра. Можа, гэта менавіта тое, што яму трэба.

— Дык гэта… Ладна.

— Во і добра! Лічы, папярэдне дамовіліся. А цяпер чакай, мы паклічам.

Давайце, клічце, зласьліва думаў Ступак, ідучы да свайго гаражу. Мабыць жа, дасьцё зброю, што мне і трэба. Залічайце у АМАП.

Шэраг наступных дзён мінаў у напружаным, доўгім чаканьні. Звычайна Ступак сядзеў ці ляжаў у гаражы за прычыненымі дзьвярыма, праз шчыліпу ўвесь час пазіраючы на падворак — ці не паявіцца там зноў Шпак. Мусіць жа, павінны быў паявіцца, паклікаць ці што сказаць. Пра які адмысловы спосаб зносінаў яны не дамаўляліся, і Ступак думаў, што будзе скарыстаны ранейшы. Аднак ішоў час, беглі дні і ночы, а Шпак не паяўляўся, і ніхто ад яго не паяўляўся таксама. Можа, яны там перадумалі, пачаў сумнявацца Ступак.

Ён ужо не хацеў, каб перадумвалі, ён пагадзіўся, наважыўся, бо зразумеў, што тое — найлепшы для яго варыянт. Можна сказаць, яму здорава пашэнціла, абы толькі ўдалося. Каб толькі не разнюхалі пра ягоны ўдзел у шэсьці, у той летняй дэмакратычнай акцыі, ці як

яна там у іх называецца. Але пакуль што пра тое не было ніякага знаку, і ён думаў: можа, і абыдзецца. Горш, што зусім канчаліся грошы, якія Ступак неяк міжволі перастаў эканоміць і пачаў выдаткоўваць тым болей, чым менш іх заставалася. Ён купіў ладную качалку каўбасы, памідораў, нават пластыкавую пляшку алею і еў спадцішка з табурэткі ў гаражы. Думаў, купляць аўтамат, можа, не спатрэбіцца — дадуць казённы, і то будзе для яго эканомія, можна на харчы не скупіцца. Пад'есці сёньня і заўтра. А далей будзе відаць.

Неяк у дажджлівы выхадны дзень ягоныя гаражнікі не паехалі на дачы, сышліся да сваіх "коней", як казаў Плешка. Сазон Іванавіч меў маленькі аўтамабільны тэлевізар, які падключыў да акумулятара, і той зранку трашчэў і рыпеў розныя рокі і рэпы. Сазон лаяў іх, але слухаў, можа, таму, што іншага не перадавалі. Але вось загучаў дужа знаёмы голас, і Ступак выйшаў са свайго гаражу.

На багажніку Сазоназай «Волгі» мільгаў бляклы экранчык, на якім тапырыліся знаёмыя вусы самога, які то працінаў адтуль ястрабіным позіркам, калі гаварыў пра «вшывых блох» прадпрымальнікаў, то адорваў усіх усьмешыстай лагодай, як упамінаў самаадданых «труженіц-жэншчын» або патрыятычную моладзь, што нібыта ішла гужом ў свой нядаўна створаны лукамол. Пасьля ягоны голас і зусім перайшоў на выбачальны тон. Ступак прыслухаўся: то ўжо было цікава. Аказваецца, два журналісты з Расеі перайшлі мяжу – туды і назад і цяпер сядзяць у турме. Сам разводзіў рукамі: ён бы і хацеў іх выпусьціць, ды ня мае права, усё павінны вырашыць суд; ён жа ня можа ўмешвацца ў справы правасуддзя. Такі бяспраўны начальнік…

– Берии, Ежова на них нет! – абураўся Сазон, што на нізкім услончыку перабіраў падшыпнік. Плешка таксама падыйшоў ад свайго гаражу і дабрадушна зазначыў: – А й на Берыя з Яжовым знайшлася праруха.

То быў пэўны намёк, Сазон рэзка азірнуўся на суседа – ён быў абураны. – Проруха! А порядок был. Через границу, как зайцы не бегали. Граница была на замке. А этим далю волю…

Тут усе ведалі, што Сазон быў з чэкістаў, гадоў трыццаць праслужыў на мяжы, і гаражнікі, асабліва нябожчык Аляксееў дзед, клікалі яго Карацупам. Пасьля перасталі, як дазналіся, што ён з

іншымі прыроўнены да ўдзельнікаў ВАВ (Вялікай Айчыннай вайны). Раней і Ступак яму штось адказаў бы, але не цяпер: ён ня мог раскрываацца да часу. Тым болей, калі ў яго пачалася гэтая гульня з міліцыяй.

– Але ж то рускія журналісты, – вёў сваё Плешка. – Дык як жа ты супроць рускіх?

– Я против националистов!

– Беларускіх? Ці рускіх таксама?

Сазон на тое не адказваў нічога, толькі прабурчэў нешта. Мабыць, тое пытаньне было надта складанае для прасталінейнага і катэгарычнага памежніка, ушчэнт рускага па нацыянальнасці.

Нарэшце грошы ў Ступака і зусім скончыліся, ён даеў у гаражы засохлы акраец хлеба і галадаў зранку. Пазычыць ужо не было ў каго, Плешку ён і без таго бы вінаваты дваццаць пяць тысячаў, Сазону, праўда, менг, але цяпер да Сазона ён не хацеў зьвяртацца. Заставалася папрасіць у маладога Аляксея, і Ступак зранку чакаў яго ў гаражы. Ды Аляксей штось не паяўляўся, можа куды з'ехаў, думаў Ступак. Адлучыцца куды ў горад ён не адважваўся, чакаў, што павінен жа прыехаць да яго Шпак. Так і сядзеў да вечару галодны і дужа злосны – на сябе, на жыцьцё, на ўвесь белы сьвет.

На другі дзень, аднак, замест Аляксея ля гаражу паявілася Аляксеева жонка, худзенькая маленькая чарнушка, з малым сынком. Яна выглядала заплаканай і скупа паведаміла скрушную навіну: – Алёшу заарыштавалі.

– Завошта?

– Ну, прыслалі павестку з пракуратуры, што выклікаюць бы сьведку. Наконт таго мітынгу. Ён пайшоў і прапаў. Акаваецца, у пракуратуры і арыштавалі. Што цяпер рабіць? – сумна пыталася жонка.

Малы задуменна церабіў падол яе кароценькай, па модзе, сукенкі.

– Пусть не путается с бэнээфовцами, - сурова зазначыў Сазон.

– Нічога, ня плач, – суцяшаў Плешка. –У Хельсінскі камітэт трэба. Там добрая адвакатка ёсьць.

Ступак не сказаў нічога і, каб не цьвяліць душу, адышоўся ў цёмны кут свайго гаражу. Ён адчуваў, што ніхто ёй не паможа – ні

Хельсінскі камітэт, ні адвакатка, ні нават сто адвакатаў: і суд і закон былі ў ягоных руках, і ён сваю палітыку вёў, як хацеў, – напралом праз закон і права, па лёсах людзей,таптаў канстытуцыю і ўсе міжнародныя пагадненьні.

Мабыць, зважыць ён толькі на сілу. Але дзе яна была, тая сіла? Дзе і адкуль было яе ўзяць? Цёмны забіты народ толькі і ведае глядзець у яго хітра-блатняцкія вочы і падтрымліваць, што ён ні скажа. Варта каму з замежжа заступіцца за бязвінныя ахвяры, памагчы грашыма, як тут жа — разьюшаны вэрхал у газетах і на тэлебачаньні — змова, прошукі ЦРУ, прасоўванне НАТА на ўсход. Недзе варушыцца жменька апазіцыі, самыя адважныя з якой ідуць на злом галавы, нявечаць жыцьцё сабе і сямейнікам. На што спадзявацца?

Можа, аднак, праз месяц пасьля шпаковага прыезду ўсё вакол Ступака раптам зьмянілася, — забурліла, замітусілася, бы на пажары. Уранку, толькі ён пагаліўся перад кавалкам люстэрка, дужа забразгала гаражнай засаўкай жонка, якую паднялі з ложку. Ступак адчыніў дзьверы, і ўбачыў яе ў файным хатнім халаце, побач стаялі два ў камуфляжы, а ззаду чарнелася ўрадавая «Волга». Яго пасадзілі на задняе сядзеньне і моўчкі павезьлі кудысь на горадзе, затым — у загараддзе. Пасьля паволі між нейкіх дачных забудовак па лесе ці цераз парк, пад'ехалі да нейкага асабняку з калонамі. У Ступака ажно непрыемна заныла пад грудзямі – куды гэта яго? Ужо ці не пранюхалі што? Але, мабыць, яшчэ не пранюхалі, хоць па пахмурых тварах яго спадарожнікаў і тых нямногіх, што траплялі насустрач, нічога нельга было заўважыць — так умелі хаваць усё ў сабе. Ці, можа, у іх не было нічога, — падумаў Ступак. Затое сыты, як і ў Шпака, твар нестарога яшчэ палкоўніка, да якога нарэшце яго прывялі, сьвяціўся лагодай і прыязнасьцю.

— Сядайце, таварыш прапаршчык, Ступак, здаецца? — папытаўся палкоўнік і для пэўнасьці зірнуў у паперку на стале. — Дык як жывяцё? Як здароўе?

— Нічога, — стрымана адказаў Ступак. Ён ужо ведаў, што гэтыя заўжды так пачынаюць гаворку — пра жыцьцё і здароўе, быццам тое іх дужа цікавіць.

Гаворка, аднак, выдалася доўгая — пра жыцьцё і пра палітыку, унутраную і зьнешнюю, камуністаў і дэмакратаў. Відаць па ўсім, палкоўнік быў чалавек гаваркі і меў процьму часу. Ступак болей слухаў, і калі палкоўнік пытаўся, сьціпла адказваў: так або не. Мусіць, яго суразмоўніка тое задавальняла. Як можна было зразумець, яго найбольш клапаціла стаўленьне Ступака да апазіцыі, якая «шалёна ірвецца да ўлады». А таксама той факт, што «НАТА апантана прасоўваецца на ўсход». Ступак нешта мармытаў у адказ, што мала разумеў сам, але думаў: «У труне я хацеў бачыць тое НАТА разам з табой». Аднак услых не сказаў нічога, нават трохі пабойваўся, каб палкоўнік не адгадаў яго крамольнае думкі. Мабыць, аднак, не адгадаў, бо ў той час натхнёна апавядаў, як важна супрацьстаяць агрэсіі заходняга капіталу і ратаваць бацькаўшчыну. Што ён разумеў пад тым словам — Беларусь, СНД ці ранейшы СССР, засталося невядома.

Далей Ступак паўдня праседзеў у асобным кабінеце — запаўняў анкеты. Гэтых было тры ці чатыры адразу, на некалькіх старонках, і ён аж спацеў, падрабязна адказваючы на дзясяткі пытаньняў — ад першага, пра імя, прозьвішча і імя па бацьку да імёнаў бацькоў, месца іх нараджэньня і сьмерці (дзе і калі памерлі, месцы пахаваньня і нумары магілаў). Жывога бацьку Ступак падрабязна атэставаў як партызана і ўзнагароджанага, а маці... Ён нават не памятаў дакладна, у якім годзе яна памерла, бо тады быў у Афгане. Сястра Алена жыла пад Масквой, ды ён ня ведаў дзе, у якім горадзе (ні то ў Жукоўску, ні то ў Чарняхоўску) і думаў, як лепш напісаць? Ці калі ня ведаеш, дык не пісаць нічога? Але тады могуць прыдрацца, што ўтаіў. І ён напісаў першае, што прыйшло ў галаву: горад Зеленагорск, вуліца Касманаўтаў 10, кв. 20.

Пасьля ў іншым кабінеце афармляў падпіску аб строгай сакрэтнасьці — гэта ўжо было, як ён здагадаўся, па лініі бясьпекі. Хоць і прымаў яе лысаваты чалавек у модным двухбортным пінжаку з дужа акуратна завязаным гальштукам, важнасьці было нават больш, чым у кабінеце палкоўніка. Неяк вельмі стрымана, нібы выпрабоўваючы ягоную рэакцыю, чалавек вымавіў яму ў твар адно толькі слова «Музыкант», і Ступак зразумеў усё. Некалі гэтую мянушку прыляпілі да яго таксама ў дужа сакрэтным аддзеле перад

адпраўкай у Афган. З тае пары, праўда, ніхто яму пра яе не напамінаў, і ён ужо думаў: забыліся. Аж не, не забыліся. Зрэшты, цяпер ад яго нічога не патрабавалася, а гуляць з імі ў тыя сакрэтныя гулі ўвогуле было няцяжка, хай пацешацца. І ён усё падпісаў.

Мусіць, да паўдня, аднак, усе паперы былі аформленыя, якія забрала ў яго прыгожая, у міліцэйскай форме дзяўчына з дужа суровым позіркам і дзьвюма зоркамі на пагонах. У апошні момант ён нават падміргнуў ёй, ды тая не павяла і брывом, склала ягоныя паперы ў шыкоўную зялёную папку і заперла ў шэры сейф у кутку. Значыць, будзе захоўвацца вечна і сакрэтна, падумаў Ступак. Пасьля ўжо іншы, белабрысы міліцэйскі сяржант павёз яго кудысьці ў горад. Спакваля Ступак пачаў пазнаваць вуліцы, здаецца, іхні «Уазік» кіраваў у шпіталь МУС. «Гэта навошта?» — спытаў Ступак. «А медкамісія! — проста і дабразычліва адказаў белабрысы шафер і хіхікнуў: — Праверка на СНІД.»

Тое ўжо мала Ступаку падабалася, хутчэй — не падабалася зусім. На якога д'ябла! — думаў ён, трацячы трываньне ад гэтага падрабязнага дасьледваньня ягонай асобы. Што, ён ім будзе служыць? У яго іншая мэта, яму б толькі дапяцца да зброі. Мабыць жа, дадуць якога «Сьцечкіна» ці «Калашнікава», і ён падловіць момант. Ягонае здароўе яго мала цікавіла, хай не цікавіць яно і гэтых.

Але гэтых якраз дужа цікавіла. Да цямна яго вадзілі з кабінету ў кабінет, з паверху на паверх, — слухалі, мацалі, вымервалі на апаратуры, высьвечвалі ягоныя вантробы на мільготкіх маніторах. Але ўсё было ў норме, ціск жа, сказалі, бы ў юнака, і яго пахвалілі. «Алкаголь ужываеце? — папытаўся строгі доктар, на плячах пад халатам якога мулялі цьвярдыя пагоны. Ступак з наіўным выглядам пакруціў галавой: «Ну што вы!» Трохі затрымаў на ім свой пранізьлівы позірк хірург, як убачыў сіняватую адмеціну на плячы. «Што — агнястрэльная?» — «Афган», — коратка адказаў Ступак. «А то — ушыб?» даволі груба памацаў ён сьлед ад нядаўняй амапаўскай палкі. «Упаў...» — «Па п'янцы?» — ухмыльнуўся доктар, штосьразумеючы. Ступак тое пакінуў без адказу — здаецца, яны і так паразумеліся. Далей была кардыяграма з правадамі, якія аблыталі ягоныя рукі і ногі, акуліст са сваёй табліцай на сьцяне і ў канцы

дзіўнаватая гаворка з псіхіятарам. Адзінае, што з яе запомніў Ступак, былі прыдзірлівыя пытаньні пра выпіўку і наркоту. І тое, і іншае Ступак рашуча адмаўляў, сказаў, што ніколі ні-ні, успамінаючы пры тым, як у тым жа Афгане, і неаднойчы, яны добра-такі кайфавалі анашой. Шкада, пасьля кінуў. Каб ня кінуў, можа б, лепей было, нечакана падумаў ён, седзячы перад хітраванам-псіхіятарам. Здаецца, стан ягонага здароўя іх задаволіў. Яго тым болей.

Да свайго гаражу ён прыплёўся, як ужо сьцямнелася, побач на падворку ўгары сьвіціўся ліхтар, сьвіціліся вокны ў хрушчоўках. Ведаў, цяпер там усе ўставіліся ў свае зіхоткія скрынкі — хто на музычныя шоу, крывуляк-танцуляк са шнурамі ў руках, а болей, мусіць, на чарговы нумар самога. Амаль кожны вечар той выступаў са сваім гіпнозам — то пагрозьліва-строга, калі гаварыў пра апазіцыю, якая мае ад ЦРУ заданьне яго панішчыць, то шчодра адорваючы ўсіх белазубай усьмешкай з-пад шыкоўных вусоў, калі зьвяртаўся да гледачоў. Асабліва глядачак, якіх ён часьцяком на прамілы Бог прасіў падтрымаць яго ў сьвятой барацьбе за дабрабыт народу. Слухаючы яго ліслівыя звароты, жанчыны былі гатовыя на што хочаш, — з такімі просьбамі да іх ніхто раней не зьвяртаўся. Тым болей з вялікіх начальнікаў, не памінаючы ўжо ўласных мужоў, якія даўно не прызнавалі нічога ў жыцьці, апроч бутэлькі. Мужчыны не любілі палітыку, якая цікавіла іх усё меней, чым горш жылося. Затое яна ўсё болей захапляла жанчын, асабліва з тае прычыны, што ў ёй верхаводзіў ён — такі выбітны, прывабны, амаль нежанаты, які ўвасабляў недасяжныя жаночыя мары аб мужчыне-кавалеру, мужчыне-лідэру. І тым вабіў.

Ну але засталося нядоўга.

Так думаў Ступак, зласьліва чакаючы, калі яго паклічуць зноў. Павінны ж урэшце паклікаць, ён ужо прагнуў таго. Хоць бы таму, што есьці не было зусім, два дні таму пазычыў пару тысячаў у былога суседа па кватэры, якога падпільнаваў у дворы.

Перш чым даць яму паперку сусед добра паплакаўся, наракаючы на жыцьцё, малую пенсію, лайдачку дачку, якая ня хоча працаваць і звыкла жыць на ягоную пенсію. Ступак суцешыў яго,

што хутка атрымае зарплату і разьлічыцца. І патупіў пры тым вочы, бо глядзець на старога было няёмка.

На гэты раз да яго завітаў сам Шпак, на той самай вішнёвага колеру «Пежо», у камуфляжы, але ужо з пагонамі маёра на шырокіх плячах. «Хутка, аднак, у іх растуць кадры!» — з нечаканай зайздрасьцю падумаў Ступак, сядаючы поруч з колішнім калегам-прапаршчыкам. Гэты маёр пачаў распавядаць яму, як шмат даводзіцца працаваць (работа ж не нармаваная), як тлумна і небясьпечна, хоць ганарова і адказна. «А зарплата як?» — стрымана папытаўся Ступак пра тое, што яго цяпер найболей цікавіла. «Зарплата нішто. Табе такой і ня сьнілася, — сказаў Шпак. — На пачатку тры мільёны, ну пад'ёмныя і так далей. Не пашкадуеш».

Ступак унутрана парадаваўся, хоць і не падаў знаку, ды папраўдзе і слаба паверыў, прыпамятаўшы дацэнта Мінкевіча з яго шасьцюдзесяцьцю мільёнамі. Можа, маёр Шпак і атрымлівае тры мільёны, а ён жа прапаршчык...

— Пакуль будзеш жыць у афіцэрскай гасьцініцы. А там пабачым, — сказаў Шпак, як яны пад'ехалі да чарговай бетоннай сьцяны з прахадной і шлагбаумам.

Тут, аднак, аказалася амапаўская база ці што. Некалькі гадзінаў Ступак з такімі, як сам, навічкамі, маладымі хлопцамі са сьвежымі ружовымі тварамі, абмундзіроўваўся на забітым скрынкамі ды цюкамі рэчавым складзе. Яму выдалі цэлую кучу абмундзіроўкі — зялёную і стракатую, колеру сьмецьця, сьвяточную і паўсядзённую, моцныя грубыя чаравікі, пілотку і берэт, цёплую куртку і цяльняшкі — аж тры штукі. І нават добры шкумат бязі — на каўнерыкі. Як у войску. Толькі ў войску так шмат ніколі не давалі, эканомілі. Хлопцам, што пераапраналіся з ім разам, дужа спадабаліся дзягі. «Афіцэрскія», — з захапленьнем сказаў адзін, трохі старэйшы за астатніх. Дзягі сапраўды былі адмысловыя, з таўстой прашытай скуры пры ладных спражках, ня тое што з металічнымі бляхамі ў войску Ступак пераапрануўся ў новае, са сьвежым прыемным пахам; свае сьмярдзючыя трусы, азірнуўшыся, піхнуў у бляшаную урну, і яго павялі цераз падворак у афіцэрскую гасьцініцу.

Першы раз за лета ён з асалодай распрастаўся на чыстай новай прасьціне, уладкаваў схуднелыя плечы на ладнай падушцы. Заўтра

сказалі падстрыгчыся, — хай, ён падстрыжэцца. І яшчэ, сказалі, вусы можна не збрываць, тут паважаюць вусатых. Другі ложак у пакоі быў акуратна засланы, мабыць, кагосьці чакаў. Можа, таксама новенькага.

Служба пашыралася, камплектавалася, дасканалілася, — як і мае быць пры моцнай уладзе. Цікава было Ступаку другі раз перажываць тое, што ўжо было перажыта ў яго вайсковым юнацтве, у Афгане і пасьля.

Дэмабілізаваўшыся сем гадоў таму, думаў, што перажытое ніколі ўжо не паўторыцца. Аж во, абяцала паўтарыцца, хоць і на іншым вітку жыцьця.

Але дужа падобным. Як да таго трэба паставіцца, часам ён пераставаў разумець. Адно адчуваў, што будзе сыты, дагледжаны, а там… А там пабачым, як яно будзе, думаў Ступак. Збылося амаль так, як ён меркаваў. Назаўтра ён добра пасьнедаў на першым паверсе у амапаўскай сталоўцы, зьеў пару катлетаў з гарнірам, макаронную запяканку, выпіў шклянку ражанкі і яшчэ — салодкай гарбаты. Бы на курорце ці ў доме адпачынку. Навакол з куды меншым, чым у яго апетытам сьнедалі за сталамі іншыя амапаўцы, маладыя хлопцы з сяржанцкімі пагонамі на плячах. У яго пагонаў яшчэ не было, і ён трохі турбаваўся з тае прычыны. Усё ж у войску ці ў міліцыі ўсе павінны былі мець пагоны, якія і вырашалі статус кожнага. Без пагонаў ты ніхто. Проста цывільны чалавек, ня болей.

Той і наступныя два дні былі заняткі — у класах і на плацы, як некалі ў войску. Хіба што, апроч тэорыі, іх вучылі нейкай дзівоснай практыцы — як адбіваць напады дэманстрантаў, нападаць самім, строіцца і перастройвацца ў шчыльныя шэрагі. Вучылі таксама ўласьцівасьці розных сьлезацечных і баявых газаў — у балончыках, дымавых шашках, гранатах. У праграме таксама значыліся найноўшыя сакрэтныя сродкі барацьбы з тэрарыстамі, экстрэмістамі і радыкаламі. Ступак слухаў усё ня надта ўважна, бы ў сьне; будова і ўласьцівасьці хімічных сродкаў яго ня дужа цікавілі, яго цікавіла зброя. Але пра зброю чамусьці гаворкі пакуль не было.

Пасьля ён зразумеў, чаму не было.

Мабыць, усе гэтыя хлопцы-амапаўцы, хто раней, хто пазьней, служылі ў войску і вайсковую зброю ведалі, стралялі ня раз з АК і

кулямётаў — то не было для іх навіной. Ім жа тут рыхтавалі нейкую навіну, і яны чакалі яе.

Але аднойчы, яшчэ бяззбройных, іх паднялі па трывозе на золаку, загадалі разабраць, баявое снаражэньне — белыя шчыты, шлемы, надзець цяжкія бронекамізэлькі, пабраць палкі і — хутчэй на пасадку ў «Камазы». Яшчэ цалкам не разьвіднела, яны кудысь ехалі, спыняліся, паварочвалі назад, бы стараючыся заблытаць ворага, і толькі гадзінаў у дзесяць выгрузіліся каля рэзідэнцыі самога. Тут ужо быў маёр Шпак, куча іншых маёраў ды палкоўнікаў; амапаўцаў выстраілі ў тры шэрагі папярок вуліцы — якраз, як тады, улетку, калі ён трапіў у перадзелку. Як бы не трапіць зноў, засьцярожліва падумаў Ступак, апынуўшыся ў пярэднім шэрагу. Як і ўсе, ён стаяў плячо да пляча з суседзямі, маладымі хлопцамі, трымаючы ля ног лёгкі дзюралевы шчыт, з гумовым «дэмакратызатарам» у правай руцэ. Рука і плячо амаль перасталі балець, і ён, каб упэўніцца ў тым, трохі памахаў над сабой палкай і сьцішыўся. Нейкі час на вуліцы было амаль пуста, рух транспарту спыніўся, прасьпект перакрылі з абодвух бакоў. Увогуле навакол было спакойна і ціха, калі б не трывожная ўзьвінчанасьць начальства, якое, бы ўгарэлае, насілася перад амапаўцамі; некаторыя бегалі да чорнай «Волгі», што прытулілася да будынку ззаду. Усе чакалі.

Гадзіны пасьля дзясятай здаля на вуліцы паявіліся дэманстранты. Сьпярша сталі відаць над іх галавам! бел-чырвона-белыя сьцягі на высокіх лёгкіх шастках, плакаты; пасьля — і пярэднія шэрагі з маладых мужчынаў і дзяўчатаў, што з песьнямі нетаропка ішлі па прасьпекце. Некаторыя вялі за рукі дзяцей. Ступак спрабаваў зразумець, колькі іх там было, вызначыць хоць прыблізна, ды ня здолеў. Было надта шмат. Тысячы. Згледзеўшы тут гэтую перашкоду папярок прасьпекту, дэманстранты жвавей замахалі сьцягамі, данесьліся крыкі: «Ганьба!», «Здраднікі!», «Гестапа!» Хтосьці з начальства вёртка крутануўся перад шэрагамі. «Яны нас абражаюць!» — прарэзьлівым голасам крыкнуў да амапаўцаў. Ступак унутрана хмыкнуў, пераборваючы, аднак, лёгкі страхавіты подых з прасьпекту. Усё ж рабілася ніякавата. Мусіць, стычкі ім не пазьбегнуць, як бы не сталася горш, чым улетку. У той

час ззаду прагучала каманда, усе ў шэрагу апусьцілі на твары празрыстыя ахоўныя казыркі — падрыхтаваліся. Дэманстранты тым часам падышлі бліжэй, добра сталі відаць пярэднія — маладыя мужчыны, хлопцы і дзяўчаты, што, пабраўшыся за рукі, як і раней, нясьпешна ішлі ўсё бліжэй. На самай сярэдзіне калоны пад вялізным крыжастым штандарам крочыў высокі хударлявы чалавек з лысаватай галавой і туга сьцятымі пашчэнкамі. То быў знакаміты Зянон, яго Ступак неяк бачыў вясной на мітынгу. Як яны падышлі яшчэ бліжэй, ззаду за АМАПам зноў гыркнула каманда, і ўсе тры амапаўскія шэрагі ўзарваліся жалезным грукатам, які заглушыў усю вуліцу. Ступак разам з усімі шалёна лупіў па шчыце гумоваю палкай і ўнутрана пасьміхаўся з дэманстрантаў. Спалохаліся ці не, было невядома, але, падышоўшы яшчэ бліжэй, шэсьце спынілася. Наперад з мегафонам у руках выйшаў Зянон.

— Спадары паліцыянты! — магутна прагучала з мегафону і тут жа заглохла ў яшчэ болей шалёным грукаце АМАПу.

Так лідэр БНФ некалькі разоў спрабаваў зьвярнуцца да АМАПу, ды той не хацеў яго слухаць. Тады з нястройных пярэдніх шэрагаў дэманстрантаў, на якія напіралі заднія, пачалі выскокваць асобныя людзі, маладыя хлопцы, махаючы рукамі, спрабавалі нешта даводзіць амапаўцам. Зянон кідаўся да іх, каб спыніць і вярнуць назад у шэрагі, якія ўжо зьмяшаліся на стракаты крыклівы натоўп, што пераставаў каму-небудзь падпарадкоўвацца. Заднія напіралі на пярэдніх, некаторыя на правым фланзе ўжо сутыкнуліся з амапаўцамі. Пачуліся крыкі, праз момант шэрагі дэманстрантаў зусім разбурыліся, іхні фланг нерамяшаўся з амапаўскім. Грукат палкамі па шчытах неяк паволі спыніўся — усчынаўся стыхійны гвалт. Туды, налева, кінуліся начальнікі з мегафонам!, загучалі іхнія пагрозьлівыя каманды і лаянка. Там жа Ступак неўзабаве згледзеў крутаплечую постаць Шпака, які таксама шчыраваў — крычаў, камандаваў, пагражаў. Некалькі хлопцаў з плакатамі і сьцягамі амапаўцы захапілі ў свой ланцуг, але тады дэманстранты пачалі іх лупіць тым, што трымалі ў руках. Амапаўцы не саступалі, хоць і стараліся трымаць сваё месца, каб ня зрушыць строй. Але тое кепска ім удавалася — у некалькіх месцах шэрагі скрывіліся, група амапаўцаў сама апынулася ў атачэньні дзманстрантаў. Некалькі

дэманстрантаў, адлучаных ад асноўнай масы, амапаўцы ціснулі да сьцяны будынку, а тыя не здаваліся. На сярэдзіну шэрагу таксама насядалі. Ступак ледзьве пасьпеў матлянуць галавой, каб ухіліцца ад удару, як бамбукавы шэст са сьцягам шаснуў над ім, мусіць цаляючы ў задняга за ім амапаўца. Выпусьціўшы палку, Ступак ухапіў рукой за лёгкую палатніну сьцяга і рвануў уніз, тканіна адарвалася напалову ад дрэўка. Другім рыўком ён адарваў яе ўсю і ўхапіў сваю палку

Стычка далей, аднак, не пайшла, мусіць Зянон дакрычаўся ўрэшце да сваіх хлопцаў, і тыя спакваля адхлынулі. Некалькіх усё ж ухапілі міліцыянты і амапаўцы. Астатнія адышліся, пачалі паварочваць & па прасьпекце назад, — здаецца, яны мянялі маршрут руху на іншы. Амапаўцы, пастаяўшы трохі, сышліся па камандзе ў гурт і, перакурыўшы, пасядал! ў свае «Камазы». Ступак патроху стаў спакайнець, яўная небясьпека мінулася, але на душы было амаль што паскудна. Было такое адчуваньне, што ён улез не туды. Хаця што ён зрабіў — толькі пастаяў у страі. Нават нікога не выцяў ні разу.

Праз дзень, аднак, тое пачуцьцё мінулася. Ён атрымаў пад'ёмныя — аж дзевяць мільёнаў «зайцоў» і перад строем — пагоны з дзьвюма зоркамі — стаў лейтэнантам. Палкоўнік, начальнік штаба, аб'явіў яму падзяку за «ўзорныя дзеяньні па адбіцьці нападу экстрэмістаў» і сказаў, што лейтэнант Ступак будзе камандваць узводам. Што ж, узвод — справа няхітрая, ён у Афгане ўжо камандваў узводам, хоць тады быў яшчэ старшы сержант. Пачуваючы, як ва ўнутраных кішанях муляла па дзьве тугія пачкі купюраў, зласьліва падумаў пра жонку, якая наўрад ці дачакалася такога набытку ад свайго гендырэктара. А ён во, займеў! Тады ж падумаў, што, мабыць, дарма прадаў гараж, які вельмі нават можа спатрэбіцца. Хоць зусім не прадаў, а задатак як-небудзь верне. Калі да таго часу Валынец не сядзе ў турму. Ці яго не падстрэляць у пад'ездзе. Шкада, але што ж, значыцца, такі яго лес. У кожнага свой лес. Пра свой прывязьлівы страхавіты намер ён успамінаў усё радзей, таго вымагалі штодзённыя клопаты. Зноў жа зброі ім усё не давалі, выпрабоўвалі ці што?

Ну і чорт з імі, думаў Ступак, што яму зброя? Ці ён не настраляўся ў Афгане? Ён ужо пачаў думаць, каб яе не давалі як мага даўжэй, хоць бы месяцы два, каб ён параскашаваў на міліцэйскіх харчах, адляжаўся на белых прасьцінах. А то яшчэ і прыдбаў кватэру. На вечаровай бяседзе з асабовым складам палкоўнік сказаў, што афіцэрам дадуць кватэры ці палепшаць старыя — будуецца дом у прэстыжным раёне, блізка ад станцыі метро. Нехта спытаў: дык то ж для творчай інтэлігенцыі, як пісалі ў газетах. На тое палкоўнік адказаў: так, для творчай інтэлігенцыі. Дзесяць кватэр пісьменьнікам, а трыццаць пяць нам. Мы ў большай павазе, чым п'янтосы-пісьменьнікі, якія наскрозь бэнээфаўцы. Што ж, займець сваю кватэру без гэтай свалаты Людкі было дужа зманліва, думаў Ступак. Каб яшчэ і прыдбаць іншамарку, такую, як у Шпака. А што, ці ён не заслужыў? Хоць у Афгане.

Па вечарах у чырвоным кутку, як у іх называлася вялікая вуглавая зала, працаваў тэлевізар, перад якім звычайна сядзелі амапаўцы. Збольшага цікавіліся маскоўскімі шоу, сьпевакамі, спявачкамі, меньш навінамі спорту Але ў пэўны час тэлевізар пераключалі на мясцовы канал, і тады ўсе сьціхалі, глядзелі і слухалі самога. Ступак слухаў таксама, і надзіва цяпер і выступ, і жэсты і аблічча самога не выклікалі ў яго ранейшага зласьлівага пачуцьця, хіба адно — абыякавасьць. Пра свой ранейшы намер ён стараўся ня думаць, няпэўна казаў сабе ў думках: пабачым. Пажывем, пабачым, як яно будзе.

Неяк у выхадны ён рашыў завітаць на сваю хрушчоўку. Трэба было забраць партбілет (сказалі, што будзе добра, калі ён адновіцца ў кампартыі. У якой з дзьвюх — то яго асабістая справа). А галоўнае, яму трэба быў ордэн, які валяўся дзесь у жончынай шафе. Добра, жонкі не было дома, была толькі дачка, яна наказала шафу, што цяпер стаяла ў прыхожай, а ўся гасьцёўня была цесна застаўленая новымі столікамі і крэсламі ад шыкоўнага нямецкага гарнітуру Дачка без вялікай радасьці ад спатканьня з бацькам пахвалілася, што маці — ужо дырэктар банку. Ступак ціха пазайздросьціў жонцы, — значыць, ня ўсім кепска, ёсьць людзі, якім і цяпер шанцуе. Доўга не затрымліваючыся ў кватэры, ён знайшоў усё, што трэба было і, выйшаўшы з пад'езду, павярнуў да гаражоў пад ліпамі.

Тут яго першым згледзеў сівагаловы Сазон, дужа зьдзівіўся ягонай уніформе. Зяваючы бяззубым ротам, усё аглядаў яго з галавы да ног і захапляўся:

— Вот и я когда-то... Такой молодой, подтянутый...

Вылез з-пад свайго «Запарожца» Плешка, стрымана павітаўся.

— Глядзі ты — лейтэнант міліцыі! А нам і не сказаў нічога, усё ў сакрэце. І колькі плоцяць?

Ступак яму не адказаў, сапраўды, хай будзе ў сакрэце. Зноў жа, пра тое ён нядаўна даваў падпіску, — ня мог прыпамятаць каторую за нядоўгі час. Значыць, трэба было маўчаць.

— А дзе Аляксей? — папытаўся ён, згледзеўшы два замкі на жалезных дзьвярах былога суседа.

— Гэ, Аляксей! Аляксей зьехаў, — сказаў Плешка.

— Куды зьехаў?

— Нам не сказаў. У Нямеччыну ці далей. Можа, у Ізраіль.

— Як у Ізраіль? — зьдзівіўся Ступак, — Ён жа беларус.

— Он-то белорус. А вот жена — довольно сомнительных кровей, — туманна растлумачыў Сазон.

Ступак прамаўчаў. Яму было шкада Аляксея, які калісь яго ўратаваў. Каб на паўхвіліны пазьней — яго б ужо не было тут. Ні тут, ні ў АМАПе, падумаў Ступак. І гэтыя дзядзькі не дзівіліся б з яго камуфляжу. Зрэшты, можа, і добра Аляксею. Каб у яго, Ступака, жонка была не беларуска, ён бы таксама зьехаў. У Ізраіль ці хоць да д'ябла. А так во трапіў на службу, прадаў д'яблу душу.

Але, можа, так яшчэ і лепей.

Таго ж дня ўвечары, толькі ён вярнуўся з гораду, як дзяжурны сказаў, што яго выклікае падпалкоўнік Шпак. Ступак трохі падзівіўся: чаму падпалкоўнік? Нядаўна яшчэ быў маёр, а цяпер падпалкоўнік, ці не наблытаў дзяжурны? Але не наблытаў. У штабе яго сапраўды чакаў колішні калега, у якога цяпер на пагонах блішчэлі дзьве вялікія зоркі, ён засяроджана разглядаў на стале нейкую паперу. Поруч стаялі і яшчэ афіцэры, мабыць, усе вывучалі загад.

— Лейтэнант Ступак, загадана забраць рэчы і да штаба. Праз паўгадзіны ад'езд.

— Куды? — вырвалася ў Ступака.

— Да іншага месца службы.

Вось табе і на — ужо і да іншага. Трэба было зьдзівіцца, але Ступак перастаў ужо тут зьдзіўляцца. Афіцэры абступілі Шпака, а ён пайшоў у гасьцініцу, сабраў свае небагатае майно. Праз паўгадзіны яго ўжо везьлі ў закрытым «Урале» кудысь за горад. У кузаве побач сядзелі яшчэ тры чалавекі усе з іхняга АМАПу. Але яны былі мала знаёмыя Ступаку, і ён маўчаў. Неўзабаве, аднак, машына спынілася, яны вылезьлі. Вакол у вечаровым прыцемку стаялі высачэзныя хвоі, і пад імі мясьціліся шырокія нізкія будыніны — дачы. То была, як ён здагадаўся, старая ўрадавая рэзідэнцыя, куды іх прывезьлі, каб папоўніць асабістую ахову самога. «Во папаў!» — зноў падзівіўся Ступак, яшчэ ня ведаючы, радавацца з тае нагоды ці засмучацца. Аднак зьнешне ён не выказваў нічога, толькі слухаў і выконваў усё, што загадвалі, ішоў, куды вялі. Зноў былі анкеты, падпіскі, нават подпіс строгай таемнай прысягі. Усё тое ён рабіў бы машынальна, бы які бязвольны зомбі; свой даўні намер засунуў углыб памяці і нават трохі трывожыўся, каб яго не заўважылі.

Праз дзён колькі, аднак, давялося парадавацца, як іх тут узбройвалі, чаго ён не дачакаўся ў АМАПе. І не якімі хвалёнымі качэргамі АК, што адбівалі плячо пры стральбе і нямала замінalі на маршы, а новенькімі карацелькамі «Узі». Дужа спрытныя выдаліся аўтамацікі, бы самі прасіліся ў рукі і зусім не заміналі — хоць на плячы, хоць на грудзях. Б'юць, казалі, за дваццаць крокаў у вераб'я пры нулявым расьсейваньні. Ступак старанна выцер з варанёнага металу лішак негустой змазкі, рукамі паважыў у сабраным стане. Ён быў задаволены. Можа, спатрэбіцца.

Клопату ў гэтым бары было, аднак, няшмат, некаторыя групамі кудысь езьдзілі, вярталіся і маўчалі.

Палітапрацоўка, як заўважыў Ступак, вялася ў інтэнсіўным тэмпе, рэгулярна, калектыўна і індывідуальна. Удзень і асабліва ўвечары заўжды па адным кудысь выклікалі, штосьці высьвятлялі, з іншымі доўга гутарылі. Так старанна не апрацоўвалі нават нампаліты ў войску. Ну, але тут было не войска і нават не АМАП. Бяры вышэй. Яны — эліта бясьпекі, як сказаў новы палкоўнік, самыя з самых. Асабістая ахова. Хаця таго, каго ім належала ахоўваць і абараняць «вплоть до пожертвования собственной

жизнью», яны нават не бачылі. Ні зьблізку, ні здаля. Адчувалі, што ён недзе тут побач, у гэтых дамоўкахдачах між хвояў, але дзе канкрэтна — ня ведаў ніхто. І ніхто пра тое ні ў кога не пытаўся, — было забаронена. Наогул гэта было падразьдзяленьне маўчуноў. Яны маўчалі з начальствам, маўчалі ў страі, маўчалі ў сталоўцы і на адпачынку Тое маўчаньне часам пачынала прыгнятаць, але Ступак думаў: хай! Ужо ён чагось дачакаецца. Кепска, што не было як выпіць. Пры тым, што грошай ужо набралася поўныя кішэні, некалькі пачак «зайцоў» ён пакінуў у тумбачцы, захінуў газетай. І ніхто іх не ўкраў. Мусіць, грошай у іх хапала. Затое не хапала часу каб іх рэалізаваць, ізаляцыя была адмысловай. Бы ў турме. Мабыць, то была іхняя плата за сыты дабрабыт і няпыльную працу. Плата воляй. Ну але што зробіш — на гэтым сьвеце за ўсё трэба плаціць. Заплоціць і ён.

Аднойчы ўранку іх пастроілі ў спортзале, усіх чалавек трыццаць, што складалі цяпер ядро трупы «Альфа», як іх ужо назвалі. Казалі, што пакуль трыццаць, але будзе трыста, бо трэба мацаваць шчыт і меч кіраўніка дзяржавы. На тым пастраеньні з самага пачатку былі ці ня ўсе іхнія начальнікі разам з галоўным палкоўнікам — мажным бугаём, што зьверху форменнага кіцеля насіў скураное паліто — дзеля маскіроўкі. Зрэшты, так тут хадзіў не адзін ён, а і яшчэ некаторыя, таксама маскіраваліся ці што? Яны, можа, з гадзіну прастаялі ў страі, начальнікі ўсё аглядалі выпраўку і падкаўнерыкі, і чысьціню абутку, і ці ўсе добра паголеныя. Ніхто не казаў нічога, але яны пачалі здагадвацца, ці не зьявіцца да іх сам? І сапраўды — тоўсты грымнуў каманду, і з галоўнага ўваходу зьявіўся ён. На той раз ён таксама быў у камуфляжы, новенькім, акуратным, які добра дапасаваўся да яго рослай спартыўнай постаці. Нягучным нейкім цеплаватым, амаль хатнім голасам ён дазволіў «вольна» і падышоў да правага флангу, дзе стаялі самыя даўгалыгія, фізічна найболей накачаныя хлопцы, пачаў з усімі вітацца за руку. То было штосьці новае, — каб вялікі начальнік вітаўся з кожным у страі паасобку. Яны ўсе, бы зачараваныя, утрапёна ўзіраліся ў ягоны хітравата-ўсьмешысты твар, у якім цяпер не было і сьледу ад яго нядаўняй тэлевізійнай суровасьці — была толькі цеплыня і спагада. Як чарга дайшла да Ступака, здалося: ён з нейкім асаблівым пачуцьцём

зірнуў у Ступаковы вочы, быццам пранікаючы ў самую глыб душы. Поціск рукі быў дужы, Ступак адказаў такім жа, і адчуў, што ён задаволены. Парукаліся як мае быць — памужчынску. Павайсковаму. Бо цяпер абодва былі вайскоўцы, хоць той і паходзіў з міліцыянтаў. Ды цяпер ужо і Ступак таксама.

Абышоўшы строй, ён выйшаў на сярэдзіну залы і пачаў гаварыць. Казаў нягучна, ціхім хрыплаватым голасам і, стоячы праз пяць крокаў ад Ступака, здаўся яму зусім не маладым, хутчэй пажылым і стамлёным. А гаварыў пра тое, што дужа спадзяецца на сваю службу бяспекі, да якой яны маюць гонар належаць, што яна — галоўная яго апора, для іх ён не пашкадуе нічога і будзе клапаціцца пра кожнага як родны бацька. Калі ў каго ёсьць якая патрэба, хай ідзе прама да яго і расказвае, — ён зробіць усё. Бо ён іх усіх любіць, як бацька любіць сыноў, што ў яго болей нікога няма, апроч іх, хлопцаў бясьпекі, ды яшчэ народу, які яго абраў на самы высокі пост. Што народ — галоўны ягоны клопат і галоўная любоў, асабліва такі народ, як наш, які вечна гаруе ў нэндзе, пакутуе праз усю гісторыю, што тое ён ведае як прафесіянал-гісторык. Што гэты народ заслугоўвае лепшае долі, чым тая, якую яму нарыхтавалі здраднікі-нацыяналісты, усе гэтыя пазьнякі, шарэцкія да карпенкі, якія даўно запрадаліся ЦРУ ды іншым замежным сьпецслужбам і цяпер распрацоўваюць самыя хітравумныя планы, каб фізічна зьнішчыць яго і пакінуць сіратой любы беларускі народ. Таму вялікія спадзяванкі на іх — гонар ягонай бясьпекі, у руках якой ягонае жыцьцё і будучыня народу.

Ступак за жыцьцё нямала ўжо перaслухаў розных агітатараў-прапагандыстаў, у тым ліку і ў войску, і ніколі не ўспрымаў іх усур'ёз, заўжды слухаў хіба адным вухам. Не хацелася верыць і гэтаму Але нейкая ўпартая сіла памалупамалу, ўсё ж дзейнічала на ягоную сьвядомасьць; напор і шчырасьць разважаньняў пачалі даходзіць да яго разуменьня. Найперш неяк бы міжволі само сабой хацелася ў тое паверыць. Так шчыра было ўсё сказана, што зьявілася спагадлівая думка: сапраўды, як нялёгка быць кіраўніком такога маштабу, як небясьпечна і адказна.

З гэткаю думкай-пачуцьцём Ступак і стаяў у страі, трошкі нібы задумаўшыся, як пачуў, што прамова перайшла на афганскую тэму

і аж скалануўся, як той, пазіраючы ў ягоны бок, прамовіў: Вон пусть скажет Саша Ступак, он участник, отмеченный наградами. Он на своих плечах вынес груз дружбы с братским афганским народом…

Пачуцьцё зьдзіўленьня кальнула Ступака — глядзі ты, ён ведае! Ведае пра Афган, нават называе яго па імені, чаго у Ступака не здаралася нават у войску, нават у Афгане. Незвычайны, дзівосны чалавек, сумеўшыся, думаў Ступак. Не сказаць, аднак, каб тыя цёплыя словы ўзрадвалі яго, — зьбянтэжылі, гэта дакладна. І ён, задуменны, пайшоў у курылку, калі ўсё скончылася і строй распусьцілі. Ён нічога ня мог нікому сказаць пра свае ўражаньне ад той сустрэчы, ды тут і ніхто не гаварыў пра яе нічога, усе зацята маўчалі, толькі бы пільней прыглядваліся адзін да аднаго, нібы выпрабоўваючы: ну што? Ну як? То былі толькі маўклівыя пытаньні без адказаў.

Нечакана надышоў момант, пра які Ступак столькі перадумаў калісьці, да якога ўвесь час міжволі рыхтаваўся. Здарылася, як і шмат што ў ягоным жыцьці, нечакана, зьнянацку, самым брутальным чынам.

Уранку, яшчэ да сьняданку пад іхнюю лясную дамоўку падкацілі адразу тры чорныя «Ландроверы», у якія порстка, бы мышы ў норы, шаснулі іх стракатыя постаці са сваімі новенькімі, яшчэ пахучымі ад змазкі «Узі». Пад камандай незнаёмага падпалкоўніка ў скураным паліто хутка пад'ехалі да прахадной нумарнога заводу на гарадской ускраіне, які нядаўна яшчэ быў «паштоваю скрынкай»; адразу заехалі ў двор і выгрузіліся ля будынку заводакіраўніцтва. Тут жыва разьбегліся двума шэрагамі ўпоперак прыступак, утварыўшы не шырокі, але і ня вузкі калідор да дзьвярэй, і застылі. Іншыя, што прыехалі раней, былі ўжо ўнутры. Усе маўчалі, аднак Ступаку стала зразумела, што яны забясьпечвалі прыезд самога. Ступак вольна стаяў на другой аднізу прыступцы і думаў, што тое самае, што валодала ім гэтулькі часу, здаецца, урэшце наблізілася ўшчыльную. Урэшце ён дачакаўся магчымасьці, пра якую столькі перадумаў, да якой імкнуўся. Ражок аўтамата быў поўны патронаў, аўтамат на грудзях у поўнай гатоўнасьці. Не хапала хіба апошняй кропкі рашучасьці. Але чаму? Хіба што-небудзь было ім няўцямлена, ці што зьявілася новае?

Нешта ўсё ж ён не пасьпеў дадумаць, каб канчаткова наважыцца, як да прыступкаў нечакана падляцеў адзін міліцэйскі «Мерсэдэс» з мігалкай упоперак даху, за ім другі такі ж самы. З іх борздка павыскоквалі людзі ў масках, разбегліся непадалёк па завадскім навакольлі. Тады падкаціў і трэці аўтамабіль, грузны, мабыць, браніраваны «Кадзілак», з якога праз паслужліва расчыненыя дзьверы лёгка выскачыў ён. На гэты раз ён быў у цёмным, добра адпрасаваным гарнітуры, пры даўгім, да пупа, гальштуку; хуткім, амаль драпежным позіркам кінуў у адзін бок, у другі, мусіць, каб упэўніцца, што варта на месцы і ягоная ахова забясьпечаная. Ягоны цьвёрды, уладарны твар цяпер нёс няскрушную злую суровасьць. Тым самым прыдзірлівым позіркам ён акінуў абмерлую варту і, здалося, нібы спатыкнуўся на гэткай жа, як сам, вусатай фізіяноміі Ступака. Ступак незнарок варухнуў кароценькай руляю аўтамату, міжволі скіроўваючы яе ўбок. Тады ж трывожна тузануліся ля пераносься русявыя бровы, але болей — нічога. Ступак абмёр, а той спружыніста скочыў цераз дзьве прыступкі вышэй і ўмомант апынуўся ля высокіх дзьвярэй, дзе яго чакала невялікая група ў штацкім і ў масках. Яны ўсе разам схаваліся ў памяшканьні. Ступак расслабіў свае напятыя мускулы і выдыхнуў.

Два шэрагі яшчэ працягвалі стаяць на прыступках, але ранейшае напружаньне мінулася, можна было расслабіцца. Штосьці было не зразумела Ступаку, — чагось нават крыўдна, ды ён ня мог разабрацца, чаму? Можа, за свае ранейшае, перажытое, а можа — за сёньняшняе — таго ён зразумець ня мог. Адно было пэўна — кілер з яго пакуль што не атрымаўся, і дзіўна, што тое цяпер пачало ім адчувацца нібы палёгка. Нібы ён ўратаваў жыцьцё. Найперш, можа, свае ўласнае. Магазін ягонага «Узі» застаўся цэлы, яго належала берагчы і прымяняць толькі ў крайнім выпадку. Але дзе той крайні выпадак і хто будзе вызначаць яго? Ужо, мабыць, ня ён. З прыкрасьцю Ступак адчуваў, што неўпрыцям і назаўжды страчвае свае ўласнае права, якім ужо распараджаліся іншыя.

А ён што ж – ён мусіў чакаць і падпарадкоўвацца. І ён чакаў, можа, з гадзіну ці болей, стоячы ўсё на той жа прыступцы, хіба мяняючы ўпор нагі. Хлопцы побач таксама чакалі. Іншай каманды

ім не давалі, і Ступак пачаў думаць, што на іх забыліся. Аж не! Палкоўнік у скуранцы штось гаркнуў з дзьвярэй, і яны замерлі. Ступак чакаў зноў убачыць самога, ды замест яго ў расчыненых дзьвярах паявіліся двое ў шэрых пінжаках — высокі і ніжэйшы, якіх цесненька абступілі хлопцы ў масках. Тыя два ішлі, патупіўшы долу сівыя галовы, неяк ненатуральна аднолькава трымаючы за спіной рукі. І толькі як спускаліся па прыступках, Ступак убачыў на іхніх руках бліскучыя кайданкі. Тады яму шмат што стала зразумела. Але нешта і яшчэ болей заблытвалася.

Арыштаваных павезьлі ў міліцэйскай машыне, а яны ўсё стаялі на прыступках, мусіць, чакалі самога. І Ступак думаў, што ягонае жыцьцё кудысь павярнулася. Хаця хто ведае, якім яшчэ бокам можа яно павярнуцца зноў. Усё ж жыцьцё кожнага сваю сілу мае — часам злую, нядобрую сілу…

1998

Бутэльчына, альбо Прэзідэнт на дрэве

Апавяданьне

Яхім Памазок — ветэран ВАВ і калгасны качагар па сумяшчальніцтве. Ягоная жонка Кацярына доўга рабіла ў калгасе даяркай, зарабіла паўкілё металёвых узнагародаў на грудзі і звалася майстрам машыннага даеньня. Яхім, што прынёс з вайны ўсяго адзін ордэн, вядома ж, зайздросьціў жонцы і хацеў, каб яго звалі майстрам цэнтральнага ацяпленьня. Званьне тое, аднак, не прышчапілася да Памазка, можа, з тае прычыны, што быў ён сыіец іншае справы, пра якую не любіў казаць. Але ён стараўся. У партыі браў удзел амаль пяцьдзесят год, часам актыўнічаў, аднойчы нават абіраўся ў раённы савет, ды няўдала. Сябры суцяшалі: яшчэ ня вечар. З тваімі заслугамі напэўна можпа дачакацца лепшага — вунь колькі старых бздуноў сядзяць дэпутатамі, чым ты за іх горшы?

Той дзень яны трохі прыкладіся да чарговай бутэльчыны — там жа, у качагарцы на сконе дня. Замурзаную бутэльчыну прынёс маладзейшы Яхімаў напарнік Юрка Дзядзенка, нядаўні механізатар, якому трактар вясной пераехаў нагу, і ён рабіў у

качагарцы. Зрэшты, як заўжды, галоўны Юркаў клопат палягаў наконт выпіўкі. Гэтую бутэльчыну ён перахапіў у знаёмага хлапца з «Сельгастэхнікі», які ў сваю чаргу прывёз яе ад адной бабкі з хутару, дзе тая гнала адмысловае па тым часе пітво. Усе, каму давялося паспытаць яго, казалі: бярэ, бы зьвер. У качагарцы тае прадукцыі яшчэ не каштавалі.

Не пасьпелі дружбакі выцягнуць з бутэльчыны куртаты, нібы абгрызены папяровы корак, як у кацельнае сутарэньне ўвапхнуўся трэці сабутэльнік — былы аграном Ладуцька. Гэты меў даўно адпрацаваны ў такіх выпадках нюх і не пудлаваў ніколі. Часам сябры былі ня супраць ягонага ўдзелу (калі выпівону хапала), часам наракалі — калі таго было мала, але заўсёды дзяліліся па справядлівасьці. Той раз бутэльчына выдалася нішто сабе — большая за паўлітра, а што да яе зьмесьціва, дык спрактыкаваныя пітакі вызначылі адразу. Ладуцька аж скалануўся ад задавальненьня: ай, халера, бярэ! Бярэ, пацьвердзіў і Памазок, глыкнуўшы з заскарузлай ад бруду шклянкі. Па чарзе выпілі ўтрох, закусілі цыбулінай з салам ды абкрышаным кавалкам хлеба. Большага ім і ня трэба было — галоўнае выпіць ды закурыць. Натуральна, не марудзячы, выпілі і яшчэ, а затым дадалі. Менавіта тады ў зачыненыя на крук дзьверы качагаркі пастукалі — моцна, патрабавальна, як гэта звычайна рабіла хіба Памазкова жонка або хто з начальства. Кампанія сьпярша прыціхла, а пасьля Памазок падняўся. Паводле нейкіх толькі яму вядомых прыкметаў ён сьцяміў, што то ня жонка і ўжо не старшыня — хтось іншы.

І праўда, то была паштарка Рыбакова Анюта, якая з парогу сунула Яхіму пакамечаны, са сьнежнай крупкай блакнот — тэлеграма вам, расьпішыцеся.

Дрыготкай рукой Памазок крамзануў сваё прозьвішча і разгарнуў аркушык тэлеграмы. Міжнародная, аднак, значылася буйна ўгары, а ўнізе быў нейкі тэкст, які Яхім ня мог прачытаць без акуляраў і аддаў маладзейшаму Юрку. Той моўчкі прачытаў і, дзіўна якочучы, бокам паваліўся з табурэткі на падлогу. Памазок няўцямна пазіраў на яго. Паперыну ўзяў Ладуцька. Маё віншаваньне, маё віншаваньне, замармытаў ён і аж крыкнуў: «Юрка, кроў з носу бутэльку!» — «Але што?» — няўцямна ўтаропіўся ў яго Яхім. «Што? А

во што, чытаю: «Містэру Памазку Яхіму Найвышэйшы дзяржаўны савет дэмакратычнай рэспублікі Памазоніі віншуе вашую вялікасьць з абраньнем на высокую пасаду прэзідэнта рэспублікі Памазоніі якую належыць заняць 22 лістапада білет авіякампаніі Люфтганза да шчасьлівага спатканьня подпіс найвышэйшы савет».

Памазок зьняможана апусьціўся на ababітую цыратай табурэтку, ён не разумеў нічога: «Каго? Мяне? Якім прэзідэнтам? Якой Памазоніі?» — «Цябе, цябе, ось жа напісана», — тыцкаў яму тэлеграмай у твар Ладуцька. Юрка Дзядзенка, ад'енчыўшы сваё, сеў роўна на табурэтцы і вытрашчыў ад зьдзіўленьня вочы, бы ўпершыню ўбачыў напарніка, які ўсё паўтараў няўцямна: «Я — прэзідэнт?» — «Ты, ты, ось жа напісана. Юрка, бягом за бутэльчынай», — камандаваў былы аграном.

І праўда, Дзядзенка паслухмяна падыбаў на сваей кульбе да дзьвярэй, а Памазок усё ня мог чагосьці зразумець. Найперш ці не правакацыя тое, арганізаваная міжнародным імперыялізмам або сусьветным сіянізмам? І дзе тая Памазонія, якой ён ніколі ня чуў нават, што за краіна? Добра, калі сацыялістычная, а калі... І чаму яго ў прэзідэнты, ці ён прасіўся? Найперш карцела паслаць усіх на тры літары ды вярнуцца да таго, што было. А было няблага, яны спакойна выпівалі... Але ж Юрка пайшоў па гарэлку, мабыць, нягожа падводзіць сяброў, гарачыцца, лепей узважыць усё як мае быць. «Во і добра, што тады цябе ў райсавет пракацілі», — сказаў Ладуцька. «Чаму гэта — добра? — зьдзівіўся Памазок. — Няварты ці што?» — «Варты, варты, але тады б прэзідэнтам ня стаў. А так — прэзідэнт, віншую», — амаль ліслівa мовіў Ладуцька. А й напраўду, падумаў Яхім, нашто адмаўляцца? Калі што, качагарка ад яго не ўцячэ. А там, можа, хоць дзяшовую іншамарку прыдбаць, а то зяць ужо воўкам глядзіць, яшчэ дачку кіне. Але ж — жонка, раптам задумаўся Яхім, як яна да таго паставіцца? Прэзідэнтша ж...

Яго клопатны роздум перапыніў Дзядзенка, які, канешне ж, прынёс і бутэльчыну. А з ім у качагарку напхнулася і яшчэ выпівохаў розных узростаў — ужо ўсе ведалі Памазкову навіну і прагнулі яе абмыць. У кацельні стала цесна ад людзей, якія абступілі Яхіма. Кожны стараўся павіншаваць ці хоць пахвал іць, а то і даць параду: «Ну, пашэнціла чалавеку! Памазок там навядзе парадак! Слухай, ты

там адразу — дэмакрацію к ногцю! Калі што — мы на падмогу. Але ўжо там пап'еш гарэлачкі...»

Памазок усьмешыста маўчаў, яму ўжо не цікава стала размаўляць з гэтымі людзьмі і адказваць на іхнія досьціпы. Галоўнае — ён паверыў у сваю ўдачу і амаль пераканаў сябе, што ўсё правільна. Іначай і не магло быць. Ён — прэзідэнт рэспублікі Памазоніі, пэўна ж, высакаразьвітай, не якой-небудзь адсталай краіны. Адсталая краіна яго прэзідэнтам не выбірала б. Канешне, ён там ня быў, але не сказаць, што зусім незнаемы з «капстранамі» — калісь у вайну браў Берлін і нават адзін раз пераспаў у мокрым шынялі на іхняй пярыне. Нічога асаблівага. Праўда, тады ён быў радавы, не сяржант нават, а тут — адразу ў прэзідэнты. Граматы меў няшмат — сем класаў, але павінна хапіць. Расьпісацца ўмеў прыстойна, асабліва калі пакласьці локці на стол, а для прэзідэнта тое, мабыць, галоўнае.

І тут ён здагадаўся, чаму ў прэзідэнты Памазоніі абралі менавіта яго. Уся справа ў прозьвішчы. Ці не паходзяць ягоныя продкі Памазкі з тае Памазоніі? Добра ж вядома, што заўсёды і ўсюды цягнуць сваіх людзей — хоць з калгаса ў раён ці з раёну ў сталіцу. Гэтак і ў іншую краіну Калі так, дык ўсё зразумела і, мабыць, законна. Няма пра што турбавацца.

У той дзень надвячоркам ён ужо не пайшоў у качагарку, на ягонай зьмене яго падмяніў напарнік. Рана ўстаўшы назаўтра, пачаў рыхтавацца ў дарогу. Найперш аднёс у майстэрню боты. Боты, канешне, ня новыя, але калі падбіць падмёткі, дык яшчэ паслужаць і ў той Памазоніі. Па дарозе зайшоў у цырульню. Увогуле падстрыгаць не было чаго — даўно ўжо ад ілба да патыліцы пралягала шырокая лысіна, ды усё ж... Калі стаў прэзідэнтам, дык хацеў выглядаць адпаведна. Мабыць, у дарогу трэба было б мець які чамаданчык, ды ў мястэчковых «Таварах паўсядзённага попыту» чамаданаў не было. Давялося пазычыць невялічкі куфэрак у Сьцяпаніхі, які застаўся ад зяця, што калісь зьбег ад дачкі на БАМ. Спрытны куртаценькі гальштук пазычыў у агранома — казалі, бяз галынтука там будзе нягожа. Можа, і праўда. З жонкай сталася горш — два дні сварыўся. Сьпярша ягоная Кацярына была катэгарычна супраць, каб ён куды ехаў, а пасьля, заплакаўшы, заявіла: і я з табой.

Яхім стаяў на сваім: паеду адзін. Л як абжывуся, тады паклічу цябе. «Чорта ты пакп ічаш, там сабе маладзейшую знойдзеш...» Ледзьве адчапіўся ад жонкі.

ІІраводзілі прэзідэнта Памазоніі сьціпла і непрыкметна. Купка дружбакоў прыйшла на засьнежаны аўтобусны прыпынак, куды ён прыпёрся за паўгадзіны раней часу. Ззаду ішла сплаканая жонка, усё бубніла сваё: «Ну паглядзіце, здурнеў стары. Ну куды ён прэцца?» — «Ладна, ня плач, прэзідэнтшай будзеш», — суцяшаў яе Ладуцька, які трымаўся ля сябра неяк дужа блізка і сардэчна, быццам што хацеў сказаць асаблівае. Ён і сказаў, як Кацярына адвярнулася: «Можа, там, гэта, і мяне куды... Каб па аграрнай часьці. А то тут, ведаеш... Памазгуй, Яхімка». Яго перапыніў Юрка Дзядзенка, які прыстыргікаў на прыпынак, канешне, не з пустымі рукамі. «Трэба аглаблёвую!» — прапанаваў ён, адкаркоўваючы бутэльку, якую спаважна перадаў напарнікупрэзідэнту Той трохі выпіў, затым выпілі Дзядзенка, Ладуцька, абодва браты Целяпенчыкі і напасьледак да бутэлькі прыклалася заплаканая Кацярына. Тады і перастала плакаць. Тут якраз падкаціў аўтобус. «Ну — пакеда, чакайце на госьці», — махнуў з аўтобусных дзьвярэй Памазок. Невялічкая грамадка засмучаных землякоў засталася на аўтобусным прыпынку.

Як ён ехаў аўтобусам да станцыі, пасьля цягнікам да Масквы і там праходзіў доўгую шаталомную працэдуру ў міжнародным аэрапорце — мала што запомніў, усё нібы плыў у разрэжаным алкагольным тумане, хаця і быў цьвярозы, бы шкельца. Ды так сталася, што ўсё было ня ў знак, — ішоў не туды, рабіў ня так і ня тое. Яго раз за разам асаджалі і тузалі, нават лаяліся — усе гэтыя міліцыянеры, жанчыны з пагонамі і нават дзяўчаткі, зусім лагодныя з выгляду, але што да яго, дык з яўна металічнымі позіркамі. Яму так і карцела абурыцца, сказаць ім, хто ён і куды едзе. Ды ўсё ж чалавек ён быў сьціплы, асабліва сярод незнаемых людзей, і трываў. Трохі ачомаўся толькі ў самалёце, як мілае дзяўчо ласкава папыталася, што ён будзе піць? Ён зірнуў на стос бутэлек у калясцы і ткнуў заскарузлым ад торфабрыкету пальцам у самую знаёмую — во гэта. Дзяўчо наліла з напарстак «Сталічнай», і тады Памазок,

можа, упершыню схамянуўся — а ці туды ён едзе. Калі выпіць даюць – курам на сьмех!

У самалёце ён хутка заснуў лёгкім сном праўдзіўца, ня грэшніка, ведама ж нямала натузаўшыся ў дарозе. Прачнуўся, як падкацілі каляску з харчам, ды столькі, што ледзьве зьмясьцілася ўсё на маленькім адкідным століку. Тады зноў далі выпіць — паўшклянкі кіслага віна, якое ён не ўзлюбіў з часоў дружбы з братушкамі. А во ягонаму суседу — выгалястаму буржую ў стракатым пінжаку, налілі чагось, пэўна, мацнейшага, а пасьля і яшчэ дабавілі. Памазку таксама захацелася такога, але ён ня ведаў, як папытацца, і трываў. Хай, думаў, дацягну да Памазоніі, а ўжо там...

Самалёт ішоў над аблокамі, унізе, мяркуючы па ўсім, быў акіян, глядзець там не было на што, і ён зноў заснуў. А як прачнуўся, дык аж спалохаўся, што спозьніцца — усе паўскоквалі з месцаў, пачалі цягнуць свае валізкі, апратку, — мабыць, прыехалі. Па гучнай сувязі ў самалёце пра штосьць аб'яўлялі, але хіба зразумееш, пра што? І тады Памазок падумаў: ці знойдзецца хто ў Памазоніі, каб разумеў па-нашаму? Але наўрад. Калі ўжо ў Менску мала хто разумев, дык чаго чакаць у заморскай краіне. Гэта яго пачало турбаваць.

Дарма, аднак, тое яго турбавала — ужо на першай паліцэйскай загародцы, нават не запытаўшыся, яго пазналі, і два маладыя, дбайна апранутыя чалавекі кудысь павялі праз агромністы гаманкі аэрапорт. Як толькі выйшлі на сьпякотную вуліцу над шэрагам высачэнных пальмаў, падкаціў даўгі аўтамабіль, і тыя паслужліва расчынілі дзьверы — сядай, пан прэзідэнт. Ён і сеў. Пасьля селі яны — адзін наперадзе, другі, што нёс ягоны перавязаны дзяжкай куфэрак, побач. Як яны ехалі, Памазок ва ўсе бакі круціў галавой, дужа яму тут было цікава. Людзей на вуліцах сноўдала процьма — белых, чорных і нейкіх невялічкіх жаўтлявых, міма праносіліся статкі аўтамабіляў, і тут, і там стаялі купкі плячыстых «гарылаў» у камуфляжнай форме жабінага колеру. Што шмат паліцэйскіх, Памазку спадабалася: значыць, будзе парадак у ягонай Памазоніі, такі ж, як і ў Беларусі. Хіба палкі ў гэтых былі надта кароценькія, ня тое, што ў беларускіх — трэ будзе падоўжыць, пачаў уваходзіць у дзяржаўны клопат новы прэзідэнт. Ён спрабаваў загаварыць з канваірамі, але абодва маўчалі, бы нямкі. Тады і ён змоўк,

падумаўшы: можа, яны саромеюцца яго, бо ўсё ж маладзейшыя, а ён стары, ды не абыхто — прэзідэнт!

Яны доўга ехалі па зіхоткіх ад шыльдаў вуліцах невядомага гораду, затым праз нейкі дзівосны лес з велізарнымі, проста гіганцкімі дрэвамі. Гэткіх сукаватых дрэваў не расло на Памазковай радзіме, у густое суччa ўгары не прабівала нават яркае сьвятло фараў. А як аўтамабіль спыніўся, зьдзіўленьню Памазка не было мяжы. Сярод лесу, ярка асьветлены электрычнасьцю, раскашаваў палац. Чырвоная жвіровая дарожка, шырокія прыступкі і над імі калоны. Бог ты мой, якія гэта калоны — белыя і таўшчэзныя, з пакручастымі загагулінамі на вяршках, якія нібы ўкручваліся ў прыцьмелае неба. Задраўшы ад захапленьня галаў, Памазок аж спыніўся, але да яго штось гукнуў той, што ішоў ззаду, і ён подбегам дагнаў пярэдняга, які ўжо расчыняў высачэзныя дзьверы ў палац.

Усё тут наскрозь было заліта электрычнасьцю, чырванела дыванамі ў доле. На ягоным шляху маўклівымі слупамі стаялі нейкія людзі ў чорным і камуфляжы, па безьлічы новых прыступак яго павялі ўгору. Сьпярша ён пачаў лічыць тыя прыступкі, налічыў пяцьдзесят і кінуў. Затым яны кудысь шпарка ішлі праз пакоі і па калідорах, цемнаватых і сьвятлейшых, і ўрэшце, як ён зразумеў, прыйшлі. То быў вялізны, бы вакзальны, пакой з бліскучым і сьлізкім паркетам, на сярэдзіне якога блішчэў бакамі нейкі агромністы шкляны каўпак. У прыцемках прыгледзеўшыся да яго, Памазок зразумеў, што над каўпаком ложак. Вялізны шырокі ложак з бялізнай, на якім ці не яму сёньня спаць? Абодва ягоныя канваіры дзесь зьніклі, замест іх зьявілася чорненькая жанчынка з дужа белымі зубкамі і ў белым фартушку. Яна паставіла на столік пры каўпаку бліскучы падносік і, усьміхнуўшыся, выйшла. Памазок адразу пацікавіўся, што на падносе, — але нічога здатнага ня ўбачыў. Пара нейкіх зялёных фруктаў, шклянка жоўтага соку, малако ў кубку і ўсё. Ні чарчыны, ні бутэльчыны. Скупыя, аднак, людзі ў гэтай Памазоніі, падумаў прэзідэнт. Хаця не сказаць, каб бедныя.

Трохі патупаў з кутка ў куток гэтай стадолы, паслухаў цішыню. Абышоў вакол каўпака, пастукаў пальцам па ягоным шкле — тоўстае, халера. І навошта? Ніхто болей да яго не заходзіў, і

прэзідэнт, намарудзіўшы, сьцягнуў з ног боты. Спаць — ведаў з часоў даўняй салдатчыны — было заўсёды найлепшым выйсьцем. Як у вайну, так і ў міры.

Прачнуўся, мусіць, зарана, вылез зпад каўпака, сеў у крэсла і сядзеў. Чакаў. Скрозь было ціха, чуваць толькі, як за акном у гольлі дрэваў шугалі птушкі, акурат як у садку за качагаркай — сініцы. Тады ён пайшоў шукаць месца, дзе можна б справіць сваю патрэбу. Тыцнуўся ў адны дзьверы — зачыненыя, у другія — таксама. Тады знайшоў трэція, адразу, як адчыніў іх, навакол пыхнула сьвятлом, ярка высьвеціла ўсё, і Бог ты мой, што ён згледзеў! Думаў — туалет, а тут аказалася адмысловая туалетная зала, усе сьцены і столь — бялюткія і люстраныя, як і ванны ды розныя ракавіны і ўнітазы. Шмат што навакол аздоблена золатам, невядомага начыньня — бы ў кабінеце зубнога доктара. Ён дакрануўся да аднае кнопкі, ды аднізу як плясьне ў твар — аж вылаяўся, падумаўшы, аднак, што, мабыць, гэтак нягожа. Напалохаўшыся, адразу падаўся да выхаду. Падумаў, можа, дзе знойдзецца болей звыклае месца, тут пэцкаць што ў яго не хапіла адвагі.

Як ён вярнуўся да свайго каўпака, зноў расчыніліся нейкія дзьверы і ў пакой увайшла мажная белая жанчына — зноў з маленькім падносікам у руках. Штось буркнуўшы, яна паставіла падносік на месца ўчарашняга, які ўзяла з сабой. Наважыўшыся, Памазок пастукаў па баку каўпака —навошта гэта? Думаў, не зразумее, аж зразумела і сказала: пук-пук ноу. І ўсьміхнулася. Надзіва і Памазок зразумеў: то ад куляў, а ён думаў… Але што з таго вынікае?

Трохі азадачаны, падышоў да свайго сьняданку — зноў высокая шклянка соку, нешта цёплае ў малюпасенькім чайнічку, скрылёчкі сыру і маленькая булачка. Выпіць жа зноў не было ні кроплі.

Не пасьпеў ён падумаць, што зьесьці, як расчыніліся дзьверы і ў пакой шпарка ўвайшлі яго ўчарашнія маладыя канваіры. Адзін з іх моўчкі, але выразна кіўнуў на дзьверы. «З куфрам?» — папытаўся Памазок, паказваючы на свой пакінуты пры ложку багаж. Той крутнуў галавой — значыць, без багажу, зразумеў Памазок і падняўся.

На гэты раз яны нікуды не паехалі, толькі ішлі доўгімі калідорамі — быццам у другі канец палацу, дзе зноў апынуліся нібыта ў больніцы — усё тут было гэткае белае і сьветлае. Наўкола зьзялі нейкія прыборы, крэслы, люстэркі. Людзі, пераважна жанчыны, былі апранутыя ў белыя зграбныя халацікі. Заўважыўшы ягоны зьбянтэжаны выгляд, адна, дужа белазубая, мовіла: імідж, імідж, ды ён не зразумеў — які імідж? Але яго прымусілі распрануцца ў дужа шыкоўным і вялікім прылазьніку, і як толькі ён, голы, пераступіў парожак, яго тут жа абдало сыдюдзёным струменем зьверху. Скалануўшыся ад нечаканасьці, ён не адразу знайшоў што пакруціць, каб пацепліць ваду. Неяк абмыўся збольшага, праклінаючы, аднак, гэты залішні шык. Але разумеў, канешне, што, мабыць, так трэба, што гэта — ня дома. Ды і ён не качагар. Усё ж — прэзідэнт.

Як памыўся, распараны, надзеў на сябе белы тоўсты халат, што вісеў на залачонай вешалцы поў бач, і выйшаў. Тут яго зноў абступілі жанчыны, усе ў чысьценькім белым, нібы даяркі. І, адвёўшы ў надзвычай сьветлы кабінет, пасадзілі ў крэсла. З усіх бакоў зьзялі люстэркі, і з іх ашаломлена пазірала ягоная аздаба. Жанчыны пачалі штось абмяркоўваць, як ён здагадаўся, — ягоны выгляд. Ён і сам з цікавасьцю паглядзеў на сябе. Канешне, не маладзён, зашмат зморшчын на цёмным, нібы апечаным твары дый выгляд надта заклапочаны, бы вінаваты. Але што зробіш? Найперш узяліся за яго парэпаныя ў качагарцы рукі, паклалі іх на бялюткія сурвэткі, дзе мазалі, мачылі і церлі. Мабыць, кепска, аднак, адціраліся ўедлівыя сьляды торфабрыкету з яго замазалелых рук. Ды майстрыцы стараліся. Асабліва наконт вялікага пальца з крывым заскарузлым кіпцем, які яны і пілавалі, і шліфавалі, — усё роўна той заставаўся крывы і непрыгожы. Далей, ужо ў другім крэсьле яго далікатна стрыглі, галілі шчокі, парфумілі і макіяжылі — наводзілі незвычайны шык на яго прэзідэнцкі твар. Пасьля ўсяго наклеілі на лысіну ладны кучаравы хамлак і пад нос — зухавата-бухматую паску вусоў. Усё тое было відаць у люстэрках, і Памазок толькі зьдзіўляўся, як з нядаўняга качагара выходзіць зухаваты фарсісты замежнік. «Імідж, імідж», — усё шчабяталі майстрыхі, і ён спакваля зьміраўся з сваёй нялёгкаю доляй. Але што ж, мусіць, доля таго вымагала.

І праўда, з аграмаднага крэсла ён устаў зусім іншым, чым нядаўна садзіўся туды, і пачувацца стаў адпаведна. Найперш — прыбыло сілы і нават гонару. А як у наступным пакоі пачалі мераць яму гарнітуры, дык ён аж спадабаўся сабе — такіх файных апратак ён ня толькі ніколі ня меў, але і ня бачыў. Хіба ў тэлевізары. Чорны, бы смоль, пінжак з бялюткаю хустачкай у кішэньцы, такая ж белая сарочка і гальштук. Чаравікі замянялі двойчы, пакуль не прынесьлі дужа блішчастыя на высачэзных абцасах, ад чаго ён куды як падвысіўся ростам. З насалодай пратунаў па люстраным паркеце — лясь, лясь... Добра стаць прэзідэнтам!

Настрой яго трошкі пагоршаў, калі ў іншым пакоі, куды яго затым прывялі, вялізны паліцай ці вайсковец падаў яму штосьці няўклюднае і цежаленнае. «Што гэта?» — зьдзівіўся Памазок, і здаравяк адказаў: «Панцірблёк!» Бесцырымонна зьняўшы з яго пінжак, той навесіў на ягоныя плечы дзьве засланкі — спераду і ззаду. Памазок аж прысеў. «Але ж цяжкі», — мовіў ён, ды здаравяк толькі выскаліў свае конскія зубы. Як надзеў зьверху пінжак, дык стаў сам ня свой — нейкі камлюкаваты, здаравенны і таўсты. Ад нядаўняе Памазковай шчуплыні не засталося і сьледу.

Затым далі трошкі спачыць у прахалодзе з пальмай над высокай зашклёнай стольлю. На нізенькі, таксама шкляны столік прынесьлі дзьве шклянкі — з сокам і лёдам, да якіх Памазок і не дакрануўся нават. Што яму сок, калі карцела чагось зьесьці і, канешне, глыкнуць з такой пературмы. Дома гэткай парой ужо быў пасьнедаўшы, а то і паправіўшы галоўку, — калі было трэба. Але тут у яго не пыталіся, а ён ня ведаў, што і як сказаць. Ды во прыйшлі ажно тры вайскоўцы, сапраўды, быццам гарылы — усе ў камуфляжы і малінавых бярэтах, з вялізнымі рэвальверамі на баку. Зноў яго павялі. Адзін ішоў наперадзе, два ззаду — зноў нібы канваіры. Але Памазок ужо не баяўся, яго нядаўняя няёмкасьць збольшага мінулася, у новай аздабе ён пачуваўся амаль упэўнена, нават зьявіўся гонар. Ішоў, шырока сігаючы на высокіх абцасах і няўзнак пазіраў на сябе ў люстэркі, якіх багата траплялася па баках, зусім не пазнаючы ў гэтым вусатым таўстуну сябе — колішняга калгаснага качагара. Доўгі стракаты гальштук целяпаўся каля матні.

Урэшце невялічкі канвой спыніўся каля нейкіх зачыненых дзьвярэй, трошкі счакаў, і дзьверы шырока, на абедзьве палавіны расчыніліся. Тут яго прапусьцілі наперад, Памазок увайшоў у вялізную залу, ад парогу якой адзін супраць другога стаялі два шчыльныя шэрагі вайскоўцаў. Усе былі ў аднолькавым камуфляжы, толькі адзін шэраг быў у бярэтах малінавага колеру, а другі — маркоўнага. Шэрагі штось гаркнулі, падобна — вітаньне, на што Памазок паціху кінуў свае — дабрыдзень, іншага ён ня ведаў. Наводдаль у канцы залы месьціўся аздоблены золатам стол з адным крэслам, у якое, як зразумеў Памазок, яму належала сесьці. Што ён і зрабіў без замінкі. Тады з шэрагу малінавых бярэтаў выйшаў самы тоўсты вайсковец і пачаў прамаўляць. Прамаўляў гучна і доўга, аж гуло ў высокім падстольлі, малінавыя прытым зьзялі вачыма, а твары маркоўных наадварот — корчыліся ад злосных грымасаў. Але ўсе стрымана маўчалі. Пасьля таўстуна малінавых таксама грымотным голасам пачаў мовіць яшчэ болей тоўсты і аграмадны маркоўны. Памазок зьніякавела сядзеў на краі крэсла. Ягоная душа ўпершыню адчула, што гэтае прэзідэнцтва можа дабром ня скончыцца.

Як тыя два бугаі адкрычэлі свае прамовы, аднекуль збоку вынік непрыкметны малады чалавек з папкай і паклаў перад прэзідэнтам дзьве старонкі нейкага кароценькага тэксту. Тут жа зьявілася прыгожая асадка з залатым шлячком. Памазок сьцяміў, што трэба падпісаць. Што там надрукавана, было невядома, тэксты былі аднолькавага памеру, а вяршкі — з прыгожа намаляванымі пеўнямі. Але пеўні былі неаднолькавыя. Памазок ад нараджэньня быў хлопец прыкметлівы, і цяпер згледзеў, што адзін певень быў нібы ў пер'і, а другі — нібы абскубаны. Які з іх належала падпісаць першым, было невядома.

Між тым, абодва шэрагі зацята чакалі, скіраваўшы на яго нейкія дужа непрыемныя ваўкаватыя позіркі.

Памазок пасунуў да сябе тую паперчыну дзе быў певень з пер'ем, і адразу адчуў, што памыляецца — левы шэраг малінавых заварушыўся, зласьліва загуў. Тады ён адсунуў паперчыну і пацягнуў руку да іншае — з абскубаным пеўнем, і тут жа настырчыўся шэраг маркоўных. Д'ябал іх ведае, як было зрабіць, каб

дагадзіць абодвум? Трохі счакаўшы, бы ў роздуме, Памазок зноў падсунуў ранейшы аркуш і нават пасьпеў вывесьці першую літару П…

Падпісваючы, ён адным вокам працягваў сачыць за шэрагамі і адразу згледзеў, як аднекуль ад дзьвярэй паявіўся падобны на д'ябалёнка, невялічкі прыгнуты чалавечак з даўжэзным кулямётам у руках. Кінуўшы асадку Памазок, бы на фронце, кульнуўся над стол, як залу аглушыла грымотная кулямётная чарга. Ад стала паляцела ўгару ашмоцьце папераў, трэскі; Памазка, бы кувалдай, выцяла ў грудзі, і ён дагары нагамі сьлізгануў ад стала на паркеце. Адчуваў, што жывы, але ўскочыць ня мог, да яго падбеглі нейкія людзі, паднялі і хуценька павялі праз бакавыя дзьверы з праклятай залы. Дзіўна, але людзі навокал былі нават спакойныя, нібы нічога асаблівага і ня здарылася. Дый ніхто болей не пацярпеў, можа, не спалохаўся нават. Дрыжучы ад страху, Памазок даў садраць з сябе ператвораны ў ашмоцьце шыкоўны пінжак і з удзячнасьцю падумаў пра свой выратоўчы панцыр.

У гэтых пакоях, куды прывялі Памазка, вайскоўцаў не было ніводнага, вакол тоўпіліся цывільныя — добра апранутыя, усе скрозь вусатыя мужчыны розных узростаў. Памазок пакратаў свой вус — той аказаўся на месцы. А во хамлак з лысіны дарэшты зьмяло чаргой, і прэзідэнт падзівіўся, як блізка яго мінула пагібель. Ён усё яшчэ ня мог акрыяць ад прыкрага здарэньня, каб усьміхнуцца, тады як усе навокал аж расплываліся ў лагодзе добразычлівасьці. У Памазковай душы другі раз мільганула сумненьне наконт слушнасьці сваей паездкі. Як тут з ім абышліся! Але, падобна, тое нікога, апроч яго, не клапаціла.

Неўзабаве яму прынесьлі новы, яшчэ болей шыкоўны гарнітур — чорны, з малюсенькімі бліскаўкамі па тканіне і новы даўжэзны гальштук — малпы сярод пальмаў. Гальштук асабліва спадабаўся Памазку, і ён папрасіў служку, каб той завязаў яго яшчэ даўжэй, чым ранейшы. Такія даўгія гальштукі тут былі ва ўсіх. Як яго апранулі, тады зноў кудысь павялі разам з грамадою гаваркіх мужчынаў. Памазок паныла і моўчкі ішоў. Ажыў толькі апынуўшыся ў прасторнай асьветленай зале з багата накрытым стадом, на якім

выразна тырчэлі рыльцы бутэлек. І тады ён падумаў, што ўсё ж гэта краіна, мабыць, не такая і кепская, як ён сьпярша меркаваў.

Як пачалі рассаджвацца за сталом, нейкі сівавусы мажны мужчына, можа, туташні тамада, пацягнуў яго ў канец стала да крэсла, адметнага сярод іншых дужа выкрутасьлівым падплечнікам. Памазок, можа б, і сеў на яго, калі б насупраць на стале было штось болей прывабнае, чым жоўтае пітво ў графіне. Крэсла выразна не здалося Памазку выгодным, ён ужо нагледзеў для сябе лепшае — каля невялічкай, але прывабнай купкі бутэлек. Там ён і сеў. На адмысловае ж крэсла змушаны быў сесьці той белавусы; лакей зважліва памяняў іхнія карткі, ніто былі расстаўленыя перад кожным месцам.

Упершыню за ранак Памазок перавёў дух і ўжо стаў забывацца на прыкрае здарэньне. Пакуль побач гаманілі, ён засяродзіў увагу на дзьвюх бутэльках, адна з якіх здалася яму знаёмай. Як лакеі зза плячэй пачалі наліваць бакалы, Памазок паказаў свайму — во гэту, і той зважліва наліў яму, — праўда, ня ў самы вялікі фужэр. Памазок на тое паморшчыўся, але змоўчаў — хай! Можа, не апошняя, мабыць жа прэзідэнцкі тэрмін не на адзін год. А калі што, дык можна і падоўжыць…

З таго адмысловага крэсла з фужэрам жоўтага соку ў руцэ ўстаў сівавусы — мабыць, каб мовіць тост. Памазок з гатоўнасьцю працягнуў руку да свае чаркі, як перуновы выбух абрушыў усё — і стол, і гасьцей, і ўсю гэтую залу. Засыпаны друзам Памазок апынуўся далека ў куце, побач цяжка пляцнулася долу ўзьнятае выбухам грузнае цела сівавусага тамады. Адусюль сыпалася тынкоўка, трэскі ды кавалкі мэблі, бітае шкло бутэлек, енчылі людзі. Памазок на кукішках падаўся між акрываўленых целаў у той бок, дзе, намятаў, былі дзьверы.

Зрэшты, ён мог бы і не турбавацца пра дзьверы, — як трохі асеў пыл, дык убачыў, што канца палацу як не было — скрозь грувасьціліся кавалкі сьценаў, каменьня, знадворку тырчэў абломак калоны. Уцалелі хіба нейкія прыступкі з нарэнчынамі, да якіх і падаўся Памазок. Абы прэч з гэтага жахлівага палацу…

Ён мкнуў прэч, а прыступкі вялі, куды самі хацелі - унутр і ўгару. І ён бег па іх, пасьля задыхана плёўся, бо блізка ўнізе ўсчалася

страляніна і чуліся крыкі. У нейкім сьцішаным закутку скінуў з сябе свой цяжкі панцыр, які ўжо н не было сілы трываць на плячах. Ён прагнуў выбавіцца з гэтага муру, кідаўшыся па ягоных заблытаных пераходах, пакуль незнарок не апынуўся на даху. Але, можа, і добра, што на даху, тут нікога не было і можна было аддыхацца. Дах быў вялізны і плоскі, з рознымі папярэчынамі і надбудоўкамі ў доле. Зьнізу Памазок ня быў бачны, і тое абнадзейвала. Можа, яму пашэнціць перахавацца да ночы, а ноччу ён бы як-небудзь уцёк. Памазок ужо набыўся ў гэтай краіне, болей яму не хацелася. Ён ужо амаль пераканаўся, што зрабіў памылку, калі паквапіўся на тое прэзідэнцтва.

Унізе між тым усчалося штось неверагоднае - падобна, ішоў бой, як на вайне. Чуліся выбухі, стрэлы і гучныя каманды вайскоўцаў. Але хто - на каго, хто - за каго, зразумець было немагчыма. Трохі ачомаўшыся, Памазок памкнуўся зірнуць з даху, падкраўся да карнізу, ды зараз жа кулямётная чарга ледзьве не зьнесла яму галаву. Памазок порстка пляснуўся долу - значыць за ім сачылі. Ляжаў, думаў, што пэўна, гэта маркоўныя, якім ён не дагадзіў. Тады ён на кукішках падаўся да іншага боку даху, дзе, можа, былі малінавыя - ужо на гэтым ён паспрыяў, падпісаўшы іхняга пеўня. Можа, яны яго ўратуюць? Але толькі ён глянуў з-за нейкага коміну ўніз, як адтуль зноў грымнула пара чэргаў, якія дашчэнту зьнеслі цагляны верх коміну. Здаецца, ягоны шлях уніз быў адрэзаны з абодвух бакоў. Што было рабіць прэзідэнту гэтай дурной краіны?

Унізе тым часам доўжылася гамана, крыкі, час ад часу гахалі выбухі гранатаў. Па карнізах паддашша лапаталі кулі — яго намагаліся выбіць адсюль. Але ён не такі дурны, каб пакідаць сваё месца, сваю Брэсцкую крэпасьць. Ён будзе сядзець тут да апошняга і загіне героем. Хай ведаюць, якія прэзідэнты растуць у партызанскай рэспубліцы.

Але пакуль ён быў жывы, і, нямала стаміўшыся, прысеў каля нейкае бетоннай папярэчыны. Горш за ўсё, што на гэтым даху не было засені, а з паўдзённага неба неверагодна горача паліла сонца. Памазок даўно быў мокры ад поту і незнарок прыгадаў, колькі на тым стале было настаўлена рознага пітва. Ды нікому нічога не дасталося, — во чортава краіна! Каб жа хоць не было, як на ягонай

радзіме, а то... То не даюць, то страляюць, а ты бегай з раніцы галодны і дашчэнту цьвярозы. У такі момант тужлівай скрухі побач штось шлёпнулася долу — ён азірнуўся: то была гронка бананаў. Але адкуль? Памазок паўзіраўся ў недалёкае гольле дрэваў, што месцамі былі вышэй даху, і ўбачыў там малпу. Тая сядзела на тоўстым суку і сьмешна крывіла свой рухавы зморшчаны тварык, — бы насьміхалася над чалавекам. «Во, дзіва, — падумаў Памазок, — тут яшчэ і малпы. Трэ будзе не забыцца расказаць пра тое дома...»

Але да дому, мабыць, было далека, — нешта дужа застралялі ў дальнім, разбураным канцы палацу. З бананам у руцэ Памазок падаўся туды і хутка сьцяміў — з таго боку лезьлі. Пераскокваючы папярэчыны, ён кінуўся ў другі канец даху, ды й там не было спакою. Там таксама спрабавалі ўскараскацца да яго — да сьцяны падагналі вялізны аўтамабільны кран. Адзіны бясьпечны бок быў пад дрэвамі, дзе разьлягаў парк. Не марудзячы, Памазок разьбегся, як калісь у маладосьці, і скокнуў на бліжні сук. Ён удала ўчапіўся, напружыўся і апынуўся на суку зьверху. Тут была прыемная засень, зводдаль на суках расьсеўся з паўтузін малпаў, якія адразу ж усчалі абураны вэрхал. «Ну чаго злуецеся? — падумаў Памазок. — Самі ўладкаваліся, а мне не даюць...»

Не зважаючы на іхняе якатаньне, ён падаўся па суку далей ад даху, захінуўся за тоўсты шурпаты ствол. Але што рабіць далей, як ратавацца? Во ўлез, дык улез, пакваліўся на прэзідэнцтва, дурань... І яму нясьцерпна захацелася ў сваю дымную, сьмярдзючую ад торфу качагарку...

Аднак доўга сумаваць па качагарцы не давялося, — падобна, яго заўважылі, і першая чарга зьнізу прашыла кулямі лістоту дрэва. Малпы спуджана загаласілі, заверашчэлі на ўсе свае дзікунскія галасы і сыпанулі па гольлі на суседняе дрэва. Намагаючыся з усіх сваіх ня надта багатых сіл, Памазок таксама падаўся за малпамі. З сука на сук, з дрэва на дрэва. Аднаго разу ледзь не зваліўся, няспрытна ўхапіўшыся за крывы сук, але ўтрымаўся. Абы прэч ад тае прэзідэнцкае згубы, дзе яго хацелі забіць.

Але на яго няшчасьце, дрэвы гэтага парку скончыліся, далей разьлеглася пустая лугавіна, дзе звычайна гулялі ў гольф. Зьнізу ўсё стралялі, у лістоце шчоўкалі разрыўныя — гэткія, як у тую вайну пад

Познаньню, дзе яго параніла дробным асколкам у зад. Цяпер пакуль што Бог сьцярог, куля не зачапіла. Але ж як ратавацца? Хіба што вышэй? І Памазок палез па суках угару, прадраўся амаль да вяршыні. Далей ужо не было куды. Мабыць, з долу яго ўжо было нялёгка згледзець, хоць адтуль усё стралялі — ці не па ўсіх дрэвах. Дзесь прарэзьліва верашчэлі малпы, а ён прытуліўся да таўставатай крывулякі дрэва і ня дыхаў. Думаў: можа, пабягуць за малпамі, а яго ня ўбачаць?

Ды дзе там — згледзелі. Праз гольле бачна было, як два вайскоўцы, утаропіўшыся ў яго, ужо паднімалі ўгару свае аўтаматы. Адчуваючы, як яны вось-вось джагнуць чаргой, Памазок роспачна закрычаў, бы малпа на дрэве...

— Ну, якога д'ябла ўзьлез і крычыш? — пачуў ён на роднай мове. — Катлы халодныя, ці хочаш сістэму размарозіць? Чаго сядзіш там? Зусім здурнеў ці што?

Памазок недаўменна зацепаў вачыма — унізе ля топкі стаяў раззлаваны старшыня і мацюкаўся на качагара, які немаведама чаго сядзеў пад стольлю, учапіўшыся за трубы. У доле лянiва варушыліся-ўставалі Юрка Дзядзенка і Ладуцька — церлі заспаныя вочы. Але як яны трапілі ў Памазонію, — таго Памазок ня ведаў.

Усё яшчэ нічога не разумеючы з таго, што адбывалася, Памазок асьцярожна зьлез з трубаў.

— Ці што засталося ў бутэльцы? — прамармытаў ён, ні да кога не зьвяртаючыся. І зразумеў, што марна: парожняя бутэлька валялася ў доле акурат каля старшынёвых ботаў.

Кастрычнік 1999 Вуасаары.

Прыпавесьці

ГЕРОЙ

Племя тэрарызаваў Дракон.

Дзе ён жыў-пасяляўся, ніхто ня ведаў, — можа, дзе блізка, а можа далека, можа, не на зямлі нават. Але ён дапякаў племю штогод. То хапаў у полі маладых дзяўчатаў, а то і хлопцаў, то дашчэнту вытоптваў пасевы, то бурыў халупы. А то насылаў на

племя свой драконаўскі мор, калі ў полі не вырастала нічога, і племя трывала люты голад. Як было бараніцца ад таго зьверыядаўца, ніхто ня ведаў. Праўда, здавён часу было заведзена ахвяраваць. У пэўны вясновы дзень, як пачыналі сачыцца маладым сокам бярозы, старэйшыны родаў зьбіраліся ля трох камянёў на Дубовым капішчы і выбіралі Героя. Ахвярай яго не называлі, тое не было прынята, называлі ласкава і спаважліва Героем. Героя пасылалі ў ахвяру Дракону, які затым і праўда, прыціхаў на колькі часу, пераставаў назаляць племю. На палёх сьпеў ураджай маісу і кукурузы, сыцеў статак. Ды й хваробы быццам адкараскваліся ад людзей. Але толькі на пэўны нядоўгі час. Між тым племя шанавала чарговага Героя-ахвяру. На капішчы яму ладзілі помнік — высока пілавалі самы тоўсты дуб і з таго мажнага пня высякалі чалавечую выяву. То была складаная праца і давяралі яе самым майстравітым людзям, самым шчырым і адданым вернікам. Такіх пнёў-ідалаў на капішчы за гады набралася ўжо некалькі тузінаў, усе сьсечаныя дубы, груба, але выразна аздобленыя людзкімі абліччамі. Яны ўважаліся за сьвятых, дужа шанаваліся. У іхні гонар спраўлялі імшу — напачатку лета, па заканчэньні палявога сезону, пасярод зімы. Ім таксама ахвяравалі, але не мужчынаў, якіх у племені ўсё ж шанавалі за іх рабочыя рукі, а найбольш з дзяцей — хлопчыкаў ці дзяўчынак. Тых, каму карцела ахвяравацца, бо тое было прыгожа — з вянкамі на галоўках, пад радасныя сьпевы наўкола. Ахвотнікаў і ахвотніц было нямала, выбіралі самых прыгожых і беззаганных у паводзінах. А таксама ад лепшых бацькоў, горшыя таго не заслугоўвалі. Горшыя гаравалі пад драконаўскім прыгнётам — рабілі ў полі, пасьвілі жывёлу, няньчылі малодшых. Абраныя разам з дымам узносіліся пад аблачыны, дзе было іншае, райскае жыцьцё. Разам з Героем іх таксама шанавалі шэраг наступных гадоў. Аж пакуль не зьяўляўся наступны Герой. Тады ўсё племя пераключалася на шанаваньне таго, новага.

Хлопец Кім сапраўды быў самы дужы і, можа, самы сьмелы сярод немалой юначай грамады племя. І яшчэ ён дужа добра сьпяваў. Мабыць, менавіта таму, як зьявілася чарговая патрэба ахвяраваньня, выбар старэйшынаў патрапіў на яго. А патрэба сталася дужа пільная — ужо з вясны Дракон тройчы абрынаў свой гнеў супраць племя — найперш ушчэнт засушыў палеткі, пасьля

наслаў на іх град і напасьледак задушыў у ваколіцах трох маладых дзяўчатак. Старэйшыны меркавалі, што тое – не астатняе ў той год драконава злачынства, неўзабаве трэ чакаць новых. Бо ўжо другі год не ахвяравалі, не пасылалі да Дракона Героя.

Як сказалі Кіму, што сёлета ягоная чарга, хлопец узрадваўся гэткаму памяркоўнаму выбару. Тым болей, што ён ужо ведаў, з якога дуба будзе змайстраваны помнік яму — той самы высокі дуб ля скрыжаваньня дзьвюх сьцежак на капішчы быў бачны здалёк.

Праводзілі Героя ціхмяным летнім адвячоркам, як людзі папрыходзілі з поля. На капішчы расклалі вялікае вогнішча, наўкола якога сабралася ўсё племя. Галоўны і самы стары сьвятар зычна пракрычаў закляцьці на чатыры бакі сьвету. Усе радаваліся, будучы ўпэўненыя, што ўжо цяпер Дракон надоўга ўціхамірыцца, а Кім шчасьліва ўвасобіцца ў пашаноўнага дубовага Ідала. Радаваліся бацькі Кіма, яго два малодшыя браты, якім стала наканавана зрабіцца роднымі братамі Героя; яны таксама гатовыя былі ў свой час пераняць ягоны прыклад. Радавалася каханая дзяўчына Кіма. Хоць, вядома, росстань — справа нялёгкая, але ж то расстаньне не абы з кім — з Героем! Толькі Кімава маці не адчула вялікай радасьці, дык то ж — маці. Ня надта сьвядомая, абцяжараная матчынымі забабонамі, яна была бясьсільная перад самотай разлукі. Маці сама ад таго пакутвала, ды не магла перамагчы сябе.

Як зьмерклася, Кім узяў свой востры меч і, адышоўшы ад вогнішча, зьнік у цемрыве ночы.

Племя занялося спрадвечнымі, звыклымі для сябе справамі. Праз колькі дзён узялося ладзіць дуб-помнік. Тры майстры за тры дні сьсеклі той самы высокі дуб, абсеклі гольле і з вяршыні высокага камля пачалі высякаць знаёмыя рысы Героя. Атрымалася ўвогуле падобна да яго аздобы, хоць тое было і не абавязкова. Галоўнае, каб было мужна, гераічна і прыгожа. Але што да Кіма, дык тут нічога прыўкрашваць і не было патрэбы. Ідал-помнік атрымаўся выдатны. Ці ня самы лепшы сярод усіх іншых — старых і нядаўніх, якія цеснаю купкай высіліся на капішчы. Найстарэйшыя з іх, праўда, паволі страчвалі сваё былое хараство, чарнелі, трэскаліся, некаторыя нават трухлелі. Але тое зразумела — ім даўно ўжо не

ахвяравалі маладых і патроху забываліся на іх. Уся ўвага і любоў племя засяроджвалася на апошніх.

Апошняя ахвяра, здаецца, была прынятая Драконам (значыцца, Кім дагадзіў, выбар старэйшынаў быў правільны), напады на племя спыніліся. За паўгода не было ніводнага ўварваньня, ніхто на полі ня быў схоплены. Ураджай высьпеў зусім неблагі. Увосень, як сабралі маіс і кукурузу, племя наладзіла ўрачысты фэст у гонар апошняй, гэткай здатнай ахвяры.

І раптам аднойчы на сконе дня ў паселішчы паявіўся Кім.

Быў ён схуднелы, абдзёрты, босы, але ўсё з тым жа мячом у похвах, які яму ўручылі старэйшыны, і паведаміў, што забіў Дракона.

Тое было нечакана, нечувана і зьбянтэжыла ўсіх. Племя ня ведала, як да таго аднесьціся — ніколі раней нічога падобнага ў іх не здаралася. Ніхто не шкадаваў Дракона, людзі гатовыя былі парадавацца з нечуванай нагоды. Але гэтая навіна бурыла ўсю іерархію, блытала гісторыю, пляжыла веру, заснаваную на пэўным суіснаваньні са злой варожаю сілай. Забойства Дракона будзіла ў душах людзей нестрываны страх — як бы цяпер ня стала горш. Калі і праўда Дракон апынуўся забітым, ці не наваляцца на племя новыя жахлівыя выпрабаванні якой іншай злой сілы?

Зноў жа — што рабіць цяпер з выдатна зладжаным і ўжо ўшанаваным чурбаном-помнікам?

Нечаканае вяртаньне Кіма выклікала вялікую узрушанасьць усяго племя, але найбольшую — сярод родзічаў і крэўных Героя. Маці сьпярша ўзрадвалася, а затым аж спалохалася тае свае радасьці. Бацька схапіўся за галаву. Два браты Кіма адразу яго ўзьненавідзелі — гэтак спляжыць усё сваё ды іхняе, вынашанае за год геройства! Каханая спахмурнела — яна адчула сябе ашуканай: каханак быў Героем, а стаў немаведама кім. Дні і ночы ён задуменна сядзеў у халупе, ні з кім не спатыкаўся, ранейшыя сябры пакінулі яго. Усе яго адцураліся. І нават ідал-помнік без належнай ласкі і пашаны мачаў чарнець, трэскацца, яўна бурыцца. Таго, вядома, дапусьціць было нельга.

Старэйшыны племя сабраліся ля трох камянёў на капішчы, вырашалі, як быць? Справа была сур'ёзная, трэба было прыняць

неардынарнае вырашэньне. Належала выбраць адно з двух — ці Герой, ці ягоны помнік. Пасьля нядоўгай дыскусіі вырашылі, што помнік усё ж даражэй. Ягонае захаваньне не запатрабуе пераробкі іерархіі, не пабурыць традыцыяў. А Герой Кім? Героі яшчэ знойдуцца, калі будзе ў тым патрэба.

Герой Кім зьнік. Казалі, пайшоў у лес і не вярнуўся. Можа, утапіўся ў дрыгве, а можа, яго задралі зьвяры. Дракон жа таксама зьнік, падобна, сапраўды быў забіты, і пра яго паступова забыліся. Гэтаксама, як і пра Героя Кіма.

Дубы-ідалы не зьнікалі доўга, аднак шанавалі іх усё з меншым імпэтам. Мабыць, не было ў тым патрэбы.

А пасьля перасталі і зусім.

2002

ЧОРНАЯ СІЛА

Фантастычная прыпавесьць

Тады ў краіне панаваў тэрор. Шмат каго вешалі, ссылалі, расстрэльвалі. Бальшыню саджалі ў вязьніцы. Каго на восем гадоў, каго на дзесяць ці дваццаць пяць. Тых, хто скардзіўся, плакаў ці ад болю крычаў на допытах, саджалі назаўжды. Іх плач-енк уважаўся за пратэст ці зьнявагу працавітых карных ворганаў. Карпыя органы дужа пільнаваліся адмысловага гонару і не трывалі зьнявагі.

Усе арыштаваныя прызнаваліся ў чым хочаш. У чым іх змушалі прызнацца. Быццам хацелі зьнішчыць дыктатара, атруціць суседзяў, утапіць жонку і дзяцей. Тое выклікала зьдзіўленьне на волі, дзе не маглі даўмецца, чаму яны так робяць. Але во тых, што нядаўна яшчэ прызнаваліся ў самым жахлівым, пачалі выпушчаць на волю. Тое таксама было загадкава і таямніча. Адзін толькі Упарты Маўклівец з паддашша ведаў, што то скончыўся чорны касьмічны цыкл, калі магчыма было ўсё. Усё, што захоча чорная сіла, якая панавала ў космасе. А чорная сіла заўсёды хацела шмат — часам дзівоснага і неверагоднага.

Так і тады. Настала пара выпушчаць тых, што ацалелі ад тэрору. І яны вярталіся — састарэлыя і хворыя — да сваіх ня менш

састарэлых ды хворых жанок і дзяцей. А то й да бацькоў, калі бацькі дажылі да таго нечаканага вяртаньня. Цяпер яны ціха апавядалі паначы, што невінаватыя, што прызнацца іх змусілі. Бо білі, каталі, казалі, быццам родзічы ад іх адмовіліся, а жонкі здрадзілі. Яны сапраўды гады гэтак думалі. Толькі Упарты Маўклівец ведаў, што пад арыштам яны думалі інакш. Хто раней, хто пазьней — шматлікія з іх паверылі сьледчым, што вінаватыя, і павініліся ў тым. Зрабіць тое ад іх дамаглася чорная сіла, якая запанавала ў грамадстве, і чалавеку нічога болей не заставалася, як скарыцца і павініцца. Што яны і зрабілі. Пра ўсё тое Упарты Маўклівец занатаваў у свае тоўстыя кнігі.

Але во чорная сіла саступіла, даючы месца новай. Тады пачалі вінаваціць нядаўніх абвінаваўцаў, катаў ды судзьдзяў. Віна гэтых была ва ўсіх навідавоку, наконт іх ні ў кога не ўзьнікала сумненьня. Ды тыя і ня ўпарціліся – адразу прызналіся ва ўсім: білі, судзілі, стралялі. Але ж — верылі! Верылі ў ідэю, якая на той час валодала ўсімі — і правымі, і вінаватымі. А вернік, як здаўна вядома, таксама чалавек зацяты і ўжо таму ня можа быць вінаваты.

Новы суд тое апраўданьне прызнаў слушным. Бо і судзьдзі таксама верылі ў сваю ідэю і не хацелі памыляцца. Упарты Маўклівец рэагаваў на ўсё з разуменьнем, але і з трывогай. Чарговы касьмічны цыкл скончаўся, зачынаўся новы, значыць, належала чакаць зьмены. Толькі якой? Таго мудры Упарты Маўклівец яшчэ ня ведаў.

Тым часам прадчуваньне зьменаў неслася ў паветры, гудзеў народ на вулках і ў крамах, дзе менела тавараў і расьлі цэны. Дыктатар занепакоіўся і прыняў меры. Паколькі хлеба, масла і бэнзыну ён даць ня мог, дык даў адмысловы указ пасадзіць і падсудных, і суддзяў, і правых, і вінаватых. Каб у адпаведнасьці з папулярнай на Захадзе ідэяй дэмакратыі нікому не было крыўдна. Тысячы людзей селі ў вязьніцы, яшчэ болей калонамі павалакліся на Поўнач, да вечнай мерзлаты, якая дужа спрыяла скарачэньню арыштанцкага кантынгенту. Адно было кепска, што ў вечнай мерзлаце не было як даць рады штабялям трупаў, і тыя ляжалі там, не гніючы. І закапаць іх не было як. А галоўнае — там побач адзін з адным ляжалі судзьдзі з падсуднымі, пракуроры з рацыдывістымі,

што, канешне ж, ня лезла ні ў якія вароты. Ні савецкія, ні фашыстоўскія. Належала становішча выпраўляць.

Як памыляліся, так і выправілі — рашуча і хутка. На гэты раз арыштавалі ўсіх пракурораў, катаўнікоў і судзьдзяў, дзейнасьцю якіх было дужа абуранае грамадзтва. Але толькі да той пары, як пачалі іх судзіць. Бо вядома ж, калі не вінаватыя ахвяры, дык, мабыць, вінаватыя іх каты.

Каты, аднак, ніколі не бываюць вінаватыя — таго чамусьці ніколі ня ведалі людзі. Упарты Маўклівец, канешне ж, усё прадчуваў. Калі пачалі судзіць, усе, бы па камандзе, сказалі, што выконвалі загад. Не хацелі, а выкопвалі; таму хай судзяць тых, хто аддаваў загады. Але ж тыя, што аддавалі загады, не забілі нікога. Нават не кранулі пальцам — завошта ж было іх судзіць?

Мусіць, усё ж дыктатар ды яго памагатыя былі людзі разумныя. Яны хутка даўмеліся, што так можна дачакацца і якой неспадзёўкі. Таму найлепш, калі адказнасьць за ўсё добрае і кепскае зрабіць калектыўнаю. Я к і належыць — надаўшы дэмакратычныя формы Закону. Толькі тады льга будзе не турбавацца і спаць спакойна.

Заканадаўчы кангрэс склікалі дужа прадстаўнічы. Тысячы мужчынаў усіх узростаў сабраліся ў вялізнай спартовай залі. Спатрэбіўся прэзідыум, у які прыйшло некалькі сотняў, што шчыльнымі шэрагамі расьселіся на сцэне. Упарты Маўклівец, зірнуўшы на іх, сьціпла ўсьміхнуўся: усё было зразумела. Ужо і ў прэзідыуме ім цесна, а як станецца ля карыта? Гэтым кормным парсюкам з неспатольным маладым апетытам ня ўнікнуць бойкі. Значыць, доўга тое не праіснуе.

Быў прыняты строгі закон, які прадугледжваў усё. Цяпер караць належала адно вінаватых; невінаватых караць забаранялася. Хто вінаваты, а хто не — тое вырашаў суддзя са згоды начальства. Плакаць і ёнчыць у камерах дазвалялася колькі заўгодна, але не прасіць літасьці. Літасьць уважалася за найбольшае злачынства з боку судзьдзяў. Пратэставаць супраць мясцовага начальства дазвалялася толькі з яго пісьмовага дазволу і не бліжэй за пяць кіламетраў ад ягоных будынкаў. За дазвол на тое адказвалі ўсе інстанцыі, за забарону — ніхто. У тым палягаў галоўны выразьнік

новага, дэмакратычнага часу. Усё тое было новае і даволі загадкавае.

Увечары Упарты Маўклівец пагартаў на паддашшы свае тоўстыя кнігі і хутка натрапіў на пэўны адказ. Чорная касьмічная сіла пакрысе саступала з неба, за ёй насоўвалася новая. Упарты Маўклівец ужо ведаў, што тыя чорныя хмары там не зьнікаюць ніколі. Ён хіба не здагадваўся, што генеруюцца яны зусім ня ў космасе, а на зямлі. Толькі ўплываюць з космасу, куды па чарзе і вяртаюцца.

Такім чынам хмара прыходзіць і хмара зыходзіць, зрабіў няновую выснову Упарты Маўклівец і загарнуў сваю самую тоўстую кнігу.

«БУКЕТ РУЖАЎ»

І гэтая краіна была бедная (шмат тады было бедных краінаў), з адсталай эканомікай і малакультурным насельніцтвам. Вугалю, нафты або алмазаў у яе не было зусім. Мала таксама было навукоўцаў, пісьменьнікаў — хіба што эстрадных сьпевакоў хапала. Спорт таксама быў слаба разьвіты, людзі ўмелі гуляць у нарты ды ў класічную Гульню — дурня. Краіна была няразьвітая, затое мела гучны і модны тытул, звалася Арлінай Народна-Дэмакратычнай Рэспублікай. Кіраваў ёю, канешне ж, самы мудры арол, ласкава званы ў народзе Грымучы Зьмей.

І ўсё ж народ меў адну адметную вартасьць, якую можна паэтычна назваць — сакалінае вока. Ужо змалку арляты ўмелі трапна страляць. Адзін вясковы арлёнак у часе вайсковае службы ні разу не спудлаваў у страляніне і стаў чэмпіёнам па стральбе ўсіх відаў. Клікалі яго Сокал. Той яго талент адразу трапіў пад увагу дыктатара Грымучага Зьмея.

Рэч у тым, што на той час дзе-нідзе ў сьвеце загаварылі пра кілераў. Мабыць, жыцьцё выявіла пэўную патрэбу ў той прафесіі. Калі дзе трэба было прыбраць празьмерна шанцоўнага банкіра або папулярнага палітыка, дык найперш шукалі адмысловага кілера. Адмысловая аперацыя адмысловага сьпецыяліста патрабавала адмысловага кошту. У Арлінай рэсйубліцы таксама ўзьнікла пэўная

праблема. Грымучы Зьмей надумаў зьнішчыць аднаго маладога палітыка, які мог некалі прэтэндаваць на ягонае месца. Зрабіць іначай дыктатар ня меў магчымасьці, бо на тое месца ўжо быў прызначаны яго родны сын Шыпучы Зьмяёнак, які пакуль што студыяваў вайсковую навуку ў заморскім Вест-Пойнце. У выніку складанай арганізатарскай аперацыі, праведзенай IX аддзелам ахове дыктатара, малады палітык быў замоўлены маладому кілеру Сокалу, які яго і прыбраў з першага стрэлу. Паховіны адбыліся за дзяржаўны кошт і дужа ўрачыста. Грымучы Зьмей прыслаў прыгожы вянок чырноных ружаў з цёплым спачувальным надпісам на стужцы чорнага дзяржаўнага колеру.

Кілерскі акт у адпаведнасьці з сусьветнымі стандартам! належала стандартна скончыць: каб не пакідаць сьлядоў – прыбраць і кілера. Так, прынамсі, раілі кваліфікаваныя дарадцы Грымучага Зьмея. Але Грымучы Зьмей быў разумнейшы за ўсіх, разам узятых дарадцаў і ніколі ня слухаў іх. Сам ён паходзіў з сялянскага роду і ведаў, што парсючка сяляне ня б'юць дачасна. Б'юць упару, калі той нагадуе сала і болей ня мае жадных магчымасьцяў. Кілер жа Сокал яшчэ меў магчымасьці. Таму замест кулі міласэрнасьці дыктатар узнагародзіў яго «Ордэнам высакароднасьці» і паслаў на новае заданьне. Належала ціха і неўпрыкмет прыбраць двух банкіраў і трох агалцелых апазіцыянераў, што сумняваліся ў правільнасьці ўнутранай палітыкі дыктатара. Тых апазіцыянераў спрактыкаваны Сокал лёгка застрэліў, а для банкіраў запатрабаваў болей часу. Банкіры мелі моцную ахову.

Банкірскую аперацыю пакуль што адклалі, пачалі рыхтаваць памочнікаў Сокалу. Памочнікаў кілер нумар адзін рыхтаваў асабіста. На закрытым спартовым стадыёне «Дынама-машына» ўвесь божы дзень грымела страляніна – па нерухомых і рухомых мішэнях, вокнах, паверхах, аўтамабілях. Для гарантыі посьпеху давялося купіць у замежжы добрую зброю, бо, як наракаў Сокал, з бярданкі ўзору 1800/1900 году шмат не настраляеш. На за куп была выдаткаваная ладная сума з дохлага дзяржаўнага бюджэту. Грымучы Зьмей, вядома, быў незадаволены выдаткамі, але як абодва банкіры апынуліся на гарадзкіх могілках, падабрэў і выказаў радаснае спачуваньне радні банкіраў і кліентам банку. Кілераў жа

ўзнагародзіў яшчэ болей высокімі ардэнамі — «За гонар і сумленьне». Кілеры былі задаволеныя. Адно кепска, што тых узнагародаў нельга было насіць на грудзях — узнагароджаньне лічылася абсалютна сакрэтным.

У Арлінай Народна-Дэмакратычнай Рэспубліцы між тым, як і ўсюды, дзеялі замежныя выведкі. Не зважаючы на надзвычайную сакрэтнасьць, тым усё ж шмат што стала вядома з кілерскай справы, якая на той час атрымала кодавы назоў «Букет ружаў». Рэч у тым, што і ў суседніх краінах меліся падобныя праблемы, як з нахабнымі апазіцыянерамі, так і з прагнымі банкірамі. Ды не было кілераў. Адсталыя ў пэўных адносінах грамадзтвы ня мелі разумных дыктатараў, болей налягалі на славутую абарону правоў чалавека і занядбалі трапнай стральбой. Вядома ж, апроч як да благога, такое становішча ні да чаго іншага прывесьці не магло. Лідэр адной з такіх краінаў у рэпіце рэшт змушаны быў зьвярнуцца да Грымучага Зьмея з сяброўскай просьбай — пазычыць каманду кілераў для выкананьня аднаго сьпецзаданьня. Плата гарантавалася — вядома ж, у далярах. Грымучы Зьмей памеркаваў і згадзіўся: даляры яму заўсёды былі патрэбныя. Неўзабаве тры кілеры адправіліся ў далёкія заробкі. Між тым, Сокал застаўся дома. Дзеля сакрэтнасьці яму зьмянілі прозьвішча, аздобу, засакрэцілі мейсца жыхарства і далі дзяржаўнае заданьне — у сьціслыя тэрміны навучыць пяцьдзесят кілераў.

Справа закіпела. Усё рабілася дужа таемна, з адмысловым дыпламатычным ды прапагандовым мрыкрыцьцём. Стадыён, дзе трэніраваліся кілеры, атрымаў назоў «Прафсаюзны комплекс старога і пемаўляці», база іхняга адпачынку звалася «Турбаза Арлёнак». У прыгожым і прэстыжным прыгарадзе сталіцы кілерам выдзелілі новыя шыкоўныя квагэры. Каму не хапіла новых, у старых зрабілі модны еўрарамонт — з фінскай сантэхнікай і шведскай саляркай. Былі тэрмінова закупленыя імпартныя снайперскія стрэльбы з найноўшым аптычным прыцэлам. Экзамены ў кілераў прымаў сам дыктатар Грымучы Зьмей, посьпехі навучэнцаў былі надта ўражлівыя. Толькі дзесяць чалавек атрымалі чацьвёркі, астатнія — адны пяцёркі. Пяцёрачнікаў адразу ж выправілі ў камандзіроўкі — далёкія і блізкія, В чацьвёрачнікаў пакінулі дзеля

вырашэньня ўнутраных праблемаў. Такія праблемы на той час пільна Насьпелі, і Грымучы Зьмей змушаны быў прыняць адэкватныя меры. Некаторыя з урадоўцаў не выказалі захапленьня ад праекту «Букет ружаў», даводзілі, быццам ён незаконны, малаэфектыўны, нават стратны. Некаторыя намякалі на ягоную амаральнасць. Неўзабаве ўсім давялося на ўласных Галовах пераканацца ў яго эфектыўнасьці. Наконт законнасьці быў зроблены запыт у Канстытуцыйны суд, які на наступны ж дзень апублікаваў юрыдычнае абгрунтаваньне яго абсалютнай законнасьці. На трэці дзень наконт маральнасьці адказаў галоўны іерарх — усё адпаведна канону. Болей у Арлінай рэспубліцы ніякіх пярэчаньняў не было чуваць.

Тым часам сорак пяцёрачнікаў не вярталіся; выканаўшы заданьне ў далёкай краіне, выправіліся яшчэ болей далёкую. На замежныя рахункі дыктатара плыла валюта, якою той мог падзяліцца з народам. Увогуле дыктатар быў чалавек не скупы, але вялікі прагматык і ўмеў лічыць лішнюю капейку. На немалую суму ён купіў за мяжой партыю яшчэ болей дасканалае зброі (хуткастрэльныя стрэльбы, кулі з адмысловым сардэчнікам) і разгарнуў сістэмную падрыхтоўку высокакваліфікаваных кілераў. Амбасады і гандлёвыя прадстаўніцтвы ў замежных краінах прымалі замовы на індывідуальныя і групавыя тэракты. Замоваў набіралася шмат, рэпутацыя фірмы была дужа высокай. Ніхто ня мог супернічаць з сокаламі Грымучага Зьмея. І ніколі немагчыма было дазнацца, чыіх рук тое ці іншае забойства. Такі эфект дасягаўся комплексам мераў, якім займаліся ня толькі кілеры, але і дыпламаты, палітыкі з палітолагамі, а таксама філосафы з барменамі ды горнічнымі гатэляў — усе былі ўцягнутыя ў слаўную індустрыю тэрору. Звычайна забойства паходзіла на самагубства ці на трагічны вынік сямейных звадак або ўнутраных кланавых разборак. Адміністрацыя Грымучага Зьмея ніколі не спазьнялася пасьлаць спачуваньне на паховіны. Аднойчы здарыўся трагікамічны выпадак, калі з прычыны чынавенскага недагляду факс сиачуваньня быў пасланы да моманту забойства і тым павесяліў жывога нябожчыка ды ягоных сяброў. Але ўжо назаўтра сябры горка плакалі, калі знайшлі калегу з прастрэленай галавой. Грымучы

Зьмей з таго выпадку ледзьве не займеў славу новага Настрадамуса, йапулярнасьць яго ў сьвеце значна павялічылася. Чыноўнік жа, вінаваты ў недаглядзе, хутка загінуў ва ўласным ложку, як было афіцыйна аб'яўлена, ад стрэлу палюбоўніцы. І ніхто яго не пашкадаваў, нават уласная жонка.

Кілерскую справу паставілі на дзяржаўны паток.

У Арлінай рэспубліцы рыхтаваліся ня толькі ўласныя кілерскія кадры, але і навучаліся людзі з іншых краінаў, пераважна з краінаў трэцяга сьвету. На нуліцах сталічнага горада, асабліва ў выхадны дзень, можна было спаткаць маладых людзей самага розмага колеру скуры, розных формаў вачэй. Калі ў іх пыталіся цікаўныя, дык на ламанай ангельскай мове тыя тлумачылі, што прыехалі вывучаць медыцыну, механіку, будаўніцтва. І то была праўда. Але галоўная праўда палягала ў тым, што толькі трудная павука меткай стральбы займала іхнюю ўвагу. Іхнія ўрады добра плацілі Грымучаму Зьмею, які на тыя сродкі збудаваў сабе новы палац, абсталяваў падземны і нават падводны ціры. Гадоў праз дзесяць сучасную кілерскую зброю ўжо не куплялі ў замежжы — наладзілі ўласную вытворчасьць. Для таго надрыхтавалі за мяжой неблагія кадры збройнікаў, разьвілі збройную навуку. Толькі за апошні год у мясцовым тэхналагічным універсітэце на кафедрах кулі, затвора і парахавых газаў было абаронена каля сотні доктарскіх дыпломаў, столькі ж прысвоена нрафесарскіх званьняў. Уся краіна жыла надзвычай папулярнымі праблемамі зброі і страляніны. Кілераў шырока выкарыстоўвалі таксама і ў пабытовым ,кыцьці — пакрыўджаныя жонкі за невялікую плату паймалі кілераў для крыўдзіцеля-мужа; тыя ў сваю чаргу тэлефанавалі ў кілерскую кантору, каб замовіць здрадніцу-жонку. Пра кілераў ды іхнія подзьвігі штодня пісалі газеты, сьпявалі эстрадныя гурты. Кожны тамтэйшы падлетак марыў, падросшы, стаць кілерам і зьехаць у якую-небудзь з заходніх краінаў. Кілеры завіхаліся ўвесь час і ўсюды стралялі. Вясной – лібералаў, улетку – дэмакратаў, пад восень пачалі адстрэл вахабітаў.

Трываючы нечуваны бум, збройная індустрыя краіны прагнула новых інвестыцыяў. Тых немалых сродкаў, што кілеры зараблялі за мяжой, надта не хапала. Мудры Грымучы Зьмей зьвярнуўся ў

міжнародныя інстанцыі па дапамогу. Канешне, ня дзеля вытворчасьці зброі, а з прычыны недароду, які быццам бы напаткаў краіну. Дыпламаты за мяжой давялі, што, калі такая дапамога ня будзе аказаная, дык народ вымра, і тое ляжа на далікатнае сумленьне сусьветнай супольнасьці. Дапамога была аказаная. Першы і самы буйны транш у валюце дыктатар, не марудзячы, пусьціў на вытворчасьць навейшае (лазернай) зброі. Гэта была цуд-зброя. Кожны кілер мог весьці хуткастрэльны агонь нават у натоуп на плошчы або на вуліцы. Мушка ў каляровым прыцэле з начным бачаньнем, пэўным чыпам запраграмаваная, аўтаматычна выбірала цэль з улікам ідэйнасьці і палітычнай заангажаванасьці ахвяры. Лабараторыю, якая вынайшла той цуд, дыктатар узнагародзіў у поўным складзе. Усе — ад дырэктара да апошняй прыбіральшчыцы і шафёра сталі «Героямі нацыі», або «зьмеевікамі», як іх клікалі па-навуковаму.

У той жа прыкладна час была вынайдзеная і яшчэ болей дзівосная зброя — віртуальная куля. Варта было ей у каго-небудзь трапіць, як ахвяра зьнікала, бы растваралася ў паветры, не накідаючы ні сьледу, ні дыму. Менавіта з тае пары ў сьвеце началі зьнікаць людзі, без знаку і сьледу. І ніводны пракурор, ніводны сьледчы не маглі здабыць жадных улікаў. Сьведак не было таксама. Ніхто нічога ня чуў, нічога ня бачыў. Гэта была вяршыня тэрарыстычнае мары. Багатыя краіны Захаду і Усходу пачалі паляваць на мудрых вынаходцаў краіны Арлоў. Найлепшы сродак у такіх выпадках — класічны: калі нельга знішчыць, дык льга перакупіць. Як ні ўзнагароджваў Грымучы Зьмей сваіх збройнікаў, тыя неўзабаве сцямілі, што не аднымі ўзнагародамі жыве чалавек. На Захадзе жылі і яшчэ шмат чым, мелі куды болей і лепшага. Сьпярша застаўся ў камандзіроўцы на Захадзе, куды паехаў, адзін з лепшых кілераў. Пасьля на Усход зьбег вучоны, ён жа вядомы акадэмік і сакрэтны выведнік. Гэты, апроч уласных мазгоў, прыхапіў з сабой надзвычай важныя зьвесткі. І паводле адной з іх, для таго, каб забіць чалавека, ня трэба ў яго нават цэліць. Даволі за сотню міль ад яго набраць на кампутары пэўны код, і чалавек умомант зьнікаў, раствараўся ў віртуальнай прасторы. Гэтак аднойчы на пачатку вясны зьнік і дыктатар, мудры і вялікі Грымучы

Зьмей. Быў, сядзеў за сталом, падпісваў чарговы пук высокіх указаў і — зьнік. На стале засталася адно залатая асадка. Затым загадкава зьнік і ягоны наступнік — малады Шыпучы Зьмяёнак. Можа, таксама стаўся ахвярай, а можа, ірвануў кіпці ў Бермудскую афшорную зону — бліжэй да сваіх банкаўскіх рахункаў. Слаўны праект «Букет ружаў» з таго часу непапраўна завяў.

Арліная Народна-Дэмакратычная Рэспубліка зазнала нечуваны заняпад. Пачаўся голад, міжнацыянальныя ды міжканфесійныя разборкі. Родзічы шматлікіх кілерскіх ахвяраў запатрабавалі суду над выканаўцамі даўніх і сьвежых тэрактаў. Пранырлівыя, журналістыя ды папарацы раскапалі сакрэтныя архівы, дзе накапалі нямала імёнаў славутых у краіне людзей з іх вельмі непрывабнымі справамі. Грамадзкасьць запатрабавала суду і пакараньня. Тады ж выявілася і пэўная несправядлівасьць лёсу гэтых людзей. Калі імі ганарылася нацыя, тады яны змушаныя былі заставацца інкогніта, а як справа дайшла да адказнасьці, дык іхнія імёны выдрукавалі ўсе газеты. Без карысьці засталіся і шматлікія высокія ўзнагароды. Тое было крыўдна і несправядліва, людзі абураліся. Але што ў сьвеце ёсьць справядлівае?

АБЫ ЦІХА

Памфлет

Кажуць, беларусы — дурныя людзі. Я з гэтым нязгодны. Як і кожны нацыянал-патрыёт, я паважаю ўласны народ і лічу яго самым мудрым на сьвеце.

На самой справе — столькі гадоў без уласнай дзяржавы, без нацыянальнай палітыкі праіснаваць на праходным падворку Еўропы, прайсьці праз столькі войнаў, рэвалюцыяў, паўстаньняў і захавацца. Ня зьнікнуць. Ня страціць свае мовы, пры нагодзе абараніць свой гонар (успомніце ВАВ). Тут мала аднае мудрасьці, тут трэба адмысловы талент ды боскан блаславеньне, спрыяньне сілаў, зямных і нябесных.

Праўда, беларус не такі, як іншыя людзі. Хоць бы і суседзі. Тыя, калі іх б'юць, дык зараз жа даюць здачы. Ня надта разважаючы.

Тады іншыя кажуць, што яны сварлівыя і няўступлівыя. Нeталерантныя. Беларус жа заўжды талерантны. І ўдумлівы. Калі, бывала, яго вытнуць па карку, дык сьпярша ён папросіць прабачэньня, што даў непрыяцелю клопату павярэдзіць руку. Пасьля, добра падумаўшы, яшчэ і падзякуе за навуку. Ведама ж, перш чым адказаць, трэба падумаць. Хай сабе людзей такога кшталту клічуць тугадумамі, але выгадней туга думаць, чым лёгка паміраць. Беларус хоча жыць. Хоць бы і баючыся, у атачэньні страху. Адчуваньне страну і болю дадзена чалавеку, каб пабольшыць ягоныя шанцы на выжываньне. Што карысьці з адвагі і сьмеласьці, якія ня ведаюць страху? Прыклад Чачэніі — ва ўсіх перад вачыма. А беларусы хоць і баяцца, ды дагэтуль усе (амаль усе, за выняткам пасаджаных і невядома дзе зьніклых) жывыя, здаровыя. І ўсе іхнія гарады не пабураныя. І ўсе іх шаноўныя начальнікі-вертыкальшчыкі жывуць у шыкоўных вілах, а не туляюцца ў пячорах пад глыбіннымі бомбамі. Што значыць — мець прыроджаную здольнасьць да страху. Усё ціха.

Даўно вядома, што кожная навука — на карысьць, беларус дужа любіць вучыцца. І гэта добра. Інакш бы ў нас не было столькі студэнтаў, столькі навукоўцаў — ад кандыдатаў да акадэмікаў, столькі дыпламаваных начальнікаў усіх рангаў. Стала добрай традыцыяй: як зрабіўся начальнікам, дык і стаў вучоным. Ці наадварот. Асабліва ахвотна вучыцца беларус у яшчэ болей мудрага старэйшага брата. Менавіта ад таго ён засвоіў шмат якія маральна-этычныя каштоўнасьці, што дужа спрыялі ягонай самаідэнтыфікацыі. Праўда, гэта дужа складаная навука, падлеглая ня кожнай логіцы. Па-расейску любіць — значыць, ненавідзець, што ўпершыню адкрыў незабыўны Оруэл. Адпаведна — ненавідзець, значыць, любіць. І тут хітрая залежнасьць: чым большая нянавісьць, тым большая любоў. Нагадаю Івана Жахлівага, Пятра Вялікага, Леніна і Сталіна. Колькі тыя пры жыцьці пралілі крыві і здабылі нянавісьці, столькі пасьля сьмерці маюць усенароднай любові. Мусіць, так і з беларускім усенароднаабраным.

Калісь з усіх пяцёх кандыдатаў беларусы найменей за ўсіх любілі гэтага, менавіта таму і абралі. І ён, малайчына, — не спудлаваў,

спраўдзіў іхнія чаканкі: надоўга забясьпечыў страхам. На гады. Як можна не шанаваць такога забесьпячэнцу?

Нашы мудрыя інтэлектуалы адкрылі і засвоілі некалькі ісьцінаў, невядомых у ранейшай фундаментальнай навуцы. А менавіта: нічога ня трэба адкрываць-вынаходзіць, ня лезьці папярод бацькі ў пекла. Трэба ўмець адгадваць! Канешне ж — намеры і жаданьні кіраўніка. Мабыць, тое — самая цяжкая навука. І найперш з тае прычыны, што намеры кіраўнікоў дужа дыялектычна зьменлівыя. Бывала раней: толькі вучоныя нешта грунтоўна ўдумаюць, абмяркуюць і зацьвердзяць на ўласна акадэмічным узроўні, як думкі начальства мяняюцца на супрацьлеглыя. Часам мяняецца і само начальства: ці то ідзе пад расстрэл (як раней), ці на падвышэньне (як зараз). Паспрабуй угадаць і дагадзіць. Менавіта таму навукоўцы цьвёрда стаяць за стабільнасьць грамадзтва, супраць усяе гэтае мітынгоўшчыны, страйкаўшчыны, парламенцкага бязладзьдзя. Нашто парламентарам языкі, калі яны маюць рукі, каб падымаць па камандзе «за». Навукоўцы гатовыя прызнаць і абгрунтаваць што хочаш: урэзаны бюджэт на ўласную навуку, куртатую гісторыю краіны, нават урэзаную ўласную зарплату. Абы было ціха. Затое навукоўцы засталіся ў сваім шыкоўным будынку, на які тачыў зубы драпежны Іван Ціцянкоў. У іншых інтэлектуалаў тыя будынкі паадбіралі, а навукоўцам пакінулі. Цяпер яны там будуць спакойна і натхнёна дасканаліць ракет наядзерную тэхніку — касьмічны шпіянаж для падупалага старэйшага брата. Тым болей, што іншага яны і ня ўмеюць. Ды іншым ніколі і не займаліся.

Як даўно заўважана, маштаб далейшага ўздыму прамысловасьці ды й сельскай гаспадаркі наўпрост залежыць ад ступені іхняга заняпаду. Чым яны глыбей упадуць, тым вышэй паднімуцца (калі толькі сапраўды паднімуцца) і тым болей гонару зробяць кіраўніцтву. Менавіта ў тым, на маю думку, палягае канкрэтны план упартага нежаданьня іхняга рэфармаваньня. Тут уся справа ў статыстыцы, якая за мала спрыяльны савецкі час абагнала ў сваім разьвіцьці ці ня ўсе іншыя навукі. Менавіта статыстыка можа падаць заняпад як росквіт, крызіс як прагрэс і тым натхніць масы. Калі, скажам, хлеба давалі 150 грамаў на пайку,

а з першага чысла сталі даваць 300, дык той рост падаецца як 200 адсоткаў. Хлеба мала, затое адсоткаў шмат, што і захапляе. Здаецца, менавіта з тае прычыны наша кіраўніцтва так упарта пазьбягае рэформаў — каб пасьля, як усё дойдзе да нулявога паказчыку, пачаць статыстычныя рэкорды. І ў гэтым сэнсе мы дамагліся цуда, вартага кнігі Гінеса. Як нядаўна паведамілі неафіцыйныя крыніцы (афіцыйныя, вядома, у такіх выпадках маўчаць) кошты на тавары за дзесяць гадоў у Беларусі павялічыліся ў сто тысячаў разоў. Той факт, вядома ж, хавасцца ад міжнароднай супольнасьці. Бо калі б тая супольнасьць пра яго дазналася, яе зьдзіўленьню не было б мяжы: як гэта магчыма выжыць? Іншыя, канешне, ня выжывуць, апроч беларусаў. Гэныя могуць. Ну, як не паважаць гэткую нацыю, пэўна, адзіную ў сьвеце!

У гэтых марсіянскіх умовах гэтая нацыя ня толькі ўмее выжыць, але яшчэ здольная любіць тое жыцьцё, а разам — і галоўнага рэжысёра таго паталагічнага эксьпэрыменту. Тут ужо і старэйшы брат запанікаваў і адправіў у адстаўку свайго цара Ба рыса. А наш толькі пасьміхаецца ў свае фельдфебельскія вусы, яму хоць бы хны. Мабыць, у ягоных планах ёсьць яшчэ не такое! Прыпамятаўшы аднаго напалеонаўскага маршала, можна здагадацца, што ён думае. Нешта накшталт: ты налюбіў бы мяне яшчэ болей, калі б ведаў, куды я цябе павяду заутра. Але сапраўды — куды? Планы вялікага чалавека заўжды ахутаныя туманам таемнасьці. Можа, у партызанскую Чачэнію на дапамогу старэйшаму брату? Можа, у віртуальную, ды ня меней страшную за рэальнасьць Вялікую Славянскую імперыю? Можа, да ўдзелу ў легкадумна пакінутыя ракетна-ядзерныя гулі з Амерыкай?

Але кудысь павядзе. Ды і чаму не павесьці гэткі талерантны, рахманы народ, які стрывае ўсё. Абы ціха.

ІНТЭГРАЦЫЯ

Фантастычны аповед

Рэшта незалежніцкага беларускага войска засяродзілася на хваёвым узьлеску. Наперадзе ляжала летняя, у красках лугавіна з

крывулястаю рэчкай пасярэдзіне. За ёй на палявых схілах стаіліся расейцы.

Беларусы трывалі паразу — не адну, а шэраг паразаў запар, і ня дзіва. Ваяваць з кантрактнікамі, якім плацілі шалёныя грошы ў далярах, было няпроста. Асабліва, калі ў іхняй краіне на вайне толькі і мажліва было зарабіць. У беларусаў жа даляраў не было, — былі адны «зайцы». Зноў жа іхняя вайна падпала пад ранг тэрарыстычнай, і беларусы спадзяваліся хіба на ўласны патрыятызм і нацыянальную сьведамасьць, якую горача прапагандаваў вернуты з-за рубяжа Зянон Спазьняк. Вярнуў яго Камандуючы, маршал, які ўзначаліў барацьбу за незалежнасьць гэтак жа апантана, як нядаўна змагаўся з адыёзнай «самасьційнасьцю». Некаторыя зьдзіўляліся, а бальшыня ўбачыла ў той палітычнай зьмене чарговы хітраванскі выверт любімага кіраўніка.

Памятаючы першасную сяржанцкую вывучку ў войсках КДБ, Камандуючы патрабаваў безумоўнага выкананьня ягонага загаду перамагчы праклятых расейцаў, ды тое памагала мала. Мала памагалі і красамоўныя заклікі да таго Зянона Спазьпяка, што дзеля незалежнасьці Беларусі адрынуў усе ранейшыя крыўды на маршала і заўзята заклікаў сьледаваць сьвятым запаветам адраджэньня. Нядаўнія калгасьнікі ды рабочыя «паштовых скрынкаў» слухалі, але слаба разумелі ніколі ня чутыя каманды накшталт «зважай!», «шыхт», «вайсковы чын» або нават слова «жаўнеры». Мала што ў гэтым сэнсе мог растлумачыць і былы старшыня беларускага савету Сьцяпан Парэцкі, якому дазволілі вярнуцца з Амерыкі і ўзначаліць адну з вайсковых калонаў. Гэты з-за рубяжа прывёз некалькі кнігаў па беларускай гісторыі, але Камандуючы загадаў выкінуць ягоную гісторыю ў прыбіральню - яму патрэбны былі жаўнеры. Галоўны наконт бясьпекі генерал-пракурор Мэйман густа абклаў яго стукачамі з задачай: высьветліць, ці не зашыфравана ў кніжках старшыні якая адмысловая зьнявага гонару Камандуючага. (Наконт уласнага гонару той стаў надта чуйны.) Сам Мэйман, не зважаючы на дзівосныя зігзагі Камандуючага, захоўваў непахісную вернасьць таму, што толькі і давала яму мажлівасьць захаваць жыцьцё. Шматлікія ягоныя таварышы ўжо даўно парылі зямлю і ўсё праз тое, што мелі даўгія языкі. Мэйман жа з кароткім языком за рэкордна

кароткі час стаў генерал-пракурорам і гатовы быў змагацца за незалежнасьць Беларусі, як шэраг гадоў змагаўся супраць яе.

Калі з лесу на ўскраек падцягнуліся апошнія з вайскоўцаў, Камандуючы загадаў падпалкоўніку Старкевічу пастроіць усіх у шарэнгу Набралася няшмат, — змораных, кульгавых, абдзёртых, параненых з акрываўленымі бінтамі на руках і галовах. Як «вечны падпалкоўнік» Старкевіч далажыў, Камандуючы выйшаў з шыкоўнага, ушчэнт запэцканага гразёй «Джыпу Чырокі» і сказаў прастуджаным ці прапітым голасам:

— Ну што? Прасралі Беларусь? Я ж казаў… Цяпер будзем страляцца. Бо когда вазьмуць расейцы, горш будзет. Як вучоны-гісторык я ведаю… Так што — хто першы?

Усё ж гэта былі сьвядомыя людзі, выхаваныя на гераічным досьведзе вялікай вайны ды партызанскай літаратуры, і цяпер увесь шэраг зрабіў крок наперад.

— Ну зачэм жа так многа? — сказаў Камандуючы. — Уначале — аднаму, для прымеру. Дык хто? Ты — Спазьняк?

— За Беларусь заўсёды гатоў! Сьмерць маскалям! — мовіў схуднелы, у абвіслым шынялі былы старшыня БНФ-ХДС і дастаў з-за дзягі крамнёвы пісталет узору XVI стагодзьдзя. Сучасны АК ён прынцыпова не хацеў браць у рукі і, стрэліўшы сабе ў грудзі, бы жытні сноп, упаў пад ногі сябрам.

— Стойкі быў барэц за незалежнасьць, — пасьля паузы сумна сказаў Камандуючы. — Я ўважаў яго. Ну хто далей? На мяне не глядзіце, я буду апошні. Як капітан з тонучага судна. Ты — Парэцкі?

— Але я — легітымны старшыня…

— Мне напляваць і расьцерці, што ты легітымны. Калі трусіш — паможам. Мэйман!

Мэйман, які з прычыны недахопу кадраў даўно быў пракурорам, судзьдзёй і «спалніцелем прыгавораў» у адной асобе, спрытна падскочыў да разгубленага Парэцкага і стрэліў у патыліцу.

— Хто яшчэ надта легітымны? — строга папытаўся Камандуючы. Мабыць, болей такіх не знайшлося, і Камандуючы холадна патлумачыў: —Наш прынцып ізвесны: дабравольна, но абязацільна. Усе, хто любіць Беларусь, далжны ахвяраваць для яе. Правільна, беларусы?

— Правільна! — згодна, хоць і ня дужа гучна пранеслася над шэрагам.

— Я бароўся, усе бачылі. Бароўся, як зьвер. Сначала за інтэграцыю, патом за суверэннасьць. Так вынуждалі абстаяцільствы. Але я ня Бог, враг пабядзіў. Так што майце чэсьць, беларусы.

З шэрагу выйшлі два невялічкія вайскоўцы ў запэцканым камуфляжы, з аўтаматамі Калашнікава на грудзях.

— Мы гатовы, — ціха сказаў адзін, і Камандуючы бліснуў хцівым позіркам.

— Даўно ты далжон быць гатовы, грамадзянін Залябедзька, — Я табе гаварыл: плоха кончыш. А ты столька цянул. На дружка раўнялся?

— Мы не раўняліся. Мы са спадаром Ранчоркам належалі да розных партыяў і рухаў.

— Рухаў! — перадражніў Камандуючы. — Во дарухаліся. Удвох асталіся.

Амаль разам бухнулі два стрэлы. Пасьля строй зусім разбурыўся, некаторыя саступілі ўбок, пачулася яшчэ некалькі стрэлаў. На роснай траве паболела нерухомых целаў. Іх не кратали, нікуды не прыбіралі. Нерашучыя стаялі з разгубленым выглядам. Перад невялічкаю купкай сваіх падначаленых Камандуючы аддаваў апошнія распараджэньні.

— І эта... Пагінем, дык нада, чтоб напісалі рэквіем. Перадайце мой указ Гучанку.

Гучанок даўно ў Маскве. Другую зорку на тратуары абмывае.

— Прадацель! А так на задніх лапках плясаў... Вусаты твар Камандуючага зрабіўся зусім суровы і змрочны.

— Ня трэба было яго пушчаць на Віцебскі базар. Хай бы сядзеў у Камаях, маліўся ды згарэў з уніятамі. Як Хадырка з Барадулям.

— А што — згарэлі? — з цікавасьцю папытаўся Камандуючы.

— Да тла.

— Тым лепш. А то — месца на Усходніх могілках, пахараны... Гэтыя пахараны разарылі мне гасударства.

— Рынкавая эканоміка, — змрочна канстатаваў Мэйман. — Ні ў якое сравненіе з сацыялістычнай.

Сацыялістычная таксама не аптымальная. Я ведаю, — асьцярожна мовіў Старкевіч, апрануты ў шынель з пагонамі падпалкоўніка. — Як я камандваў ротай…

— Ты плоха камандваў, — адрэзаў Камандуючы. — І тады, і цяпер.

— А хто лепш? Я стараўся…

— Пастарайся ў пасьледні раз. Ну! Ці памагчы?

— Сам умею, — сказаў Старкевіч і адвярнуўся. Хутка бабахнуў пісталетны стрэл, і падпалкоўнік, сагнуўшыся, тыцнуўся галавой у траву.

— Во гэта іспалніцельнасьць! І ні слова вапракі. Дажа на беларускай мове. На мове! — грэбліва мовіў Камандуючы. — Кстаці, а гдзе Білевіч? Наўрад ці застрэліўся. Гэты балабон-няўмека за што ні возьмецца, усё праваліць. Столькі змагаўся за мову, і што? Нават трасянкі не дамогся. Гімна ня склаў. Я яму даручыў гімн Камандуючага, чтобы он ваадушаўляў масы. Далжон он был пастарацца. Так нет. Сабатажнік, он, ваш Білевіч!

— Бычкову трэба было, — падказаў хтось.

— Правільна! Трэба было Бычкову — я ягоныя вершы яшчэ ў чацьвёртым класе вучыў. Да не падсказалі. Зеўрук гэны дэзінфармаваў, — са скрухой мовіў Камандуючы. — Сказаў, будта Бычкоў — вораг Беларусі і Расіі. А саўмесна — Літвы, Латвіі, Эстоніі, Украіны і Польшчы. Я і паверыў. Падумаў, што Зеўрук ведае — у ЦК ды ў разьлічных выведках працаваў. Напрасна, знаеце, даверыўся. Сьледавала давяраць, но правяраць. Паглядзіце там, ці Спазьняк ужэ ня дыхае? Апруцянеў? А то, можа, халастым стрэльнуў?

Нехта ад купкі ля «Гранду-Чырокі» пабег зірнуць на труп Спазьняка і хутка адтуль пачулася:

— Спазьняк ляжыць. А Залябедзькі няма.

— Як няма? Ён жа застрэліўся.

— Мабыць, сапраўды халастым. Імітацыя, — змрочна мовіў Мэйман.

Гэта прадацельства! Он меня абхітрыў. Хацеў тады разам з Ганчаром, ды… Пожалеў. Вот і расплата за мяккасьць душы. Дзейсцьвіцельна, очань мы рахманыя, беларусы. Ня тое, што ты, Мэйман.

— Тое, што і ты! — з тайным папрокам надзьмуў вусы генерал-пракурор.

Камандуючы дастаў насоўку і старанна выцер змакрэлыя вочы. Падобна, ён гатовы быў заплакаць, хіба ў ягоным позірку разпораз бліскала непрыхаваная хцівасьць.

— Я ж цібе прыказаў устраніць Гураўкіна. А он аказваецца ў ААН зноў ваду муціць проці суверэннай дзяржавы… Паэт гэны.

— Праізашла памылка. Устранілі Гуралкіна. Супадзеньне фаміліяў.

— Як жа вазможна! Нада ж ведаць нацыянальныя кадры, адлічаць паэта ад мастака. Не страляць абыкаво…

— Я счытал, у Беларусі адзін мастак — паважаны акадэмік Цавіцкі…

— Правільна! Очань мной паважаны. Как і явоны сын — маладой, но персьпекціўный, — русскій, то есьць беларускій па духу…

Строй тым часам зусім разбурыўся, стрэлы бахалі ўсё часьцей. Страляліся ад любові да Беларуси ад нянавісьці да маскалёў, ад бязьмежнае адданасьці любаму Камандуючаму. Проста таму, што ўсё надакучыла, у тым ліку і д'ябальскае, крывавае жыцьцё ў краіне з бясконцай барацьбой і заблытанымі ідэямі. Дзе-нідзе чуліся воклічы «Жыве Беларусь!», часам праклёны ці проста злая мужчынская лаянка. У доле на ўзьлеску ўсё большала нерухомых целаў, скрозь на траве валялася зброя, нікому ўжо непатрэбны рыштунак. Найболей таго ляжала каля «Джыпу-Чырокі», дзе ўсё яшчэ тоўкся Камандуючы. Купка чыноў ля яго, аднак, усё менела. Нарэшце застаўся апошні — генерал-пракурор Мэйман.

— Мэйман, ты ўсе мае сакрэты знаеш, да?

— Знаю, да.

— І ты іх сахраніш. Назаўжды!

Генерал-пракурор не пасьпеў адказаць, як Камандуючы махнуў рукой — і ў яго, бы з рукава, грымнуў нечаканы стрэл. Як Мэйман упаў, Камандуючы яшчэ два разы стрэліў яму ў галаву і крута адвярнуўся.

Пасьля ён ўключыў радыётэлефон і мовіў нейкую фразу — пароль ці што: 5485211А2. Сунуўшы ў кішэню HENDI, дастаў з

багажніка сьцяг — шырокую чырвоную палатніну з сярпом і молатам ля тэлескапічнага дрэўка — і ўскочыў у машыну.

— Газуй, Садам!

Звыкла абыякавы да ўсяго, што адбывалася навокал, чарнавусы кіроўца рыўком зрушыў машыну, якая палявой дарожкай нязграбна папаўзла па выбоінах убок рачулкі. Адной рукой Камандуючы трымаўся за кароткі дзяржак перад сабой, а другой праз вакно высока ўзьнімаў сьцяг, пад якім нарэшце мелася зьдзейсьніцца вялікая мэта ягонага жыцьця — інтэграцыя.

Што рабіць, калі кожная вялікая мэта патрабуе вялікіх намаганьняў і няменшых ахвяраў...

2003

Парадоксы жыцьця

Запісы розных гадоў

...Як і ў дзень Перамогі, перад вялізнай шматтысячнай калёнай БНФ, якая ішла ўскладаць кветкі да абэліску Перамогі, паўстала сьцяна міліцыянтаў. Тую сьцяну калона прарвала, амаль не спыняючыся. Тады вырасла шарэнга АМАПу. І тую мы прарвалі. Спыніліся толькі перад узмоцненай, шматраднай шарэнгай АМАПу ля самай плошчы.

Стаялі доўга. Гарачыня, цеснавата. Нада мной, каб засьцерагчы ад сонца, увесь час хлопцы трымалі бел-чырвона-белы сьцяг, і ў тым мне ўбачыўся вялізны Боскі сімвал. З такім сімвалам дай Бог і загінуць. І з такімі людзьмі побач.

***

На ленінскія ўгодкі да помніку правадыра ветэраны ўскладвалі кветкі. Сярод іх быў адзін сівенькі стары з кавенькай у руцэ. Я яго ведаў. Расказвалі, як у вайну ён апынуўся ў нейкім мястэчку, адзін, безь сям'і. А быў глуханямы. Жыць было дужа трудна. Палітыкай ён не займаўся. Неяк аднаго разу ў мястэчка завіталі хлопцы зь лесу. Іх было трое, і яны прынесьлі з сабой фальшывыя, зробленыя ў

падпольлі прадуктовыя карткі. Хацелі атаварыцца, але баяліся, што пападуцца. Тады рашылі паспрабаваць на кім-небудзь, каго не шкада. Выбралі таго глуханямога. Нечакана для іх ён пайшоў і атаварыўся. Хлопцы зарадаваліся і надзялілі яго тымі карткамі. Нямко быў дужа ўдзячны ім. На ўсё жыцьцё. І стаў партызанам. І палюбіў Леніна. І ягоную партыю.

А тое здарэньне ў вайну расказаў пасьля адзін з трох партызанаў.

***

Уключыў тэлевізар – нейкая генэральская нарада: шэраг генэрал-палкоўнікаў за сталом. Яшчэ не старыя, хоць сіваватыя, з касым праборам у валасах, грузныя, з тоўстымі каркамі, шырачэзнымі плячыма і такімі ж грудзямі. І ў кожнага – стракатая левая палавіна ад планак узнагародаў. Цікава – за што? Нарадзіліся ўсе пасьля вайны, вайны ня бачылі. За што столькі ўзнагародаў? Як у Жукава пасьля вайны. За кожную нараду – па ўзнагародзе, ці што, даюць гэтым папяровым палкаводцам?

***

Пісьменьнікі разгубіліся: пра што пісаць? Раней колькі гадоў плакалі: не дазваляе цэнзура, заціскае ЦК. А цяпер, калі зьнікла цэнзура і ЦК, мабыць, стала і яшчэ горш. Як тыя зьвяркі, што выгадаваліся ў клетцы, — адпушчаныя на волю, у лес, ня могуць пражыць.

Што значыць выгадавацца пад штодзённым партыйным кіраўніцтвам!

***

Інвалід-пэнсіянер прыйшоў у гараж да свайго «запарожца» і бачыць: на суседзкім вісіць замок, дужка якога, аднак, не зашчэпленая. Падумаў, памеркаваў. І ціскануў дужку. Сам некалі таксама па разгубленасьці не зачыніў гараж. Праз хвілінаў дзесяць

прыбягае сусед і лаецца. Аказваецца: адлучыўся па цыгарэты, а ключы пакінуў у гаражы.

Інвалід цerабіў патыліцу: услужыў, называецца.

***

Ліфт пэцкалі штодзень, сістэматычна, і ўсе ведалі, хто гэта робіць – падлетак Вова, сын партыйнага сакратара з шостага паверху. Але вось Вова адвучыўся, пайшоў у войска, ліфт колькі гадоў быў чысты. Ды зноў пачалі яго паскудзіць. Аказалася, той Вова ажаніўся, нарадзіў двайнятаў, яны падрасьлі, і ўсё пачалося спачатку.

Які бацька, такія й сыны?

***

Мая мама перад канцом пакутавала некалькі гадоў. Вядома, яна хацела жыць дома, у сваёй хаце. Але там – нявестка. Добра б жыць з дачушкай Валяй, але тая за дваццаць вёрст, у Вушачах. І там – мацюгасты зяць. Так мама і соўгалася сюды-туды, не знаходзячы здатнага месца ў гэтым сьвеце.

Пакуль не адышла на той.

***

Цікава паназіраць за намэнклятурай… Чым шырэй морда, тым вышэй чын. Здаецца, увесь іх адбор, намэнклятурная селекцыя, адбываецца ў прэзідыюмах і на трыбунах: як глядзяцца. Мусіць, іншых адзнак у гэтых гадаванцаў ВПШ не засталося: аднолькавае паходжаньне, адукацыя, кар’ера… І, вядома, спосаб мысьленьня, сьветапогляд.

***

Некалі Адамовіч казаў, што тыя, хто пабыў у ЦК, не зважаючы на талент, скончаныя людзі. Усім ім там выразалі адно яйцо. Усе яны скапцы – ідэйныя, мастацкія, чалавечыя.

Штогод пераконваюся ў справядлівасьці тае высновы.

***

П. ня быў для Колі сябрам – проста добры знаёмы. Але вось аднойчы прыходзіць да Колі і расказвае, што яго выклікалі ў КДБ, каб даносіць на Колю. Вядома, П. адмовіўся. Коля, канешне, ня мог не ацаніць такі ўчынак знаёмага, і той стаў для Колі найлепшым сябрам.

І выдатна даносіў на яго. А прызнаньне наконт выкліку ў КДБ – прыём, ня болей. Але прыём безадмоўны.

***

У 1939–40 гадах пасьля т. зв. вызваленьня Заходняй Беларусі НКВД навербавала ў ёй нямала сэксотаў, картатэка на якіх хавалася ў абласных цэнтрах і, вядома, у Маскве. У 41-м з пачаткам вайны чэкісты так рванулі з Гродна, што пакінулі тую картатэку немцам. Немцы разабралі яе і… перавербавалі сэксотаў (каб ня траціць час на вярбоўку іншых). Адмоў, вядома, не было. Тыя добра працавалі ўвесь час акупацыі. Але ў 1944 годзе прыйшла Чырвоная армія. Сваю картатэку чэкісты не знайшлі, прывезьлі з Масквы копіі ранейшай. Тыя самыя сэксоты пачалі рабіць на сваіх першых гаспадароў.

Во ўнівэрсальнасьць сыстэмы!

***

Яшчэ ў часы застою адзін маскоўскі літаратар-дэмакрат дачуўся, што пад ягоны юбілей маюць намер узнагародзіць яго як юбіляра ордэнам «Дружбы народаў». Літаратар загадзя абʼявіў сябрам, што ордэн ня возьме. Але во прыйшоў час, настаў юбілей, і

яму не далі нічога. Нават адабралі повад для пратэсту. Каб ня тузаўся.

***

На сьвята да Л. прыйшоў сябра і падарыў яму цудоўны японскі тэрмас. Л. быў расчулены і дзякаваў. Ня ведаючы таго, што тэрмас сябра купіў за частку «прэміяльных», якія атрымаў за тое, што добра «стукаў» на Л.

***

У Дзяржынску быў малаказавод, на якім кралі сьмятану. Сьмятану прадавалі ня дзе-небудзь, а ў гарадскім гандлі, зь якім малаказаводчыкі былі зьвязаныя. Але органы кантролю выкрылі злодзеяў. Судзілі. Пасадзілі.

І ў магазінах зьнікла сьмятана. Каму ад таго стала лепей?

***

Асабістам трэба было завербаваць у сэксоты фельчара палка (мусіць, іншых ужо ўсіх перавербавалі). Выклікалі раз, другі – ня хоча фельчар рабіцца сэксотам. Тады яго арыштавалі, пабілі добра, напалохалі і аб’явілі, што зараз выпусьцяць. Але толькі калі пагодзіцца. А што рабіць? – Ды нічога асаблівага, ты толькі напішы, што, маўляў, як стаў падыходзіць, яны (названы былі афіцэры, франтавікі) прыпынілі размову. – І ўсё? – І ўсё.

Што рабіць – даў падпіску. І стаў сэксотам. Далей даносіў і надта сур’ёзныя рэчы.

***

Ён працаваў намесьнікам рэдактара ў раённай газэце. Калі Хрушчоў падвойваў абкамы, райкамы, напісаў у Маскву, што нязгодны, што тое няправільна. Тады яго зьнялі з пасады намесьніка, зрабілі загадчыкам аддзелу пісьмаў. Але праз два гады

зьнялі самога Хрушчова. І зноў зрабілі з двух адзін абкам. І ён, счакаўшы трохі, зноў пісьмом у Маскву напомніў аб колішняй сваёй нязгодзе.

Тады яго зноў зьнялі з загадчыка аддзелу і зрабілі карэктарам.

Болей ён пісаць нікуды ня стаў.

***

У маёй вёсцы яшчэ, памятаю, да вайны К. кепска жыла са сваім мужыком. Як прыйшлі немцы, пасьля чарговае сваркі яна схадзіла ў Кублічы да немца-камэнданта і паскардзілася на мужа. Сказала, нібыта ён зьвязаны з партызанамі. Назаўтра ў вёску прыехаў камэндант з групай паліцаяў, загадаў сабраць народ. Калі ўсе папрыходзілі, аб’явіў свой прысуд: К. за паклёп на мужа 15 шампалоў. А мужу 10 – за тое, што кепска выхоўвае жонку.

Партызанаў тады яшчэ не было.

***

Вушацкія – народ слова.

Прыйшоў позна Л., кажа жонцы: дай пяцёрку – дабавіць трэба. Тая кажа: «Ня дам». Тады ён: «Не дасі – спалю хату!» – «Палі, калі ты такі…» Запаліў, згарэла хата. Л. пасадзілі за падпал… Праз колькі часу жонка пайшла зьбіраць подпісы, каб выпусьцілі, бо кепска бяз хаты і бяз мужа.

***

Кацюшы, кацюшы…

Колькі пра іх складзена міфаў, колькі прысьвечана ім паэтычных радкоў. А на справе ўсё тое блеф, створаны, як і ўсё, камуністычнай прапагандай. Кацюшы гэтыя – болей прадукт камуністычнага ўзьдзеяньня на псыхалёгію. На фронце іх не любілі. Пехацінцы іх праклiналі. Яны давалі адзін-два залпы – невядома куды, падымалі хмару пылу і дыму і хуценька зматваліся. Праз 5 хвілінаў па тым месцы пачынала малаціць нямецкая артылерыя, і

дужа даставалася тым, хто ня мог змыцца. Пяхота не магла, яна і плаціла за гэтыя залпы.

Эфэктыўнасьць іх была мізэрная, бо білі яны па плошчы, без прыстрэлкі і рабілі куды болей вэрхалу, чым карысьці.

***

На Данцы ў 1943-м доўга стаялі ў абароне, умацоўваліся, капалі, мініравалі. І ладзілі пошук разьведчыкаў. І нашыя і немцы. Аднаго разу старшына роты паслаў у гаспадарчую частку пасыльнага, маладога салдата. З заяўкай на мыла. На паперцы зьверху пазначыў: «сав. сакрэтна». Салдат толькі нядаўна прыняў прысягу і прыбыў на фронт, і да загадаў начальства адносіўся дужа сур'ёзна. І ў лагчынцы, як зьвечарэла, нарваўся на нямецкіх разьведчыкаў. Прыняў бой. Каб ня трапіў сакрэтны дакумент у рукі ворага, зьеў яго. Сам быў паранены і загінуў. Уранку з рота выкалупалі ражок тае заяўкі з «сав. сакрэтнаю» паметкаю.

***

Пасьля вызваленьня Беларусі, недзе ўвосень 44-га году, сястра Валя, якой тады было 18 гадоў, пагадзілася ісьці ва Ўсходнюю Прусію, каб прыгнаць адтуль у раён каровы. Сказалі, як прыгоняць, усім дадуць па карове. Сястра абрадавалася – сваёй каровы ўжо не было. Гналі той статак доўга, трэба было даіць і пасьвіць, і самім карміцца. Напакутавалася страшэнна. А як прыгналі, кароў усіх разьмеркавалі па калгасах, а прыгоншчыкам – дулю.

У каторы раз ашукала начальства. Пасьля такога ашуканства было безьліч.

***

Ён быў прарок і вёў за сабой іншых. За ім ішлі. Яму верылі. І ён вучыў боскаму. Бо і сам быў паўбогам. Аднак іншыя ня ведалі, што ён бесьсьмяротны, а яны сьмяротныя. Прыйшоў крызысны час, яны

загінулі. А ён пайшоў вучыць іншых. Боскае праўдзе. Высокаму і добраму. Ён мог сабе тое дазволіць.

***

У 1939 годзе адбылося «ўзьяднаньне», «далучэньне», вызваленьне» ці як там Заходняй Беларусі. Ад мае вёскі да былой польскай мяжы было якіх 2 км. Па той бок засталася маміна радзіма, вёска Завулак, яе брат і іншая радня. Усе гады, аж да 39-га, я чуў яе расповеды пра Завулак, іхняе бліжняе мястэчка Празарокі, азёры, мясьціны. Але ня бачыў нічога. 20 гадоў – ніякой сувязі.

Увосень 39-га мяжа перасунулася аж за Беласток. Але старую не зьнялі. Пагранічнікі вартавалі, як і раней. А ў нас, як і ўсе калгасныя гады, галаднавата, паснавата. І маці надумала. Неяк цёмнаю восеньскай ночкай пайшла ў Караваінскі бор – парушаць граніцу. Колькі натрывалася страху… Але прайшла. Туды і назад. І прынесла на плячах торбачку мукі і барановую лапатку – гасьцінцы ад брата. Заходняга селяніна. Які гібеў ад белапольскай акупацыі. А мы раскашавалі пад роднай савецкай уладай. І гадамі сядзелі бяз хлебу.

Наплакалася мама. Ды й бацька… А мы радаваліся: займелі магчымасьць добра паесьці…

***

У саракавыя гады (здаецца, у 1947-м) у Гародні арыштавалі дацэнта педінстытуту Ржэўскага. Канешне, за нацыяналізм. Пасьля, казалі, кадэбісты абураліся: усё выдаў, ва ўсім прызнаўся. Пры вобыску не знайшлі нейкіх кніжак, дык ён на допыце сказаў, дзе хаваў: у куратніку.

Таму, хто рабіў вобыск, нагарэла. Як было не абурацца – гэтак падвёў нацыяналісты.

***

Недзе ў шасьцідзясятыя гады мяне паклікалі ў ваенкамат і далі анкету. Нашто – не сказалі, але неўзабаве стала вядома: зноў хочуць забраць у войска, на гэты раз – у ракетчыкі. Па нейкіх паказчыках я падыходзіў. Праз знаёмага ваенкаматчыка я запрасіў падпалкоўніка Фількова ў рэстаран, добра там выпілі, і ён мне параіў напісаць у анкеце нешта такое, каб не ўзялі. Тады я рашыў напісаць, што на захадзе ў эміграцыі жыве мой стрыечны брат Мікола, які прапаў у вайну. Быццам мне вядома, што ён жыве ў ФРГ. І праўда, памагло. Мяне не ўзялі.

Во як дапамог мой няшчасны Мікола. Даруй мне, браток…

***

Пачалася кампанія барацьбы з абстракцыяністамі. У Гародні абкам рыхтаваў актыў з нейкімі пытаньнямі. Але вось першы сакратар Міцкевіч паклікаў мяне. Я, канешне, прыйшоў у абкам. З мэфістофельскай усьмешкай на баксёрскім твары той папытаў пра жыцьцё, пра сёе-тое. А пасьля пытаецца, што гэта піша Еўтушэнка. Я так зразумеў, што яму трэба мая ацэнка, бо, вядома, абкам далёкі ад усяго таго. І, вядома, я адхарактарызаваў Еўтушэнку як выдатнага паэта. Міцкевіч слухаў, усьміхаўся, не пярэчыў. Падзякаваў і адпусьціў.

Празь дзень – сход актыву. Выступае першы сакратар. Граміць Еўтушэнку, Вазьнясенскага і – заадно Быкава і Карпюка, якія, аказваецца, таксама падзяляюць іхнія ідэі.

Вось дык пракансультаваў першага!

***

Наступалі, наступалі і ўперліся ў гарадок. Не даваў падступіцца дзот на вельмі выгоднай выспачцы. Армія стала. Масква падганяла. Тады неяк уранку пры разьведцы боем адзін сяржант падпоўз і кінуў гранату. Удала кінуў. Дзот замоўк. Батальён падняўся і захапіў выспу. Дывізія заняла гарадок. Армія прасунулася на два кілямэтры.

Хутка выйшлі ўзнагароды. Камандарму за ўзяцьце гораду далі Героя. Камкору ордэн Суворава І ступені. Камдыву ордэн Чырвонага сьцягу. Камандзіру палку – Айчыннай вайны І ступені. Камбату – другой ступені. Камроты – Чырвонай зоркі. Сяржанту – мэдаль «За адвагу».

Усім як і належыць. Па чыне.

***

Яўген Васільевіч дужа любіў пісаць вершы. Асабліва як у званьні падпалкоўніка дэмабілізаваўся з войска. Недзе прачытаў, што трэба – ні дня без радка. І працаваў кожны дзень з 9 да 18. Калі толькі ня езьдзіў на рыбалку.

Але во друкавацца… Абласная газэта давала адну літстаронку ў квартал. А ў той старонцы – 1–2 вершы Яўгена Васільевіча. Ён спрабаваў правіць іх паміж старонкамі. Хадзіў да рэдактара. Надакучыў літкансультанту. Той, каб як адбіцца ад надакучлівага паэта, аднойчы сказаў, што вершы яго такія добрыя, што шкада іх друкаваць у нейкай абласной газэце. (Хоць былі яны звычайная графаманская дрэнь.) «Можа, у “Правде”?» – падхапіўся Яўген Васільевіч. «Во, паспрабуйце – у “Правду”».

І Яўген Васільевіч паслаў у «Правду». І праз які месяц «Правда» надрукавала адзін верш да дня нараджэньня Леніна. Яўген Васільевіч на радасьць літкансультанта перастаў насіць вершы ў абласную газету, усё, што пісаў, адсылаў у «Правду». Але болей там не зьявілася ніводнага яго верша. Ды то не бяда – аўтар быў упэўнены, што ягоныя вершы – толькі для галоўнай газэты краіны. Тым і ганарыўся. І напісаў яшчэ шмат.

***

Ехалі ў адпачынак, папрасілі суседзяў паглядзець за кватэрай. Добрыя былі суседзі. Але ў аэрапорце спахапіліся – нешта забылі. Гаспадар на таксі вярнуўся на кватэру і… застаў там суседзяў, якія шнырылі па ягоных камодах.

Добрыя былі суседзі.

***

У 1946 годзе ў Мікалаеве лютавалі бандыты. Рабавалі, забівалі. Афіцэры з казармаў разыходзіліся позна. Адзін ротны, прыпазьніўшыся, узяў свой табэльны ТТ.

І якраз каля парку Пятроўскага яго спынілі трое. «Скідвай боты!» Ротны выняў пісталет і паклаў аднаго. Іншыя ўцяклі. Тут жа далажыў у камэндатуру. Праз пару месяцаў ротнага судзілі. Далі 6 гадоў за забойства. Пасьля асуджаны казаў: «Які я дурань! Лепш бы аддаў ім боты, шынель, голы неяк дабег да дому. Але ж хто ведаў, што законы пісаны для рабаўнікоў, а не для сумленных...».

Яны прарываліся з акружэньня. Камбат і санінструктар. Як выйшлі, ён папрасіў яе стрэліць яму ў руку, каб па выхадзе не арыштавалі. Яна яго кахала, але... была камсамолкай. І стрэліла ў яго...

Цяпер 50 гадоў дакарае сябе.

***

Атрымаў позву на паседжаньне і не хацеў ісьці. Але даўно не хадзіў у Саюз пісьменьнікаў, даўно нікога ня бачыў, падумаў: схаджу. Пабачыцца, пагаварыць з мудрымі. Тым болей, што такія падзеі адбыліся за апошні час у Беларусі і ў сьвеце.

Ажно ня тое б яно было. Зноў, як і 10 і 20 гадоў назад, Б. пачаў расказваць нешта сьмешнае пра Пестрака, яму падхіхікваў Ч. Пасьля Ч. пачаў даволі бесцырымонна ўпэўніваць астатніх, што яму трэба прэмія (бо мінулая прысуджана за кіно, а цяпер – за літаратуру). За некага з ліку патрэбных закідваў слова Ш. Пра сёньняшняе страшнае і балючае – ні слова. Як і 10 і 20 гадоў таму.

Во – школа!

***

У гады вайны ўся партызанка была пад кіраўніцтвам Масквы. Адтуль дасылаліся розныя групы. У тым ліку і чэкісцкія, – пад выглядам разьведвальных. Але што было выведваць у глыбокім

нямецкім тыле? У лясах, балотах ды глухіх вёсках? Я ўсё думаў, што тут нешта ня тое.

Аказалася, сапраўды ня так. Чэкісцкія групы мелі больш пэўнае заданьне: вынішчаць «класава чужды элемент». Неданішчаны ў перадваенныя гады. Што яны і рабілі з апорай на мясцовы актыў. Часам самі, часам рукамі немцаў – як Менскае падпольле. А разьведка – гэта любімая «крыша» ўсіх чэкістаў.

***

Сустрэча з чытачамі ў бібліятэцы. Прадставіла маладая бібліятэкарка, у зале – чалавек 18–20. Стандартныя пытаньні: як вы працуеце, як адносіцеся, творчыя пляны.

Выйшаў на вуліцу і на тралейбусным прыпынку трапіў у людзкі натоўп, у тралейбус было ня ўлезьці. Гэта непадалёк скончыўся канцэрт заежджай рок-групы. Тысячы людзей. Натхненьне. Ажыўленьне. Гэта культура часу. Маскульт, перад якой уся ранейшая – непатрэбшчына. Старая, бедная бабуля…

***

На адным з перадвыбарчых сходаў наважыўся. Калі з залы папыталіся, чаму дэмакратаў не падтрымліваюць гэтак дружна, як камуністаў, сказаў: бо так інструктуюць спэцорганы. Праз сваіх сэксотаў. Думаў: зараз будуць аплядысмэнты, бо хто ж таго ня ведае, хіба ніхто не гаворыць. Але бачу: позіркі ў зале адразу патухлі, твары пазмрачнелі. Ніякой рэакцыі.

Пасьля, як ехалі дамоў, нагадаў пра той эпізод сябрам у аўтобусе, думаў, пачнецца размова. Ды не. Зноў рэакцыя тая ж – раптоўная апатыя. А праз хвіліну – прапанова самага гаваркога: «Давайце сьпяём…».

Вось так!

***

Прыехаў у замежную краіну, дзе не было нікога знаёмага. Аднак нехта ўзяў над ім апеку: гатэль і г. д. З таго часу на доўгія гады – самае сардэчнае сяброўства. Езьдзілі адзін да аднаго, сябравалі сем’ямі.

І толькі нядаўна даведаўся, што той – чалавек бясьпекі і ўсё рабіў па яе заданьні…

Пераклад з беларускай - Ірыны Шаўляковай.

Быкаў В.У.

Парадоксы жыцьця: Аповесьць, апавяданьне, прыпавесці. — Мн.: "Беллітфонд", 2004. — 288 с.

ISBN 985-6576-36-9

Кнігу Народнага пісьменьніка Беларусі Васіля Быкава (1924-2003) склалі напісаныя ў апошнія гады жыцьця творы, якія асобным выданьнем выходзяцьупершыню.